

The illustration is a black and white halftone print. At the top, a long, tapered arrow or spearhead points from the left towards the right. Below it, a collection of ancient artifacts is arranged in a circular pattern. These include several small, rounded vessels or containers, some with handles, and a central cluster of smaller, more intricate objects. The bottom portion of the image shows a stylized landscape with rolling hills or mountains, rendered with a dense pattern of dots and lines to create texture and depth.

**ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
АЛТАЯ**

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований
при Алтайском государственном университете

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ

Сборник научных трудов

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *Ю. Ф. Кирюшин*,
кандидат исторических наук, доцент *А. Л. Кунгуров* – ответственные редакторы;
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *В. И. Молодин*;
доктор исторических наук, профессор *Л. А. Чиндина*;
кандидат исторических наук, доцент *А. Б. Шакин*;
кандидат исторических наук, доцент *А. А. Тишкин*

Д 73 Древние поселения Алтая: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.Л. Кунгурова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 239 с.

Сборник, подготовленный по программам «Археологические и этнокультурные аспекты истории Алтая в различные хронологические периоды» и «Изучение древнейших археологических памятников Алтая» (ФЦП «Интеграция»), посвящен публикации материалов поселений и комплексов памятников различных эпох – от палеолита до средневековья. Рассматриваются особенности планиграфии, керамических и орудийных ансамблей, этнокультурная принадлежность различных памятников. Рассчитан на археологов, этнографов и краеведов.

Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6

Многослойный памятник Ушлеп-6 находится в юго-западных отрогах Горной Шории, в 200 м к северу от северо-восточной окраины с. Новотроицк (Солтонский район Алтайского края) (рис. 1-1). Расположен на высоком цокольном мысе, который образован понижением водораздельного кряжа. Мыс полого понижается от 100 до 10-15 м и в своем окончании имеет ширину не более 20-25 м. Общая его длина - около 250-300 м. С юга и запада мыс ограничен долиной р. Ушлеп, с северо-запада - Ненинской впадиной, которая разделяет здесь Салаирский кряж и Горную Шорию [226]. Памятник открыт в 1989 г. А.Л. Кунгуровым, исследовался им в 1989-1995 гг. [197; 201].

Оконечность мыса разрушена каменным карьером, у восточной стенки которого заложен раскоп 1. В 80 м выше по склону заложен раскоп 2 (рис. 1-2). Толща рыхлых отложений вскрыта раскопом 1 до цоколя на площади 78 кв.м. Здесь выявлено восемь культурных слоев (рис. 2-2). Ограниченный объем работы не позволяет сделать описание разреза, тем более, что оно уже опубликовано [201]. Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов второго культурного слоя, которые публиковались лишь в обобщенном и тезисном виде [196; 197; 235].

Второй культурный слой залегает в легком суглинке бурого цвета, который в разрезе раскопа 1 разбит более темными прослоями (разорванная погребенная почва?) (рис. 2-2). Раскопом 1 вскрыто 274 кв. м слоя (рис. 2-1), раскопом 2 - не менее 200. При вскрытии культурного слоя не было зафиксировано никаких очагов, жилищных конструкций и прочих объектов. Практически не встречены костные остатки, которые в силу местных условий очень плохо сохраняются. Исключение составляет пластина бивня мамонта (продукт его естественного разложения) и зубы лошади, сохранившиеся на площади раскопа 1 в очень небольшом количестве. В кв. 3-19 пять зубов лошади залегало в анатомическом порядке.

В пределах раскопа 1 более 50% каменных артефактов (почти 2000) получено

при выборке трех скоплений (на кв. Г-Д/2-3, Б-В/2-4, А'-А/2-3), еще 25% (почти 1000 артефактов) - при разборке скопления Б'-В'/8-9. Прочий материал рассеян по площади раскопа (кроме участка К-П/8-15, где слой уничтожен дорогой) (рис. 2-1). В пределах раскопа 2 58% каменных артефактов (160 экз.) также залегали единым скоплением, в то время как на остальной площади концентрация каменного инвентаря составляла один артефакт на 0,5-0,8 кв. м.

Сырьевая база каменной индустрии основывается на гальках однородного, слабополосчатого и зернистого кварцита темно-серых (черных), серых-светло-серых, белесых (или белых) оттенков (определения сделаны к.г.-м.н. Б.Н. Лузгиным). Гальки происходят из валунно-галечного конгломерата, выходы которого на поверхность зафиксированы в пойме р. Ушлеп.

Коллекция каменных артефактов из раскопа 1 составляет 3492 экз. (100%), из них не подвергнуто вторичной обработке 3401 (97,39%): отщепов первичных - 497 (14,23%) (крупных - 121, средних - 159, мелких - 217); отщепов - 755 (21,62%) (крупных - 240, средних - 183, мелких - 332); чешуек - 657 (18,81%); осколков, обломков - 919 (26,32%) (крупных - 103, средних - 205, мелких - 611); галек со сколами, обломков галек - 101 (2,89%), долечных сколов - 54 (1,55%), нуклеусов и нуклевидных форм - 103 (2,95%), технических сколов - 183 (5,24%), пластин без обработки - 57 (1,63%), пластинчатых отщепов без обработки - 70 (2,0%), нерасщепленный валун - 1 (0,03%), галек-отбойников - 2 (0,06%), галек-наковален - 2 (0,06%).

Техника первичного расщепления выражена преформами - 16 экз. (рис. 3-1-8; 4-6,7; 5-6), нуклеусами - 66 экз., их обломками - 9 экз., нуклевидными изделиями - 12 экз., серией технических сколов и отщепов. Нуклеусы плоскостные параллельного принципа расщепления представлены 35 экз.: одноплощадочных односторонних - 26 (рис. 3-9; 4-2-5,8; 5-2,4,5; 7-9; 7-1-3,6,12; 8-7,9,13) (в продольном варианте - 24, в поперечном - 2), двухплощадочных односторонних - 2 (рис. 5-3; 8-10), одно- и двухплощадочных двусторонних с сопряженными фронтами - 3 (рис. 4-9; 5-1; 8-11), двухплощадочных двусторонних - 4, из которых один представлен продольным вариантом (рис. 4-10), другой - поперечным (рис. 7-10), третий и четвертый продольно-поперечные (рис. 7-4, 7). Нуклеусы торцового принципа расщепления представлены 12 экз.: односторонних - 8 (рис. 6-1,4,8; 8-

2,4,5,8,12), двусторонний (подкельтовидный) – 1 (рис. 6–9), атипичный клиновидный – 1 (рис. 8–6). Еще два торцовых нуклеуса (рис. 5–1; 8–11) уже упомянуто в связи с тем, что сопряжены с нуклеусами параллельно-плоскостными. Четыре торцовых нуклеуса оформлены на первичных отщепках, шесть – на обломках галек, один – на галке. Клиновидный нуклеус оформлен на отщепе (?).

Призматический принцип расщепления представлен семью нуклеусами: подпризматическими одноплощадочными – 5 экз. (рис. 6–2,5, 6; 7–5) и двухплощадочными – 2 экз. (рис. 6–3; 7–13). Радиальная техника – двумя нуклеусами (рис. 6–7, 10), оба – односторонние. Нуклеусов с попеременным скалыванием – 2 (рис. 7–9,11), истощенных – 2 (рис. 7–8; 8–1), аморфных – 8.

При характеристике величины пластины учитывалась ее ширина. По ширине пластинчатые заготовки разделены на мелкие (до 1,5 см), средние (1,5–2,0 см) и крупные (более 2,0 см).

Всего пластинчатых заготовок – 148 экз. (4,24%) (рис. 12–13–56; 13–1–42,46,47): пластин – 76 (2,18%) (крупных – 10, средних – 14, мелких – 52), пластинчатых отщепов – 72 (2,06%) (крупных – 16, средних – 21, мелких – 35). Целых пластин всего 10, усеченных – 29, проксимальных фрагментов – 18, медиальных – 13, дистальных – 6. Пластинчатых отщепов целых – 15, усеченных – 30, проксимальных фрагментов – 9, медиальных – 8, дистальных – 10. Большая часть пластин имеет треугольное (около 79%), реже – трапециевидное (около 16%) сечение, непараллельное ограничение дорсальной стороны, неровные края, ширину в пределах 1,0–2,0 см (более половины пластин), что соответствует технике расщепления.

Вторичной обработке подвергнуто 19 пластин: у четырех пластин притуплен торец (рис. 12–20,27–29), у шести пластин и двух пластинчатых отщепов один или два края несут фасетки мелкой нерегулярной ретуши (рис. 12–19–24,31,32), на четырех пластинах оформлены выемчатые скобели (рис. 12–15–18), на двух – скребла (рис. 10–1,7), в единичных экземплярах представлены проколка (рис. 12–14) и резец (рис. 9–13) на пластинах.

В типологически выраженные орудия оформлено 55 непластинчатых заготовок: 16 отщепов целых и 3 фрагментированных, 8 первичных отщепов, 11 заготовок случайной формы (осколков, обломков и др.), 6 обломков галек, 3 долевых скола, 4 технических скола, нуклеус, нуклевидный

предмет; 2 заготовки – неопределимы. Еще 17 непластинчатых артефактов несут фасетки невыразительной ретуши: 11 отщепов целых и 1 фрагментированный, 2 отщепки первичных, обломок гальки, технический и долевый сколы (рис. 9–5; 10–9,14; 12–10,12).

Всего на 91 артефакте зафиксировано 98 случаев применения (СП) вторичной обработки: ретуши – 60, резцового скола – 15, чешуйчатой подтески – 2, выемчатого скола – 21. Особенно интересен прием ретушного стесывания ударного бугорка на фрагментированных крупных первичных отщепках, оформленных в двойные продольно-выпуклые дорсальные скребла (рис. 9–1–3). Одно скребло, оформленное на первичном отщепе со стесанным ударным бугорком, известно в коллекции раскопа 2 (рис. 15–4).

По характеру наложения ретушных фасеток ретушь унифасиальная (41 СП), бифасиальная (7 СП), попеременная (7 СП), противлежащая (5 СП), дорсальная (34 СП), вентральная (7 СП). По протяженности – прерывистая (13 СП) и протяженная (47 СП). По количеству рядов – однорядная (11 СП) и многорядная (49 СП). По наклону – вертикальная (39 СП), крутая (45 СП), полукрутая (19 СП), плоская (8 СП), стелющаяся (3 СП). По захвату ретушь глубокая (2 СП), полуглубокая (10 СП), неглубокая (48 СП). По распространенности ретушь покрывающая (2 СП), распространенная (1 СП), захватывающая (10 СП), краевая (47 СП). По размеру ретушных фасеток крупная (9 СП), средняя (41 СП), мелкая (60 СП) (фасетки крупной и средней ретуши всегда наносились в комбинации с фасетками мелкой ретуши).

Резцовый скол нанесен на 15 артефактах, чешуйчатая подтеска – на 2, выемчатый скол – на 21. На 9 скобелях выемки единичные, на 6 – двойные, на 1 – тройные. На 2 артефактах оформлено по 4 выемки, еще на 2 – более 4 выемок. Серией выемок оформлен зубчатый скобель.

Орудийный набор представлен 91 артефактом (2,61%): скребков – 7, микроскребков – 3, скребел – 6, резцов – 13, долотовидных орудий – 2, проколов – 3, острый – 3, бифасов – 3, зубчато-выемчатых форм – 21, отщепов с ретушью – 17, лезвий на реберчатых сколах – 3, пластин и пластинчатых отщепов с фасетками мелкой нерегулярной ретуши по одному или двум краям – 8, пластин с притупленным торцом – 4.

Все скребки оформлены на непластинчатых заготовках: концевых на отщепках со размерных – 2 экз. (рис. 10–10,17), удлинённый – 1 (рис. 10–4), укороченный – 1 (рис. 10–11), угловой – 1 (рис. 10–12), со

скошенным лезвием — 2 (рис. 10-6,15). Из микроскребок два оформлено на заготовках случайной формы (рис. 10-13, 16) и один — на мелком отщепе (рис. 10-18).

Из скребел два простых продольно-прямых оформлены на крупных пластинах (рис. 10-1,7), остальные — на крупных первичных отщепах: 3 скребла — двойные продольно-выпуклые базально-усеченные (рис. 9-1-3), одно — простое поперечно-выпуклое (рис. 9-4).

Резцы оформлены на отщепах, реже — на долечных сколах и заготовках случайной формы. Двугранных срединных — 2 резца (один — симметричный, другой — асимметричный, рис. 12-7), плоский — 1 (рис. 12-8), угловых — 2 (рис. 12-6, 13), поперечных — 4 (рис. 10-2; 12-5), атипичный — 1 (рис. 12-2), многофасеточных (нуклевидных) — 4 (рис. 10-5; 12-3,4,9), один из которых комбинирован с продольно-поперечно-выпуклым скреблом (рис. 10-5). Данное изделие, возможно, может являться атипичным клиновидным нуклеусом.

Зубчато-выемчатые формы являются наиболее многочисленной группой орудий: зубчатый скобель — 1, зубчато-выемчатых — 2 (рис. 11-7,13), все прочие скобели — выемчатые (18 экз.). Простых выемчатых — 9 (из них 4 орудия оформлено на пластинах): продольных дорсальных — 5 (рис. 11-10,14; 12-15-17), продольных вентральных — 3 (рис. 10-8; 12-18), поперечный вентральный — 1 (рис. 11-4). Двойных выемчатых скобелей — 4 экз.: продольных — 2 (рис. 11-8,9), поперечных — 2 (рис. 12-1). На двойных продольных выемках выделено по одному зубцу. Тройной выемчатый оформлен на нуклевидном предмете (рис. 11-12). Четверные выемчатые — 2 экз. У первого выемки чередующиеся (рис. 11-6), у второго двумя выемками оформлен один зубец (рис. 11-5). На двух скобелях выемок более четырех. У первого выемки оформлены на дорсальной стороне (рис. 11-11), у другого выемки чередуются, двумя выемками в основании выделен «черешок» (рис. 11-16).

Долотовидные орудия (2 экз.) двусторонне оформлены чешуйчатой подтеской: одно — на гальке (рис. 9-7), другое — на заготовке случайной формы (рис. 10-3). Проколки — 3 экз.: одна оформлена на пластине (рис. 12-14), другая — на заготовке случайной формы, третья — на отщепе, комбинирована с проверткой (рис. 11-15). Острия — 2 экз., оба оформлены на крупных первичных отщепах: одно — снятием сколов резцового типа с последующим ретушированием (рис. 12-11),

другое — двумя сколами резцового типа без дальнейшей доделки (рис. 9-6).

Бифасы — 3 экз. Одно изделие (рис. 11-1) уплощено, представлено обломком, другое имеет овальную форму (рис. 11-3). Последнее изделие (рис. 11-2) оформлено на торцовом нуклеусе, рабочий край — на килевой части нуклеуса бифасиальной, многорядной, полуглубокой, распространенной, крутой и вертикальной чешуйчато-ступенчатой ретушью, фронт нуклеуса несет следы забитости. Данное изделие, возможно, могло быть долотовидным орудием.

Коллекция каменных артефактов из раскопа 2 составляет 279 экз. (100%). Из них не подвергнуто вторичной обработке — 264 (94,62%): первичных отщепов — 12 (4,30%) (крупных — 2, средних — 5, мелких — 5), отщепов — 112 (40,14%) (крупных — 7, средних — 31, мелких — 74), чешуек — 50 (17,92%), осколков, обломков — 45 (16,13%) (крупных — 3, средних — 11, мелких — 31), технических сколов — 18 (6,45%), ретушер — 1 (0,36%), обломок отбойника — 1 (0,36%), пластин — 4 (1,43%) (рис. 15-10-13), пластинчатых отщепов — 7 (2,51%) (рис. 15-9,14), нуклевидных форм — 14 (5,02%).

Техника первичного расщепления выражена преформами — 2 экз. (рис. 13-44; 14-10), нуклеусами — 10 экз., обломком нуклеуса — 1 экз., нуклевидным изделием — 1 экз. и серий технических сколов. Параллельно-плоскостной принцип расщепления представлен нуклеусом продольным двухплощадочным двусторонним (рис. 13-43), единственным нуклеусом представлена леваллуазская техника (рис. 14-11), аморфных — 3. Все прочие нуклеусы — торцовые: одноплощадочные односторонние — 4 экз. (рис. 13-45,48,49; 14-1), атипичный клиновидный со скошенной ударной площадкой — 1 (рис. 14-8). Три торцовых нуклеуса оформлено на гальках, четвертый торцовый и клиновидный — на отщепах.

В типологически выраженные орудия оформлено пятнадцать артефактов: четыре первичных отщепа, три обломка, два отщепа, два нуклеуса. Четыре заготовки неопределимы. Пластины, подвергнутые вторичной обработке, отсутствуют.

Орудийный набор представлен 15 экз.: скребок — 1, скребла — 5, резец — 1, острокопчик — 1, бифасы — 4, зубчатый скобель — 1, выемчатый скобель — 1, отщеп с ретушью (скребло?) — 1.

Скребок — концевой на отщепе дорсальный удлиненный с утонченным корпусом (рис. 15-2). Скребла простые продольно-выпуклые — 2 экз. (рис. 14-3; 15-6), простое продольное

вогнуто-выпуклое — 1 (рис. 14-4), простое поперечно-выпуклое со стесаной ударной площадкой и ударным бугорком — 1 (рис. 15-4). Единственное двойное скребло представлено продольно-поперечным прямо-выпуклым вариантом (рис. 14-2). Резец — многофасеточный (нуклевидный) (рис. 14-7). Остроконечник — дорсальный подтреугольный (рис. 14-6). Простой продольный выемчатый скобель оформлен на нуклеусе (рис. 15-7), дорсально-продольный зубчатый скобель — на обломке отщепы (рис. 15-5). Бифасов — 4 экз. Один из них — нуклевидный (рис. 15-8), другой — подтреугольный (рис. 14-5), третий — с обушком (рис. 14-9), последний представлен обломком (рис. 15-1).

Таким образом, чрезвычайная насыщенность слоя отходами производства всех стадий первичного расщепления (97,39% и 94,62% для раскопов 1-2) при отсутствии очагов и жилищных конструкций свидетельствует о преимущественно производственном характере исследованной площади.

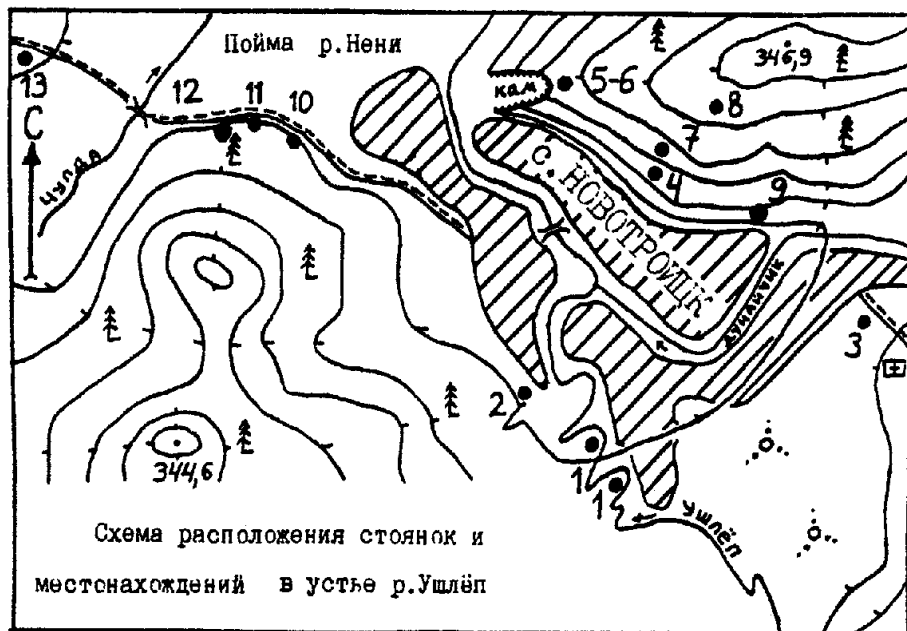
Помимо многослойного памятника стоянки Ушлеп-6 в приустьевой зоне р. Ушлеп известно еще одиннадцать палеолитических памятников и местонахождений (рис. 1-1), материалы восьми из которых хронологически одновременны второму культурному слою Ушлена-6 и отнесены к заключительной стадии позднего палеолита (Ушлеп-2-4, 7-8, Школьная Гора-1,2, Вознесенка-1) [157; 188; 191; 192; 195; 197; 207; 208; 235]. Наиболее исследована стоянка Ушлеп-3. В 1984 г. А.Л. Кунгуровым здесь вскрыто 47 кв.м культурного слоя. Получена коллекция, состоящая из 1472 каменных артефактов [192]. Еще около 150 артефактов собрано в разрушениях, вызванных хозяйственной деятельностью жителей с. Новотроицк. Материалы прочих стоянок и местонахождений представлены незначительными сборами.

В технике первичного расщепления индустрий ушлепских памятников доминирует параллельно-плоскостной принцип, достаточно выражены его продольно-поперечные варианты. В то же время торцовый, призматический принципы и радиальная техника представлены довольно слабо, что качественно отличает ушлепские индустрии от ныне известных каменных индустрий Алтая заключительной стадии позднего палеолита (памятники бассейнов рек Катунь, Бия, Чумыш и др.): Сростки [302-305], Урожайная [194; 197], нижние культурные слои Усть-Куюма [198; 214; 269], Усть-Семы [205] и Тыткескена 3 [194; 197], Стан-Бехтемир [195; 197; 219; 243], Камешок 1 [195; 219], Чебашихинская Горка [195; 219], Красная Гора [198], Каратурук [117], Майма [220], пещера Иульчак [28], Куюк 5 [199] и др. [189; 194-197].

На уровне первичного расщепления ушлепским стоянкам наиболее близки индустрии некоторых памятников Кузнецкой котловины [237]. Типология орудийного набора в целом обычна для позднего палеолита Южной Сибири.

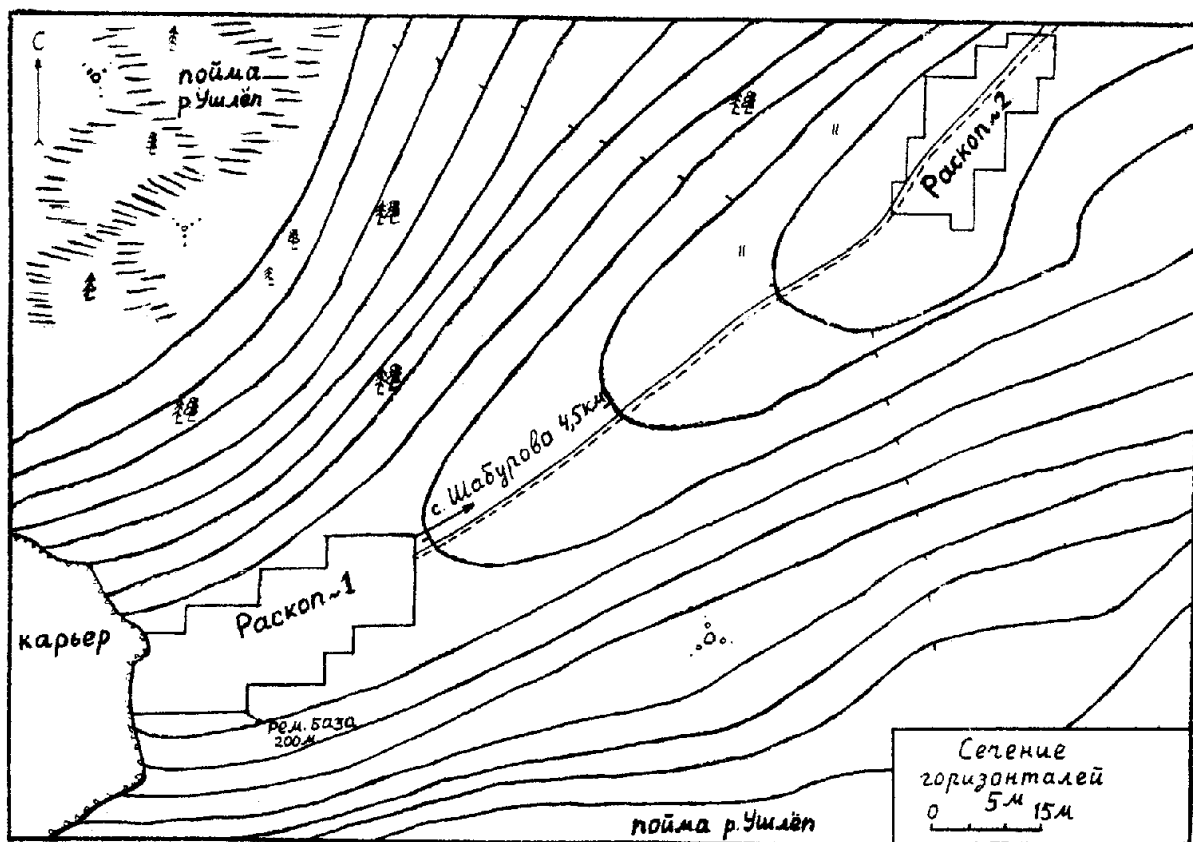
Для более точного определения места ушлепских памятников среди индустрий заключительной стадии позднего палеолита Южной Сибири необходимо их дальнейшее изучение, выявление и исследование жилых комплексов с выразительным орудийным набором. В связи с этим перспективными представляются дальнейшие работы на многослойном памятнике Ушлеп-6, где на 2 кв.м еще не вскрыто около 2000 кв.м (более 80% площади). Площадь распространения 3-8 культурных слоев еще не определена.

Таким образом, многослойный памятник Ушлеп-6 является опорным для изучения мустьерской и позднепалеолитической эпохи юго-западных отрогов Горной Шории.

- 1 Ушлеп-1
- 2 Ушлеп-2
- 3 Ушлеп-4
- 4 Ушлеп-3
- 5 Ушлеп-5
- 6 Ушлеп-6
- 7 Школьная Гора-2
- 8 Школьная Гора-1
- 9 Усть-Дунайчик-1
- 10 Ушлеп-7
- 11 Ушлеп-8
- 12 Усть-Чулда
- 13-Вознесенка

1

2

Рис. 1. Схема расположения памятников археологии ушлепского палеолитического микрорайона (1), план расположения многослойного памятника Ушлеп-6 (2)

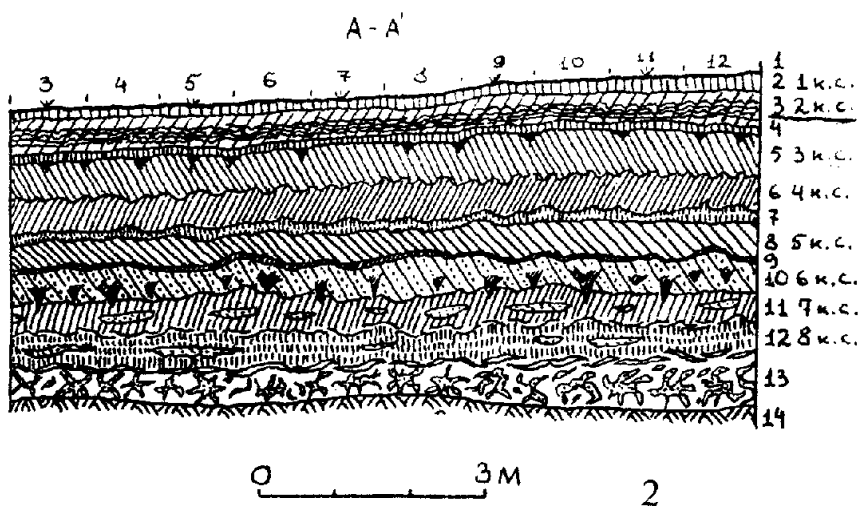
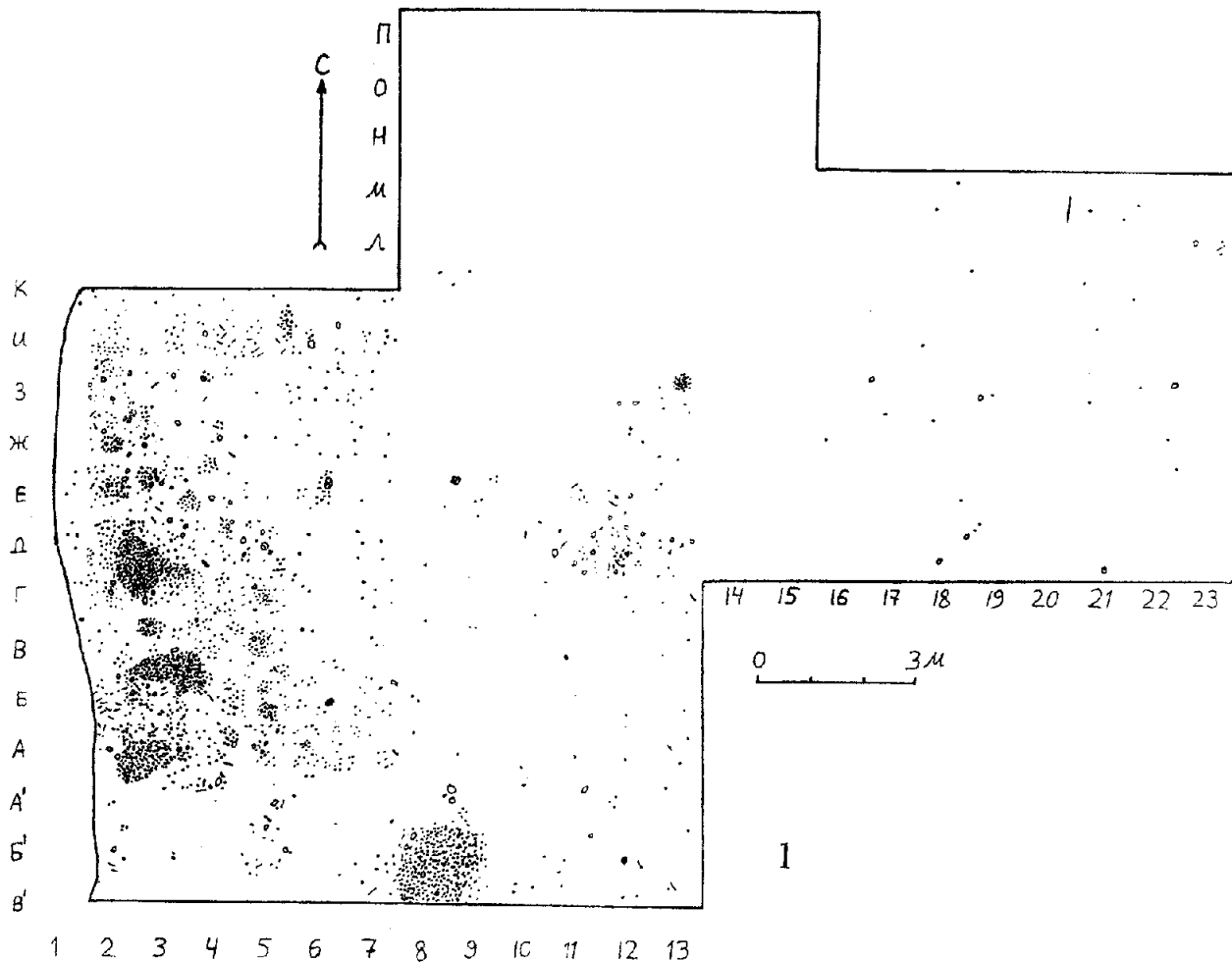

Рис. 2. Раскоп № 1 стоянки Ушлеп-6:

- 1 — план 2 к.с.;
- 2 — профиль стенки раскопа

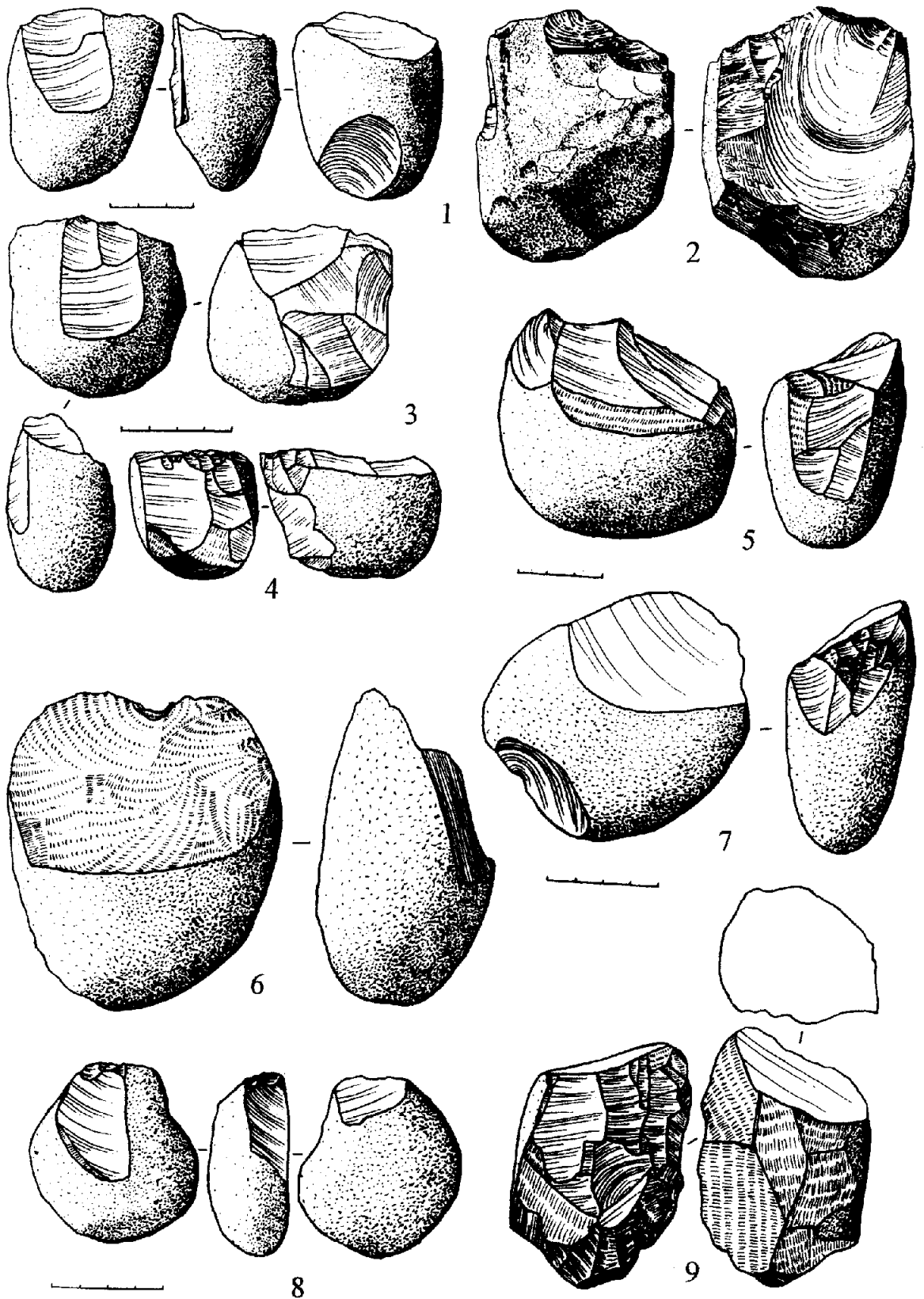

Рис. 3. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
1-9 — преформы и нуклеусы

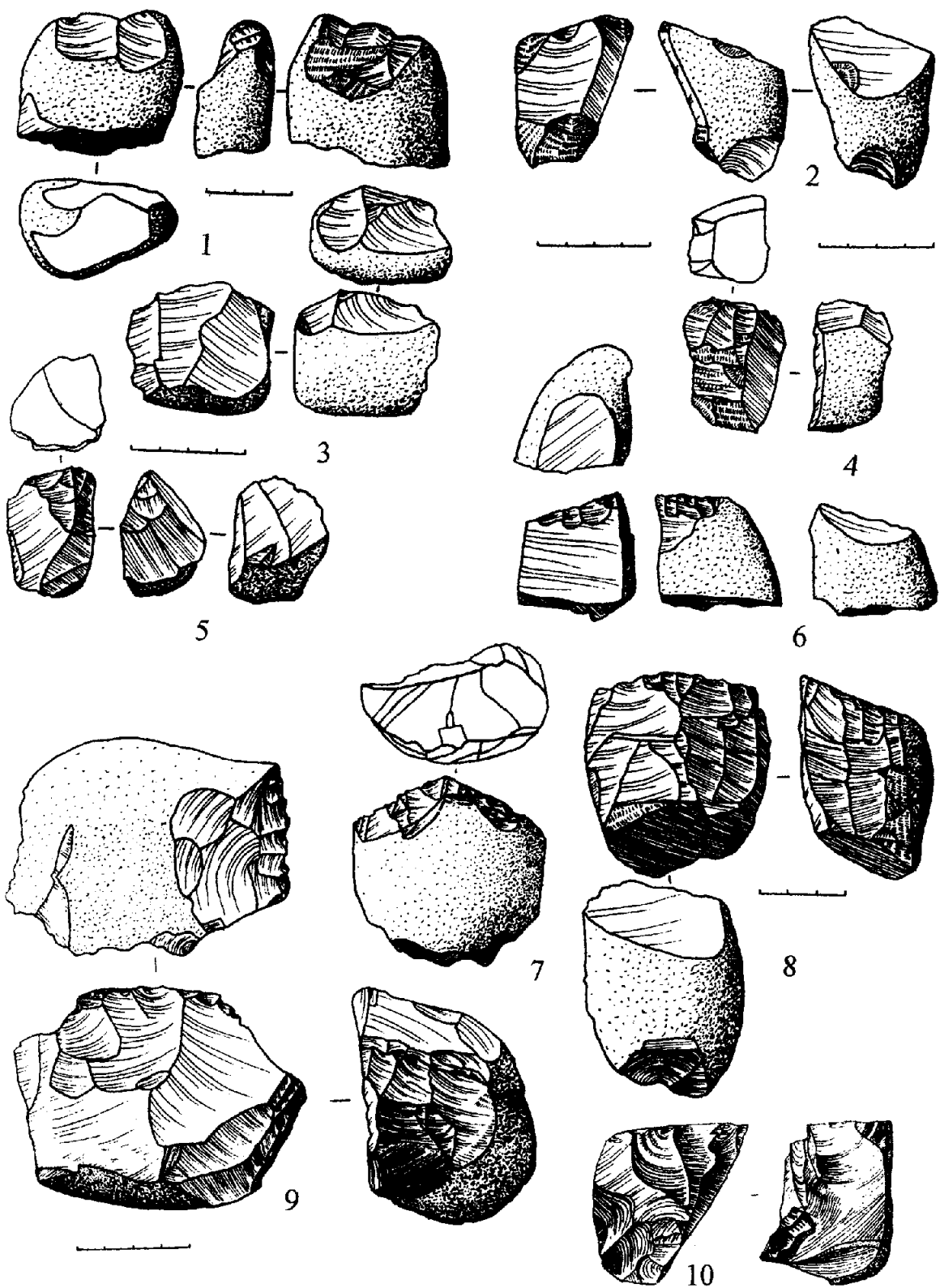

Рис. 4. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
1-10 — преформы и нуклеусы

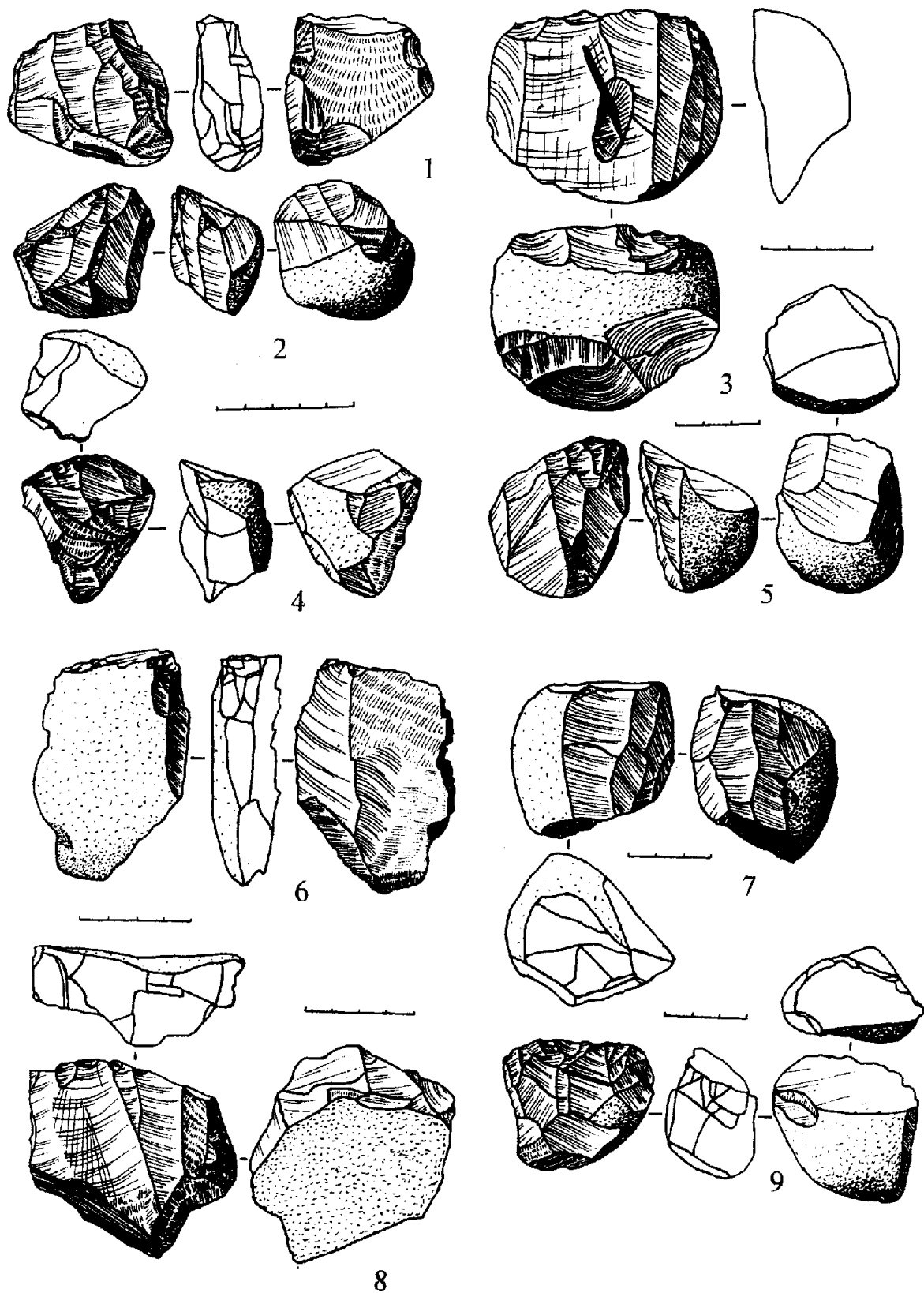

Рис. 5. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
1-9 — нуклеусы

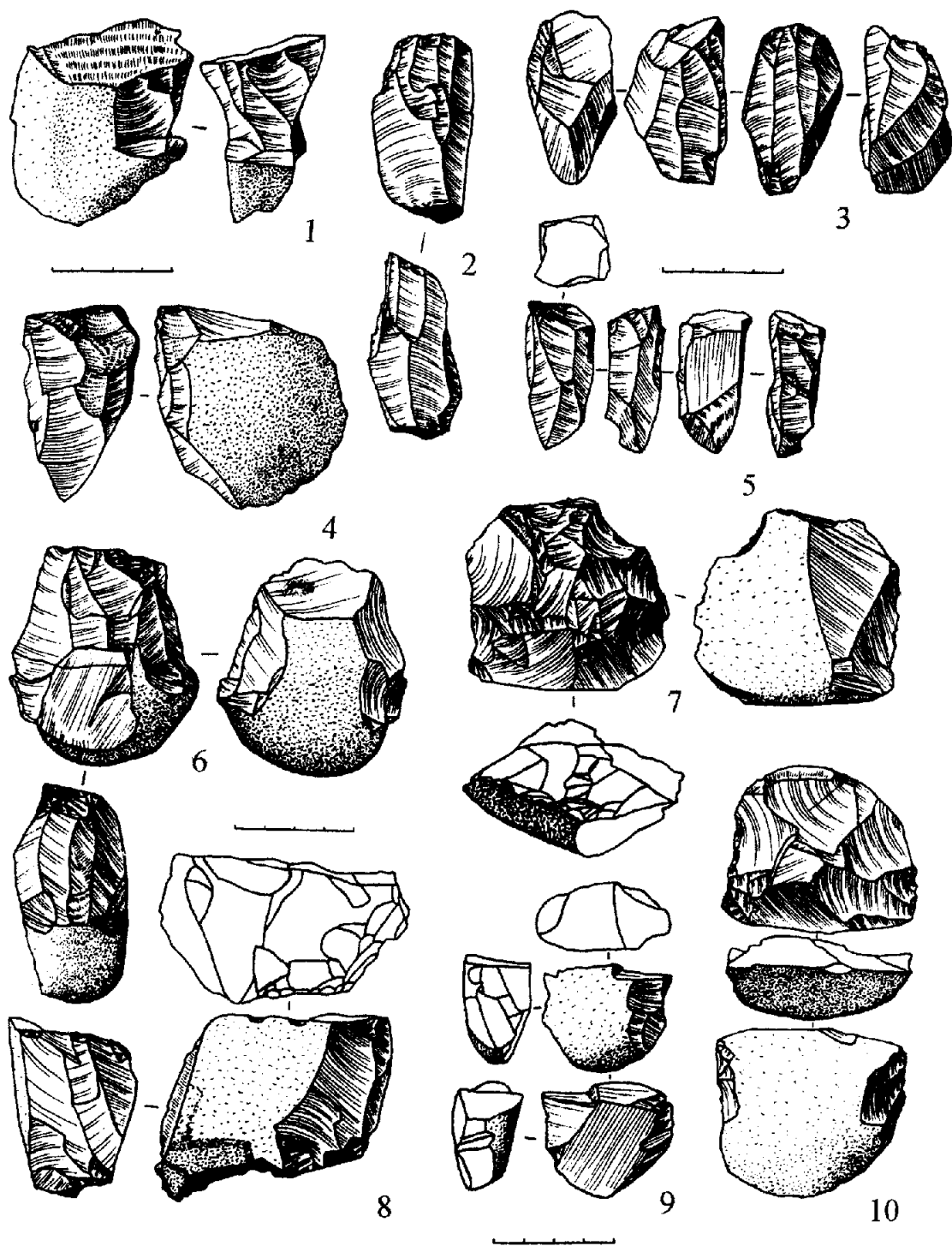

Рис. 6. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
1-10 — нуклеусы

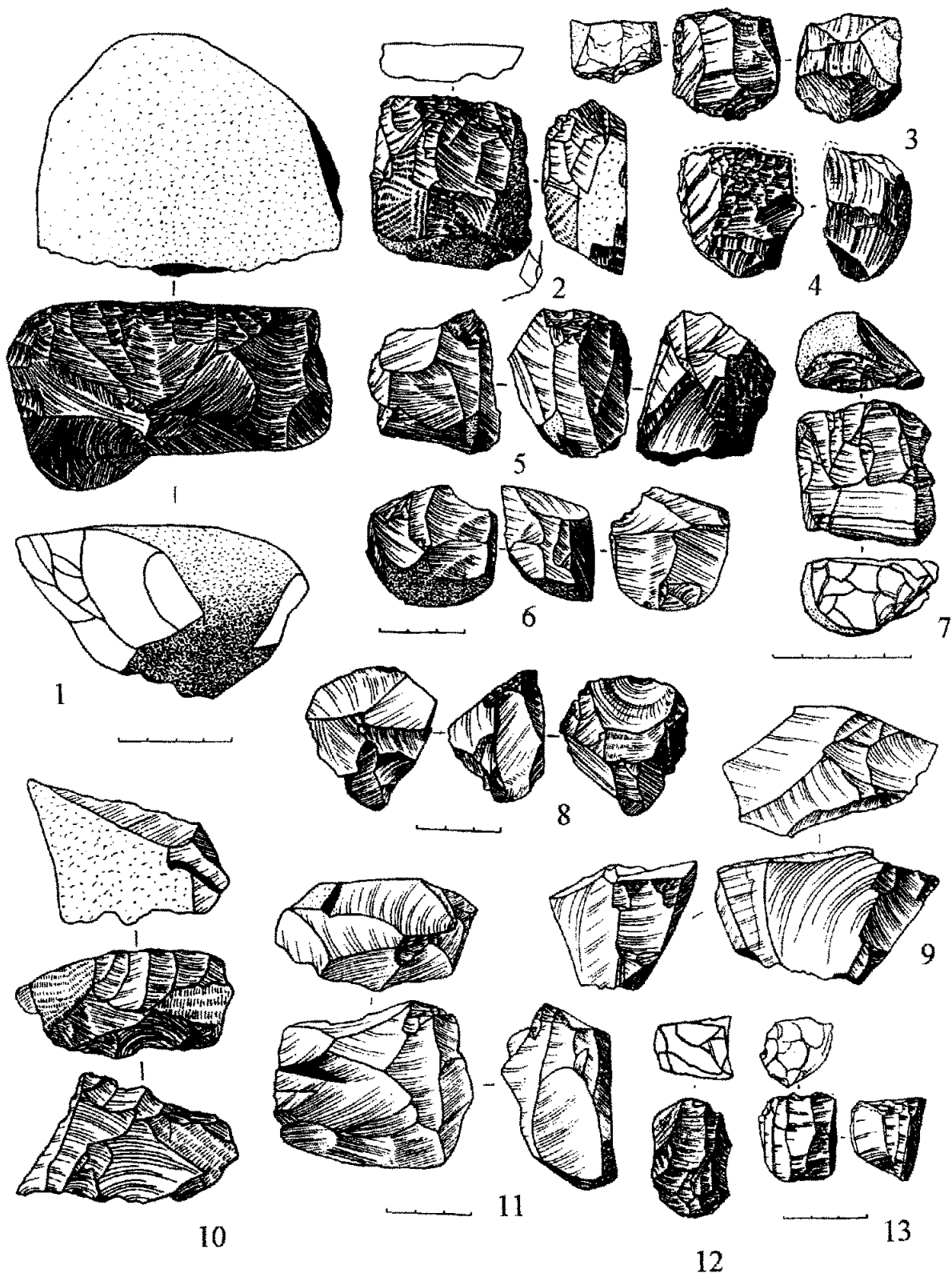

Рис. 7. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
1-13 — нуклеусы

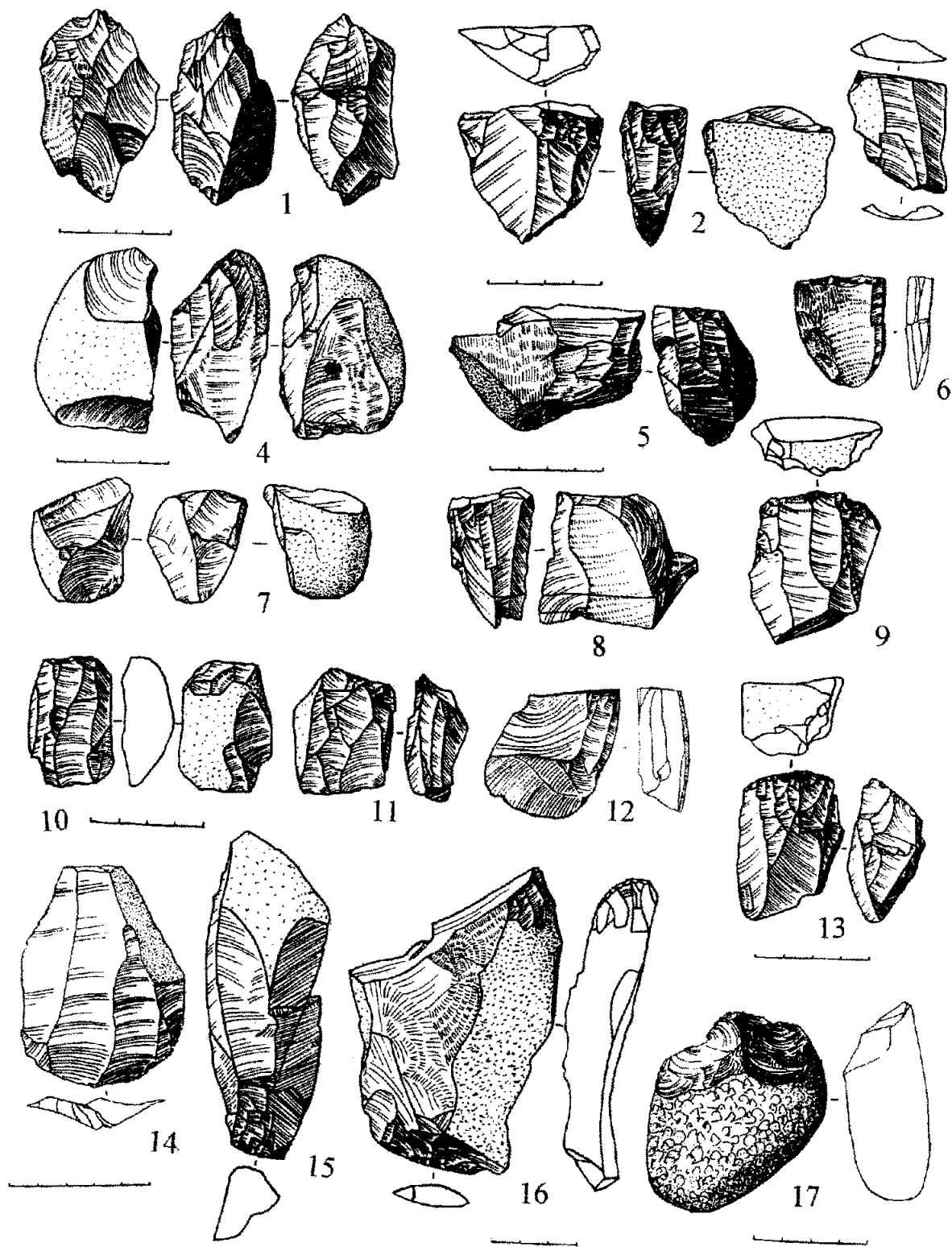

Рис. 8. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
 1-2, 4-13 — нуклеусы; 3, 14-16 — нуклевидные сколы
 обновления; 17 — расколота галька

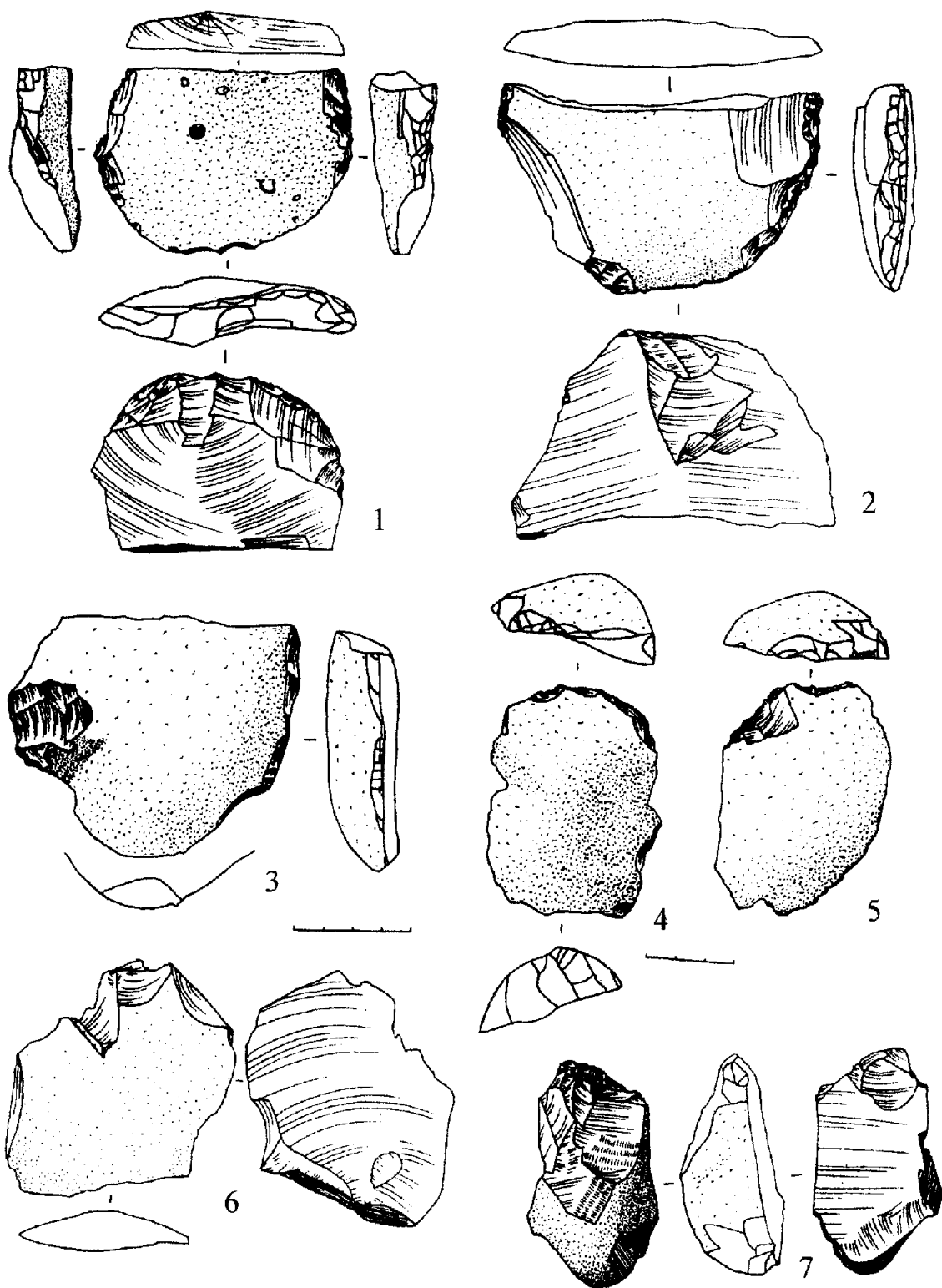

Рис. 9. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 1):
 1-4 — скребла; 5 — отщеп с ретушью; 6 — острие;
 7 — долотовидное орудие

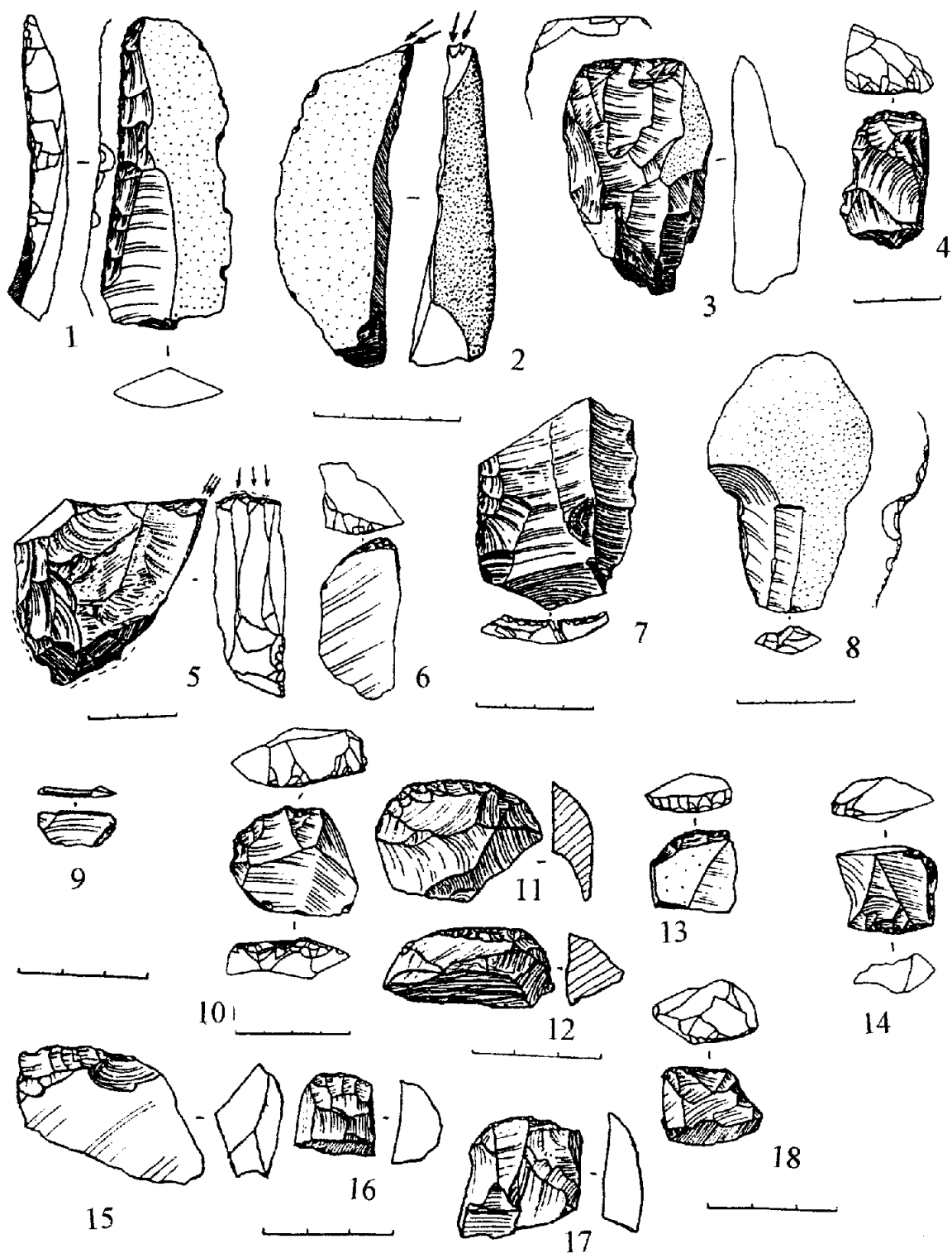

Рис. 10. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6
(раскоп № 1):

1,7 — скребла; 2 — резец; 3 — долотовидное орудие;
4,6,10-13, 15-18 — скребки, 5 — комбинированное
орудие скребло-резец; 8 — выемчатый скобель;
9 — вкладыш; 14 — отщеп с ретушью

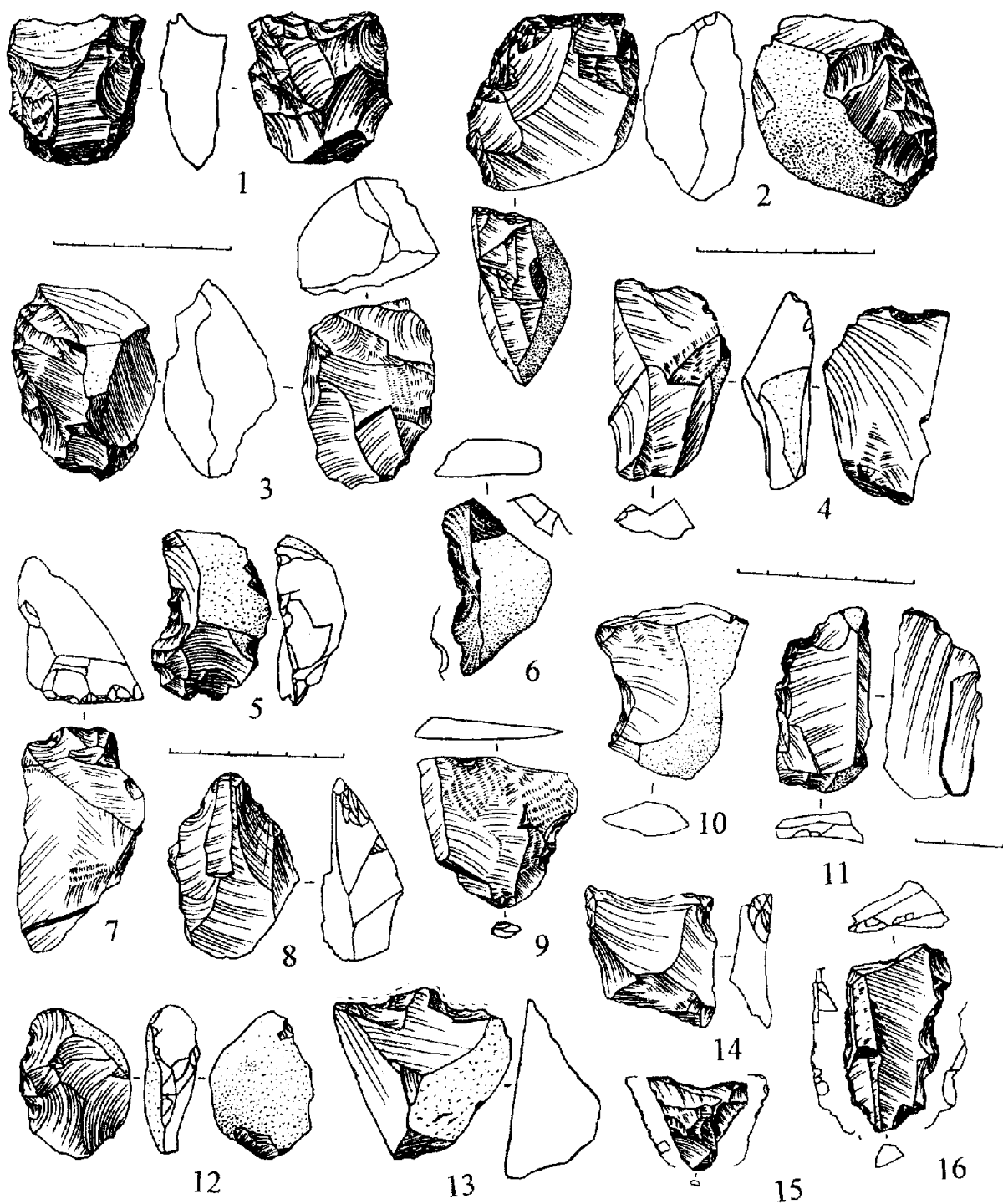

Рис. 11. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6
 (раскоп № 1):
 1-3 — бифасы; 4-14,16 — зубчато-выемчатые формы;
 15 — комбинированное орудие-провертка-прокалка

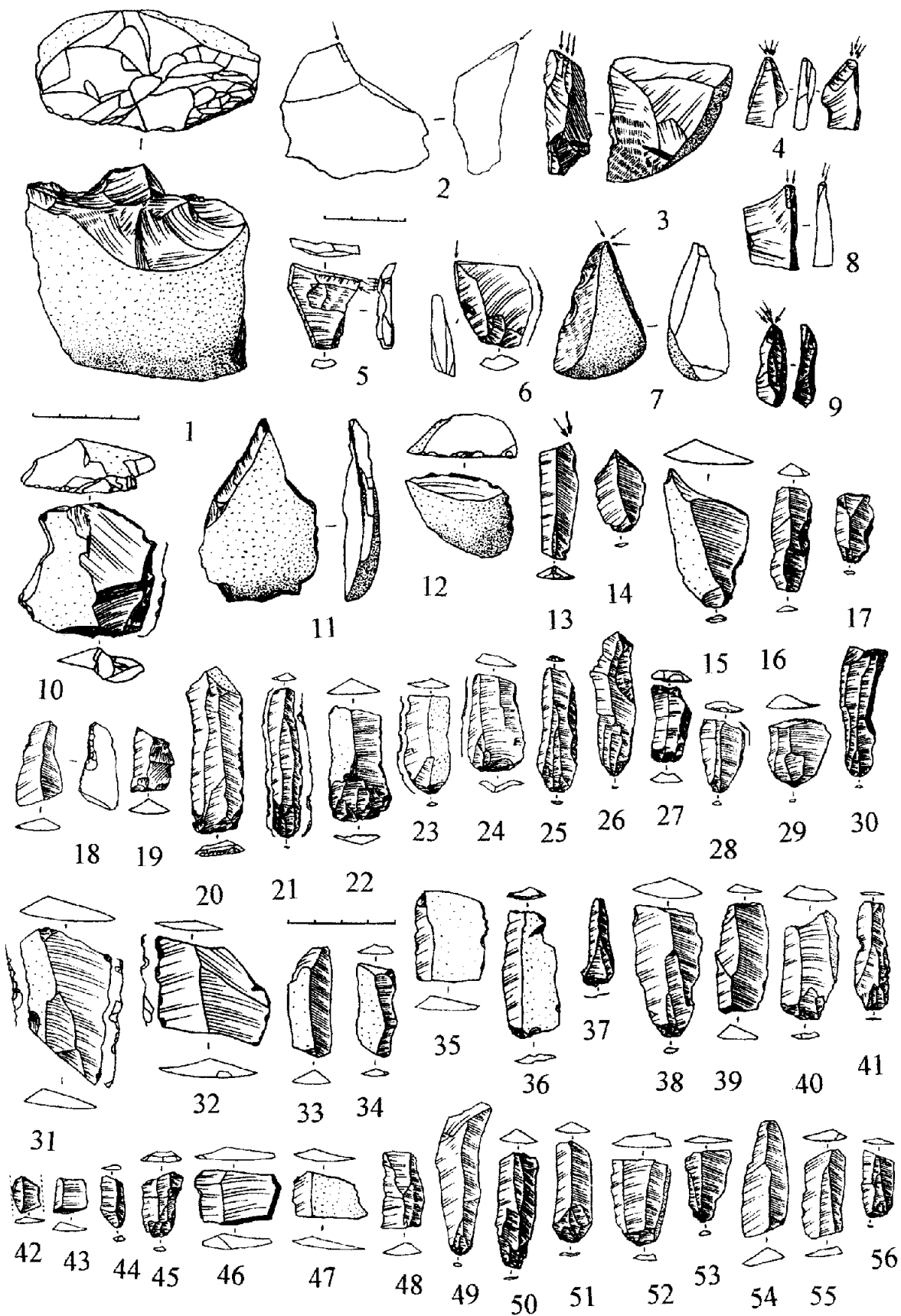

Рис. 12. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6
(раскоп № 1):

1 — выемчатый скобель; 2-9 — резцы; 10-12 — отщепы
с ретушью; 11 — острие; 13-56 — пластины

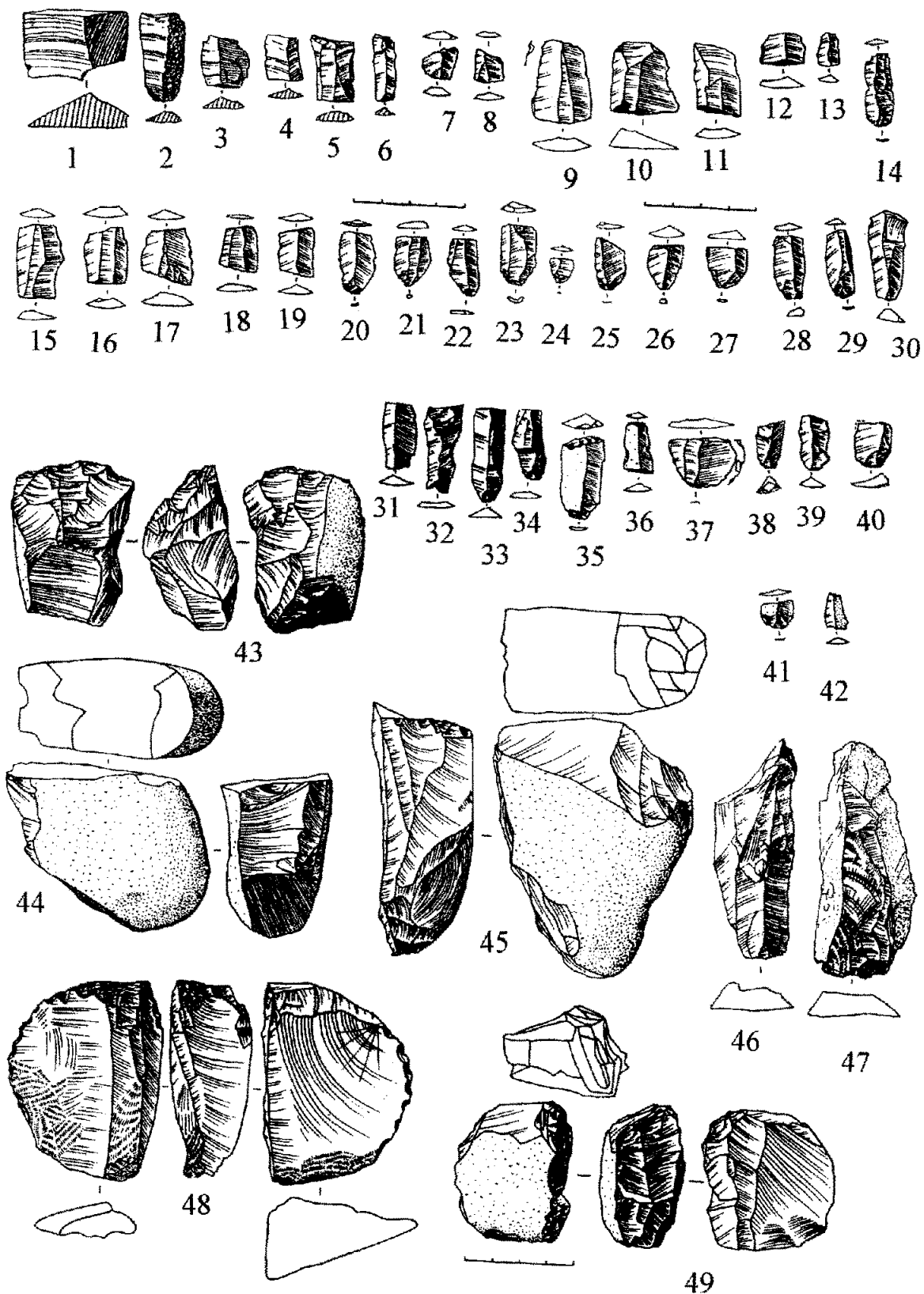

Рис. 13. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (1-42, 46, 47 — раскоп № 1, 43-45, 48, 49 — раскоп № 2): 1-42 — пластины; 43-45, 48-49 — нуклеусы и преформа; 46, 47 — пластинчатые отщепы

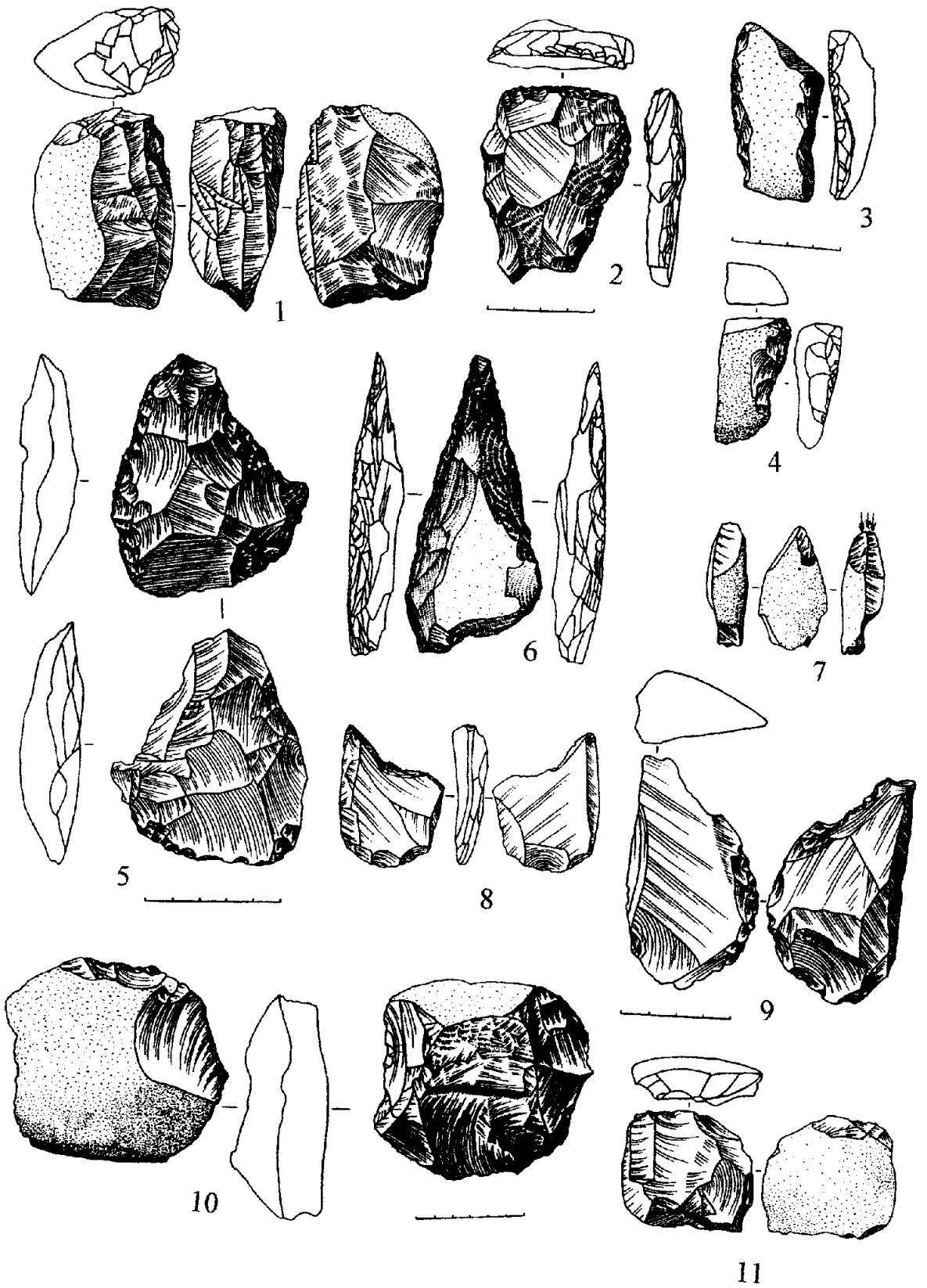

Рис. 14. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6
(раскоп № 2):
1,8,11, — нуклеусы; 2-4 — скребла; 5,9 — бифасы;
6 — остроконечник; 7 — резец; 10 — преформа.

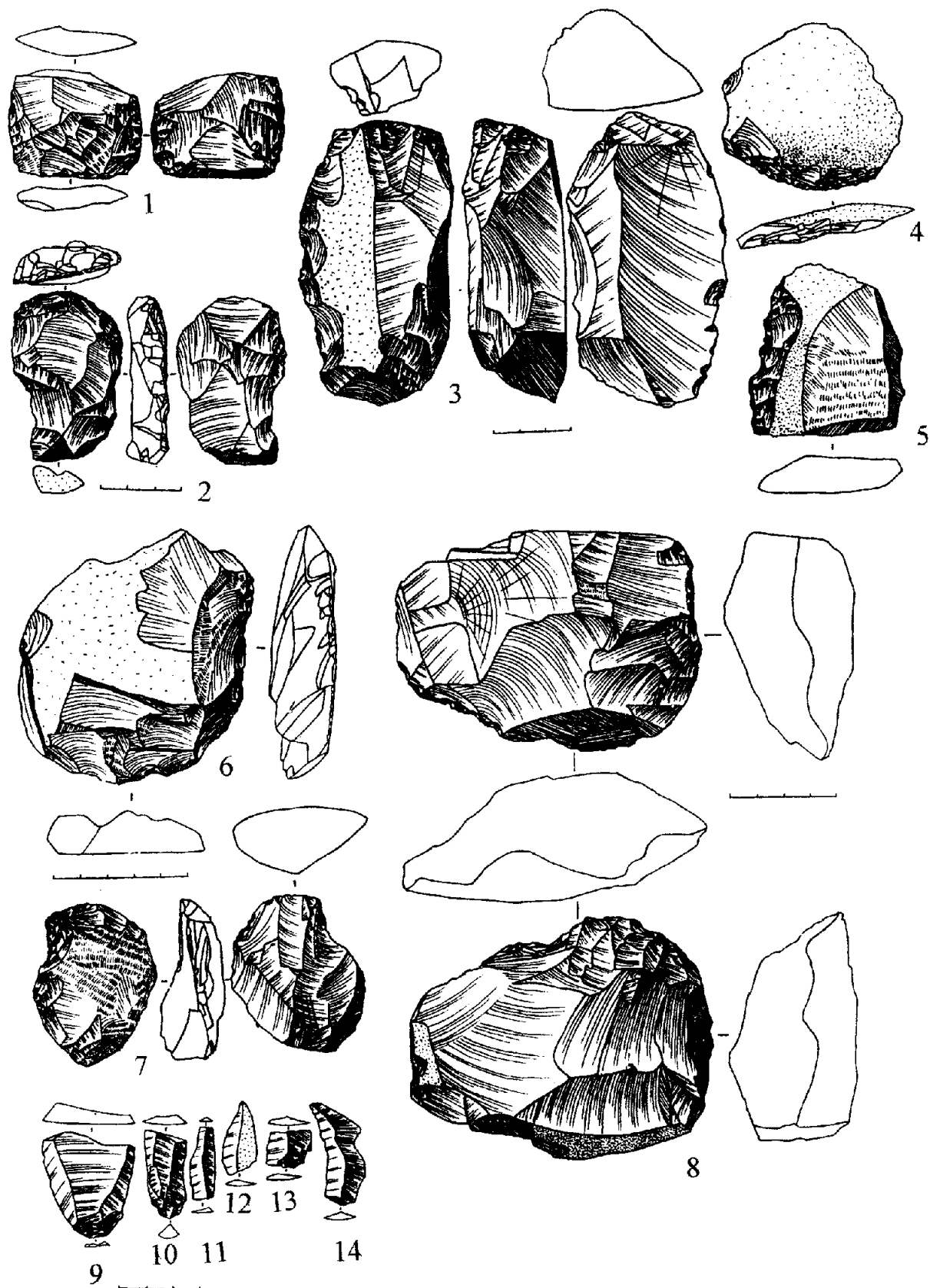

Рис. 15. Каменный инвентарь 2 к.с. стоянки Ушлеп-6 (раскоп № 2):

1,8 — бифасы; 2 — скребок; 3 — ретушированный отщеп; 4,6 — скребла; 5 — зубчатый скобель; 7 — выемчатый скобель; 9-14 — пластины.

Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая

К настоящему времени усилиями археологов Алтайского госуниверситета исследован ряд памятников с микролитическим инвентарем мезолитического и неолитического времени. Соотношение стратиграфических условий их залегания [155; 156; 205; 212; 287], изучение характера индустрии и некоторые радиоуглеродные датировки слоев позволяют проследить основные этапы развития культур этого времени на Средней Катуни.

Усть-Семинская мезолитическая культура:

1. Ранний мезолит (Тыткескень 3, 6-й культурный слой; датировка по C^{14} 12850 \pm 205 тыс. лет назад).

2. Развитый мезолит (Тыткескень 3, 5-й культурный слой; Усть-Сема, средний культурный слой, датировка по C^{14} 9,5 тыс. лет назад; Усть-Карбан; Усть-Сема 2).

3. Поздний мезолит (Усть-Сема, верхний культурный слой; Усть-Сема 3).

4. Финальный мезолит (Тыткескень 3, 4-й культурный слой; Усть-Бийке).

Культура раннего и развитого неолита:

5. Ранний неолит (Тыткескень 2, 7-й культурный слой).

6. Ранний – развитый неолит (Тыткескень 2, 6-й культурный слой).

7. Развитый неолит (Тыткескень 2, 5-й культурный слой).

Среднекатунская неолитическая культура:

8. Поздний неолит (Тыткескень 2, культурный слой 4–А).

9. Поздний-финальный неолит (Тыткескень 2, 4-й культурный слой).

Сложение Усть-Семинской мезолитической культуры связано с более древней палеолитической куюмской культурой [194]. Именно в эпоху палеолита возникли все основные типы нуклеусов призматического типа расщепления, хотя удельный вес их на фоне преобладающей «плоскостной» техники был невелик. На заключительном этапе развития куюмской культуры (стоянка Майма) произошел перелом в сторону микролитизации и отмирания плоскостных нуклеусов. Это связано в первую очередь с распростране-

нием вкладышевых скорняжных инструментов (составных боковых скребков), имеющих большую производительность труда, чем скребла. Поскольку основной заготовкой для скребел служил крупный отщеп, получаемый с плоскостных нуклеусов, падение роли скребел привело к деградации плоскостной техники. В развитом мезолите (6-й культурный раннемезолитический слой поселения Тыткескень 3 изучен еще недостаточно) доля скребел в индустрии уменьшается с 3,2% (Усть-Куюм) до 0,18% (Усть-Сема, средний к.с.). Соответственно с 2 до 0,09% падает доля плоскостных и галечных нуклеусов. В более поздних мезолитических слоях различных стоянок плоскостные нуклеусы и скребла или вообще не встречаются (Усть-Сема, верхний к.с.), или единичны. В неолитических культурных горизонтах многослойного памятника Тыткескень 2 подобных скребел как устойчивого типа индустриального набора не фиксируется. Зато начиная с раннего во всех неолитических слоях поселения встречаются дисковидные скребла. Как уже говорилось, в конце палеолитической эпохи – начале мезолита сложился устойчивый набор нуклеусов для получения призматической пластины (рис. 1–2), включающий в себя клиновидные и кельтовидные (их относительно немного, так как это наиболее древние формы), призматические, уплощенно-призматические, карандашевидные, атипично-призматические и конусовидные нуклеусы. С незначительными количественными вариациями (уменьшение клиновидных и увеличение призматических) этот набор нуклеусов просуществовал до конца неолита. Основную долю индустриального набора описываемых комплексов составляет мелкая пластина. В целом, по сравнению с палеолитом, все мезолитические и неолитические пластины мелкие. Однако внутри комплексов они довольно устойчиво распределяются на три различных величины: мелкие (2–8 мм), средние (9–13 мм) и крупные (14–20 мм). На протяжении эпохи мезолита постоянно увеличивается доля мелкой пластины и уменьшается доля крупной, начиная с раннего неолита доля ее, наоборот, уменьшается. Общий вес пластин в составе индустриального набора увеличивается с 9,5% общего количества артефактов (Усть-Сема, средний к.с.) до 80% в неолитических слоях Тыткескень 2. Постепенное вытеснение пластинами отщеповых форм изделий связано прежде всего с широким распространением вкладышевых орудий для обработки кости, дерева, кожи, мясных ножей и метательного охотничьего оружия. Все это документирует-

ся трасологическими определениями [212]. Кроме того, общее увеличение доли пластин объясняется возрастающим в мезолите-неолите искусством призматического расщепления. При изработке неолитических нуклеусов и подготовке их преформ отходов производства фиксируется в 2-3 раза меньше, чем в начале мезолита.

Существенное изменение претерпевает в процессе эволюции пластин в мезолите-неолите способ размещения ретушной обработки на плоскостях пластин. В начале мезолита преимущественно обрабатывались края пластин с дорсальной стороны (Усть-Сема, сред. к.с. - 13% пластин; Усть-Сема, верхний к.с. - уже 9,8%). К концу мезолитической эпохи ретушь почти полностью перемещается на вентрал, подобная обработка становится подавляющей в мезолите. Дорсальная ретушь в неолите имеет только второстепенную роль в оформлении орудий на пластинах. Скорее всего, обработка вентрала преследовала цель уравновесить плоский вентрал и рельефный дорсал для более устойчивого зажима пластин в пазах вкладышевых орудий. Широкое распространение вкладышевой техники привело и к постепенному увеличению доли пластин с притупленной спинкой и обработанным торцом - специализированной подгонкой вкладышей друг к другу в пазу. Если подобные вкладыши в мезолите достаточно редки, и к тому же на них обработка наносилась или на торец (поперечный облом), или на продольный край, то в неолите увеличивается процент комбинированной обработки (торец и продольный край) и появляются геометрические микролиты-прямоугольники с обработкой обоих торцов и одного-двух продольных краев. Судя по количеству пластин в финальном мезолите-неолите, расцвет вкладышевой техники приходится на неолит. Это является своеобразным памятником неолита Средней Катуни и существенно отличает их от неолитических памятников сопредельных территорий, в том числе лесостепного Алтая. Призматические пластины на Средней Катуни вытеснились значительно позднее - в энеолите, тогда как в лесостепной зоне это произошло в развитом неолите. Основные категории микролитического инвентаря представлены на рисунках 1 и 2. Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Микролитические традиции мезолита-неолита на Средней Катуни сложились на основе палеолитических (куюмская культура).

2. На протяжении мезолита-неолита происходило постепенное совершенствование техники скола и обработки призматической пластины. Это документируется увеличением доли мелкой пластины и уменьшением ее размера (рис. 2). В мезолитических комплексах, в том числе поздних (рис. 1-1), нет ни одной мелкой пластины уже 4 мм и длиннее 3 см, в то время как в неолите обычны микропластинки шириной 1-2 мм и длиной до 5-6 см.

3. Претерпевают изменение и пропорции пластин. Неолитические пластины более правильны и менее изогнуты - еще одно свидетельство совершенствования призматической техники.

4. Схема получения вкладыша для составных орудий меняется от преобладания сечений в мезолите к использованию усеченных пластин в неолите. Это объясняется тем, что в неолите скалывались более ровные заготовки, позволяющие оформлять длинные вкладыши, в том числе геометрические микролиты (рис. 2-1, 2,5).

5. В неолите во много раз увеличивается доля ретушированных пластин. Основная их часть обрабатывается с вентрала, широко распространяются оформление торца, притупленная спинка, острия и скребки на пластинах. Последний тип изделий в мезолите неизвестен.

6. Основным нуклеусом в неолите становится призматический и конусовидный, клиновидные и их вариации, широко известные в мезолите и раннем неолите, постепенно сходят на нет.

7. Деградация микролитической техники не связана с распространением приемов шлифовки камня, так как шлифованные изделия (в том числе пластины) часто встречаются в неолитических комплексах. Скорее всего, она произошла вследствие распространения металлических изделий. Технокомплекс большемысской культуры (Нижнегыткескенская пещера I; поселения Тыткескен 6, 3-й к.с.; Тыткескен 2, 3-й к.с.), датирующейся по радиоуглероду серединой IV тыс. до н.э., отличается очень малым количеством пластин и нуклеусов и большой долей отщеповых изделий, в том числе накопителей стрел.

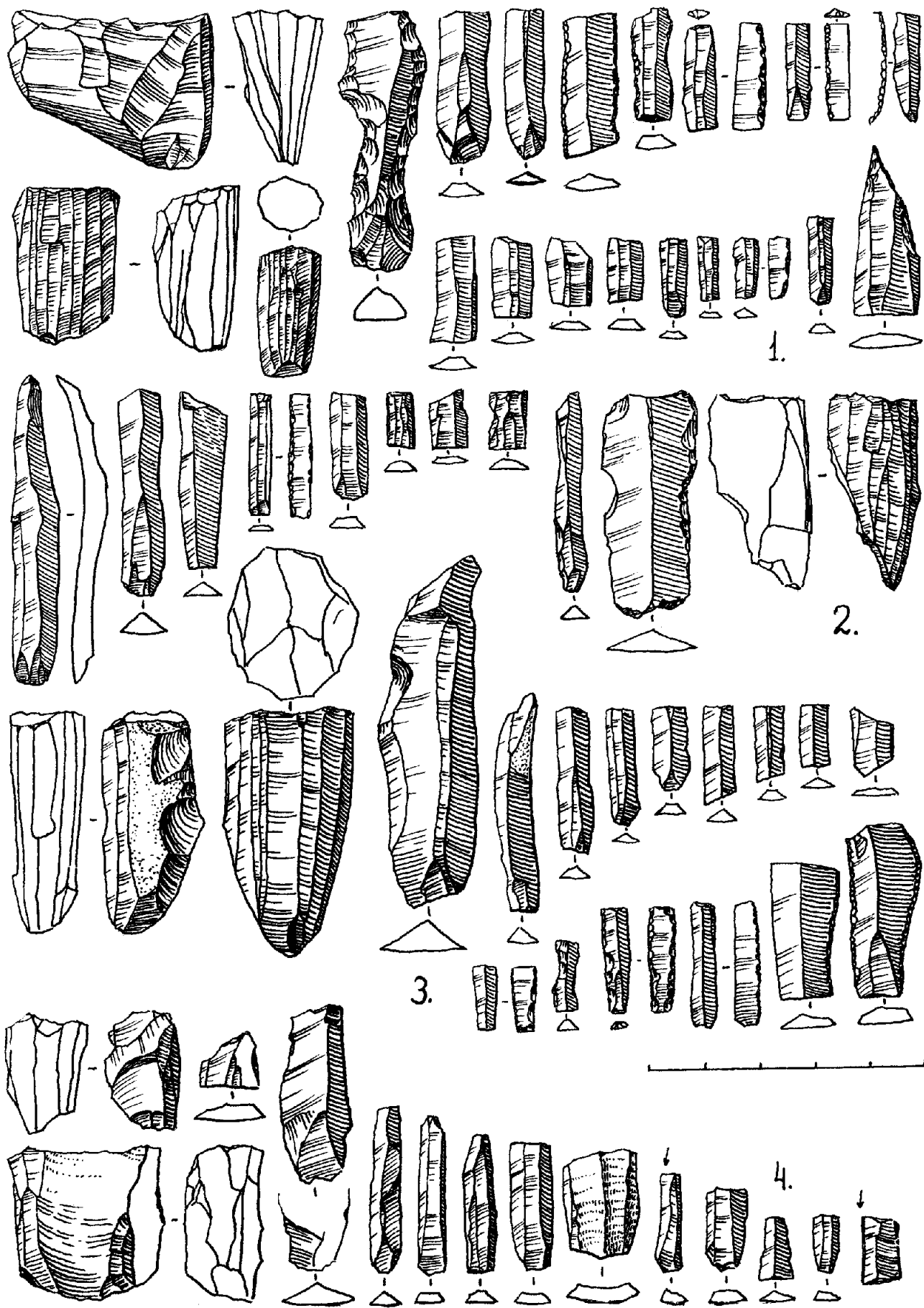

Рис. 1. Микролитические комплексы эпохи мезолита: 1 – Тыткесень 3 (4 к.с.);
 2 – Тыткесень 3 (5 к.с.); 3 – Усть-Сема (средн. к.с.); 4 – Тыткесень 3
 (6 к.с.)

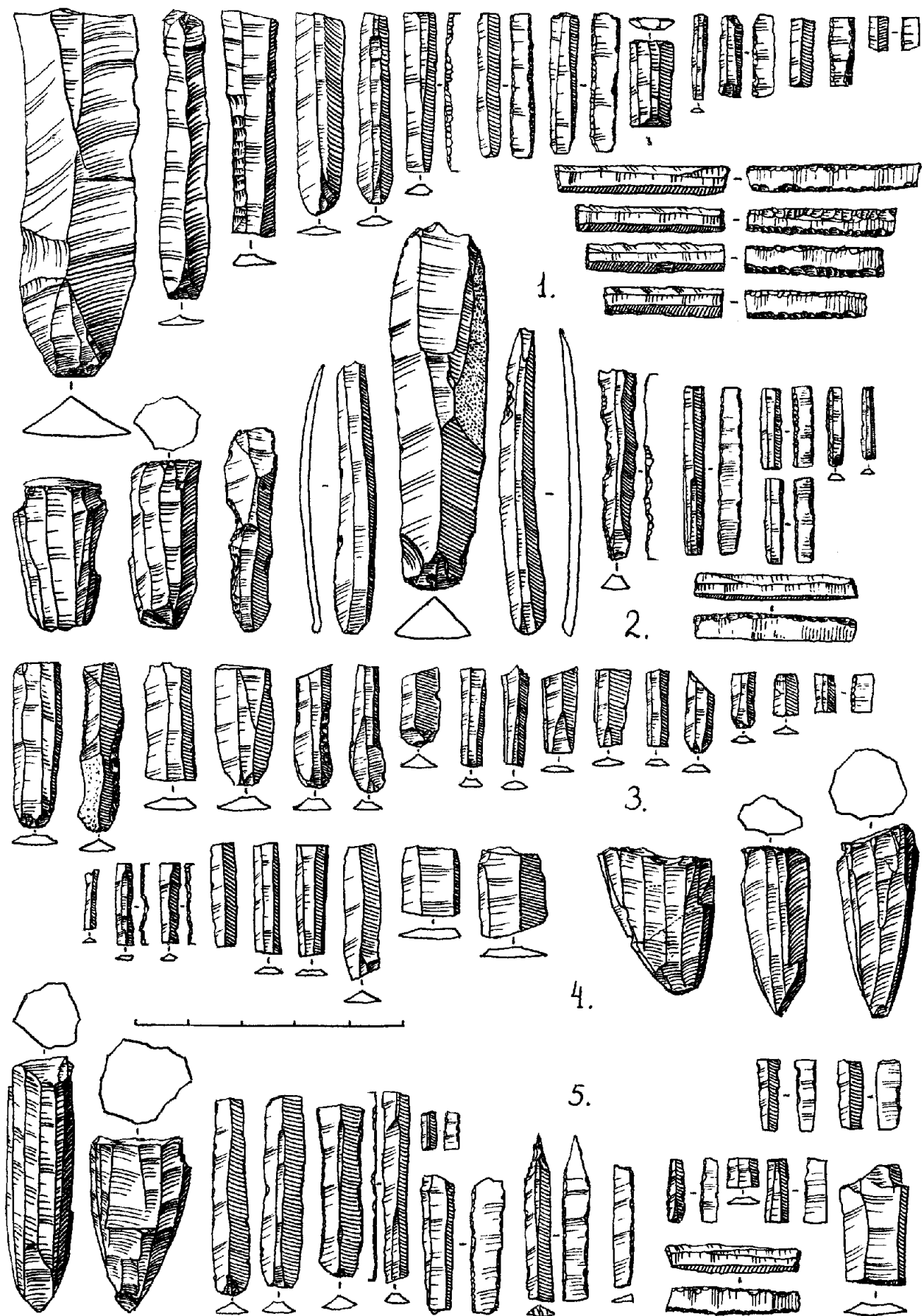

Рис. 2. Микролитические комплексы эпохи неолита. Тыткесень 2. Горизонты 4(1), 4а(2), 5(3), 6(4) и 7(5)

Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган

Поселение Малый Дуган находится на правом берегу р. Куюм, в 0,3 км к востоку от устья, в 150 м выше мест расположения могильников афанасьевской культуры и раннего железного века, поселения Усть-Куюм в Чемальском районе Республики Алтай [31; 213; 307, с. 73; 310, с. 113]. Поселение расположено в долине р. Куюм. Близкое к урезу воды местоположение памятника и уклон местности послужили основной причиной неравномерного распределения толщины почвенных горизонтов и перемещения культурных остатков внутри них. Керамика разных эпох была встречена на всех уровнях. По мере отдаления от реки к склону горы мощность почвы возрастала, и соответственно увеличивались глубина залегания культурных слоев и их мощность.

Малый Дуган — многослойное поселение, где встречены находки эпох неолита, бронзы, раннего железа, средневековья. К сожалению, культурные слои не стратифицированы. Исключение составляет неолитический горизонт, отделенный от других стерильной прослойкой мощностью до 20 см. Это дало основание рассматривать его как самостоятельный культурный слой.

На поселении вскрыто 934 кв.м. Поселение раскапывалось слоями по 5–10 см, которые нумеровались от дневной поверхности. По принципу их нумерации нами проведен анализ материалов. Установлено, что находки эпохи средневековья найдены только в верхних слоях, эпохи раннего железа преимущественно во 2–4-м слоях, керамика эпохи бронзы и большемысской культуры находилась с 3-го по 12-й слой. С 3-го по 12-й слой преобладает керамика афанасьевской культуры. Разновременная керамика присутствовала не только на одних уровнях, но и в одних и тех же квадратах. На поселении афанасьевская керамика по численности превосходит другие керамические комплексы, количество большемысской — минимально.

Каменный инвентарь нами рассматривался по следующим группам: 3–4-й слои — 407 изделий, 5–6-й — 94 экз., 7–12-й — 77 экз., 9–14-й — 136 экз. Совмещение нумерации в последних случаях связано с неравномерностью распределения мощности куль-

турных слоев и глубины их залегания на разных участках поселения.

Слои 3–4: каменный материал представлен в основном отщеповой индустрией. Из 407 изделий было 286 отщепов без какой-либо подработки. Их большая часть располагалась скоплениями в точках расщепления. Орудий труда насчитывается 62 экз., т.е. 17,8% от всего количества отщеповой продукции этих горизонтов. Третью часть их составляют скребки. Их формы нестандартны и в основном повторяют форму заготовок. Встречаются короткие экземпляры с овальным рабочим краем, оформленным ретушью на концевой части отщепа (6 экз.). К этой группе относится скребло, выполненное по тому же принципу, что и скребки. Набор скребков завершают 2 образца с поперечным рабочим краем, 4 скребка овальной формы с ретушью по периметру либо 2/3 периметра и 1 орудие с выступающим углом (рис. 1–1–8). Среди орудий выделяются «скобели», имеющие прямой ретушированный край с выемками и вогнутыми участками. Они принадлежат, прежде всего, к орудиям с утилитарными признаками, не имеют типологического стереотипа, как и отщепы с плоской приострающей ретушью и мелкой подправкой (5 экз.). В коллекции выделены долотовидные изделия (5 экз.) с фасетками сколов с двух сторон. Как морфотипы они не стандартизированы.

Пожалуй, из всего состава вещей важно выделить серию двусторонне обработанных изделий (10 шт.), к которым относятся: изделие на узком длинном отщепе, оформленное с двух сторон широкими встречными сколами, отщеп с фрагментарным оформлением и 8 наконечников стрел (рис. 3–7, 9, 13, 15–19).

В пределах 3–4 слоев встречено 48 пластин, 16 из которых ретушированы. В оформлении лидирует мелкая краевая ретушь. Лишь 3 экземпляра оформлены крупной ретушью. Однако все эти изделия не имеют общего стандарта (рис. 3–9–22). Исключение составляют острия на усеченных пластинах и пластинчатых отщепах (5 экз.) с треугольным рабочим концом, оформленным двусторонней ретушью. Основная часть пластин — крупных размеров, шириной более 1 см. К пластинчатой технике расщепления следует относить нуклеусы (9 экз.) клиновидной формы и их сколы.

Горизонты 5–6 содержат 55 изделий из отщепов и 6 из пластин. Отходы расщепления незначительны. Встречено 7 нуклеусов клиновидной формы, из них 3 — торцово-клиновидных.

Основная масса изделий из отщепов — скребки (24 экз.): 5 круглых и овальных, оформленных по периметру или 2/3 периметра, 6 концевых и концевых-боковых. По аналогичному стандарту последних сделано скребло. Среди этих изделий 2 экземпляра имеют угловой выступ. Большинство скребков выполнено в единых традициях. Рабочие края оформлялись равномерно поставленными округлыми фасетками ретуши средних и мелких размеров (рис. 1–9–16). «Скобели» (11 экз.) нестандартны и не подрабатывались ретушью в целях оформления рабочего края. Лишь на одном отщепе присутствовала плоская крупная ретушь. Следует отметить, что такая ретушь имела еще на 5 изделиях разных типов.

Десять вещей — двусторонне обработаны (рис. 2–5, 6, 8, 11). Интерес представляют сланцевое изделие овальной формы с круглым отверстием в центре, сланцевый отщеп с мелкими фасетками оббивки по краю, изделие с листовидной двусторонней встречной плоской ретушью (рис. 2–11). Рукояточная часть его притуплена по краям. Кроме того, найдено 2 тесла с подшлифовкой и двусторонней оббивкой. Шлифовка образовала на боках орудия продольные грани. Фасетки оббивки — короткие, широкие, глубокие (рис. 2–1, 2).

Слои 7–12 включают 74 предмета, среди которых 46 изделий из отщепов и 11 из пластин, 5 клиновидных нуклеусов. Здесь найдено 23 скребка, из которых 8 — овальной и округлой формы, 5 — концевых и концевых-боковых укороченных размеров, в том числе 5 орудий имеют угловой выступ (рис. 3).

Двусторонне обработанные изделия представлены наконечниками треугольной формы, отщепами и скребком с двусторонней крупной ретушью. Основная часть пластин — средних и крупных размеров. В их обработке преобладает притупляющая ретушь. Половина всех пластин имеет вогнуто-выемчатый край. Встречено 2 крупные пластины с ретушированной торцовой частью (рис. 3–7, 8). К сожалению, малое количество ретушированных пластин и отщепов не позволяет выделить типологические группы орудий. По представленным образцам можно констатировать повторяемость притупляющей ретуши на торцах крупных пластин и отщепов, принцип выделения мысовидного рабочего края скребков и смежной стороны способом подтески с помощью узких фасеток, применение техники резцовых снятий (рис. 1–17; 3–1, 6). В слое 8 найден наконечник стрелы, изготовленный из пластины,

основание и острие которого оформлены притупляющей ретушью (рис. 4–11).

Культурный слой эпохи неолита (9–14 слои) включал карбонаты кальция и выделялся в почве по цвету. Находки, залегающие в слое, полностью либо частично были кальцинированы. Коллекция каменных вещей из слоя насчитывала 136 экземпляров, из которых: 67 отщепов, 53 пластины и 6 нуклеусов. Соотношение обработанных изделий на пластинах и отщепках близко (35 и 38). Как и во всех остальных горизонтах, скребки составляют основной набор орудий из отщепов. Однако здесь заметна стереотипизация скребков концевого типа: 11 экз. концевых скребков изготовлено на крупных пластинах, 5 — концевых — боковых укороченных — на пластинчатых отщепках. Остальные скребки: округлые (6), боковые (5), поперечные (3). Из всей серии только в трех случаях наблюдалось наличие выступа. Среди изделий на отщепках лишь 3 экз. имеют выемчатый край, зато на пластинах такие признаки преобладают (рис. 5–11–18).

Для изготовления вкладышей применялись, главным образом, пластины крупных и средних размеров. Их края подправлялись мелкой ретушью. Известно только 3 случая подработки конца пластины. Близки по технике исполнения к этой категории 2 изделия на крупных пластинах. Оба их конца оформлены ретушью со стороны спинки. По типологическим критериям они близки к микролитам и двуконцевым скребкам (рис. 5–1, 2). К сожалению, коллекция этого слоя малочисленна и подобных аналогий не содержит.

Сравнение каменного инструментария всех горизонтов памятника показало наличие трех традиционно обусловленных групп.

Первая группа включает в себя изделия, изготовленные из отщепов. Оформление их задается формой отщепка. Но предпочтение отдается небольшим скребкам концевого типа и скребкам треугольной формы с поперечным рабочим краем. Для группы характерны мелкие треугольные острия, изделия с двусторонней встречной обработкой, наконечники стрел и дротиков, острия, ножи. Формы наконечников переменны. К этой же группе мы относим 2 тесла трапециевидной формы, оббитые по краям и подшлифованные. Набор инструментов и техника расщепления камня в общем не стандартны и могут быть одновременными как керамике эпохи ранней бронзы, в том числе афанасьевской, так и большемысской керамике с этого поселения. К сожалению, до сих пор мы не располагаем данными по каменному инвентарю с поселений афанасьевской куль-

туры, поэтому в плане афанасьевской интерпретации признаков отсутствует объект сравнения. Ранее, анализируя инвентарь афанасьевского слоя Узнези-1 и Малого Дугана, мы отмечали преобладание отщепов, случайных форм скребков [215; 308]. Перечисленные двусторонне обработанные формы изделий и тесла аналогичных форм присутствуют в инвентаре большемысских памятников Бийского Приобья [146, с. 38].

Вторая группа, как и первая, основывается на преимущественном использовании отщеповой заготовки. В отличие от первой группы скребки здесь, в основном, округлой формы и с мысовидно выступающим рабочим краем, оформленным узкими плоскими фасетками. Для группы характерны наконечники стрел треугольной формы, небольшое количество пластин средних и крупных размеров с вогнуто-выемчатым краем, оформленным притупляющей ретушью. В целом типология находок второй группы памятников не поддается сравнению с неолитическими материалами Катуня, которые определяет пластинчатая техника.

Для всего поселения, за исключением неолитического культурного слоя, пластины малочисленны и неинформативны. Однако следует отметить, что пластины средних размеров (0,7–0,8 см шириной) с вогнутыми сторонами, ретушированными со стороны спинки притупляющей ретушью – характерный элемент в индустриальном комплексе памятников Катуня. Именно такие изделия были выделены как тип для маркирования материалов Катуня [216], включающих большемысскую керамику. Большемысская керамика была найдена в слоях Малого Дугана, и ей, скорее всего, соответствуют указанные вкладыши, возможно, полностью или частично, изделия с двусторонней обработкой, некоторые наконечники, скребки. В отличие от материалов поселений Усть-Куюм, Тыткескен 2 (горизонт 3), в слоях 5–8 Малого Дугана изделия на пластинах не играют существенной роли. Они единичны и невыразительны. В индустрии отсутствуют ведущие признаки, характерные для этих памятников. Если в упомянутых комплексах концевые-укороченные скребки на отщепах являются одним из характерных признаков,

а двусторонне обработанные изделия редки, то в слоях Малого Дугана лидируют округлые скребки, а двусторонне обработанные изделия, тесла с подшлифовкой подчеркивают индивидуальные особенности этого памятника. Отличительные признаки материалов Усть-Куюма и Малого Дугана, скорее всего, объясняются их хронологической неоднородностью. Тенденция появления на Катуня выше указанных типов изделий и угасание производства вкладышей говорят о более поздней датировке.

Третья группа индустрии происходит из карбонатизированной прослойки (9–14-й слой), основана на использовании в качестве заготовки пластин и пластинчатых отщепов крупных и средних размеров. Для нее характерно концевое оформление и изготовление концевых скребков, применение вкладышей с вогнутыми и выемчатыми краями. Технологические стереотипы индустрии этой группы устойчивы, однородны. Слою соответствует тонкостенная неорнаментированная керамика. Благодаря литологической обособленности слоя культурные признаки материала могут служить в качестве превосходных критериев раннеолитической культуры Катуня. Материал третьей группы можно связать с 7-м культурным слоем Тыткескен 2 [156, с. 27]. Их сходство определяется прежде всего тонкостенной керамикой, неорнаментированной по тулову, традицией концевой обработки пластин, концевым скребкам на пластинах и отщепах, выемчато-вогнутыми вкладышами. Однако в материалах этих памятников наблюдаются и довольно существенные различия, в первую очередь заключающиеся в параметрах используемых заготовок вкладышей. Поскольку характер индустрии карбонатизированного слоя раскрыт еще далеко не полностью, и не выявлены основные признаки технологических традиций индустрии, судить о полном сходстве со слоем 7 Тыткескен 2 в силу настоящих обстоятельств преждевременно. Несомненно, полученный материал является новым полноценным источником для изучения ранних периодов неолита Алтая.

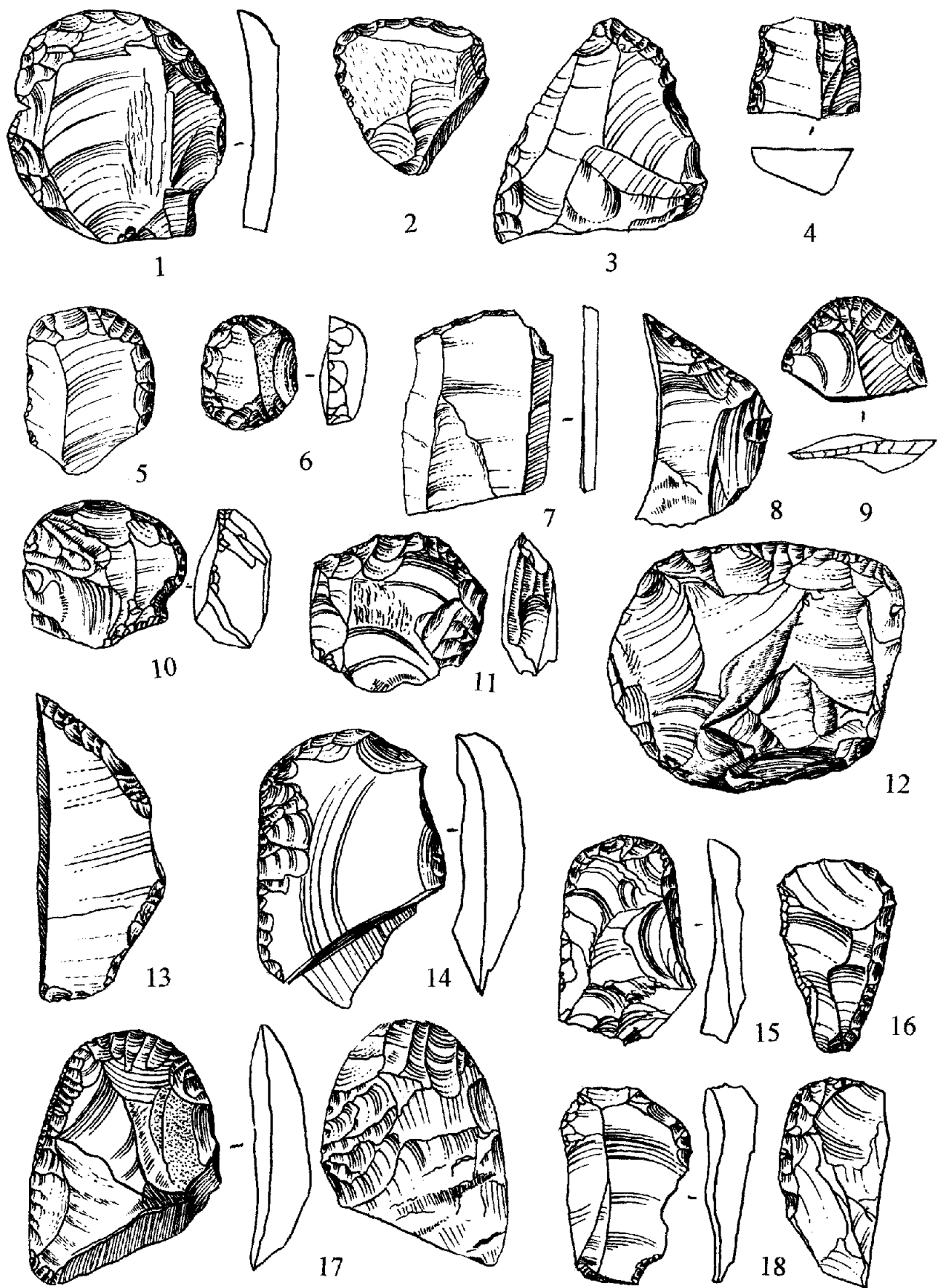

Рис. 1. Малый Дуган. 1-8 — 3-4 слои; 9-16 — 5-6 слои; 17-19 — 7-8 слои

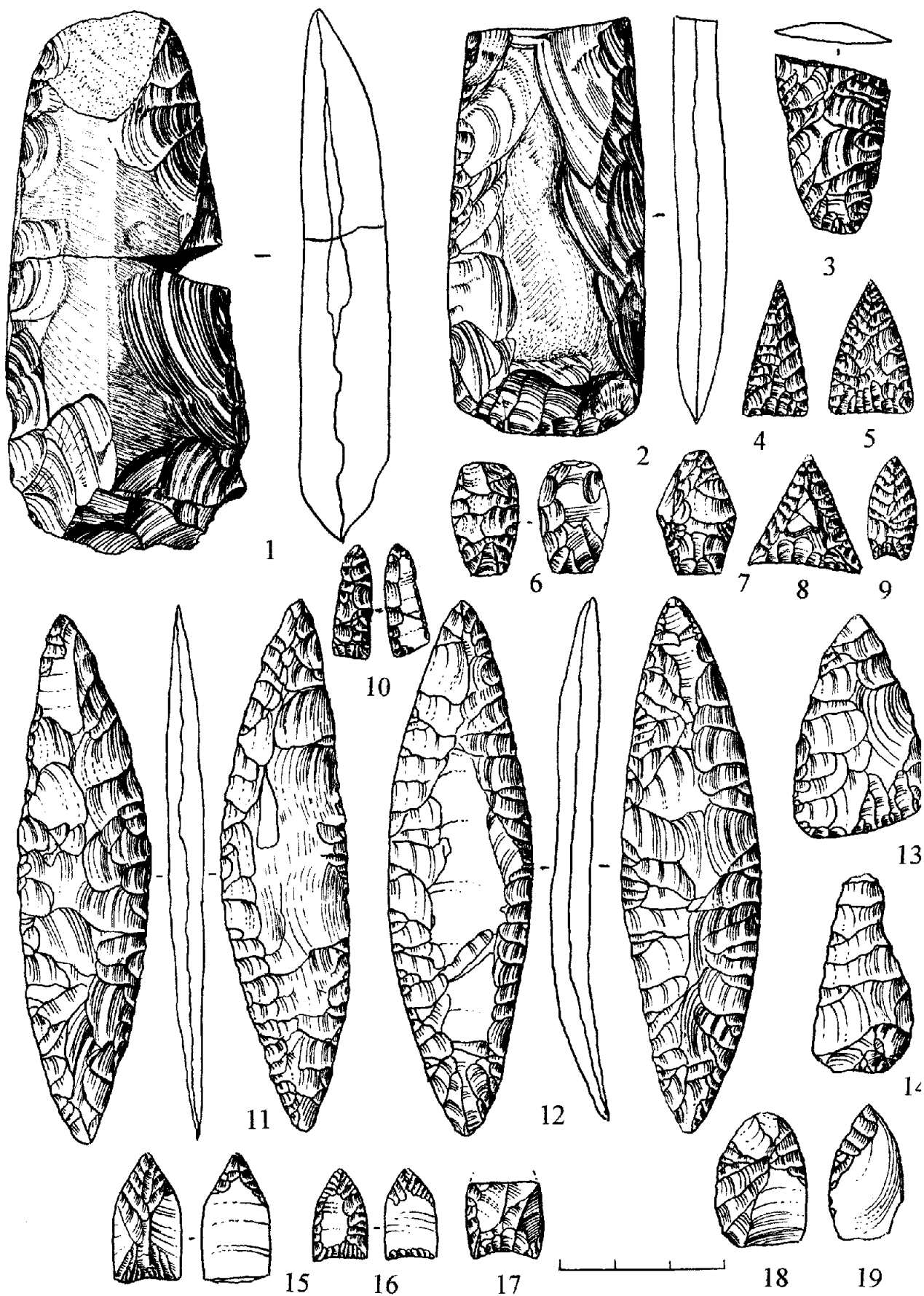

Рис. 2. Малый Дуган. 1,2,4,5,6,10,11,14 — 5-6 слои;
3,7,8,9,15-19 — 3-4 слои

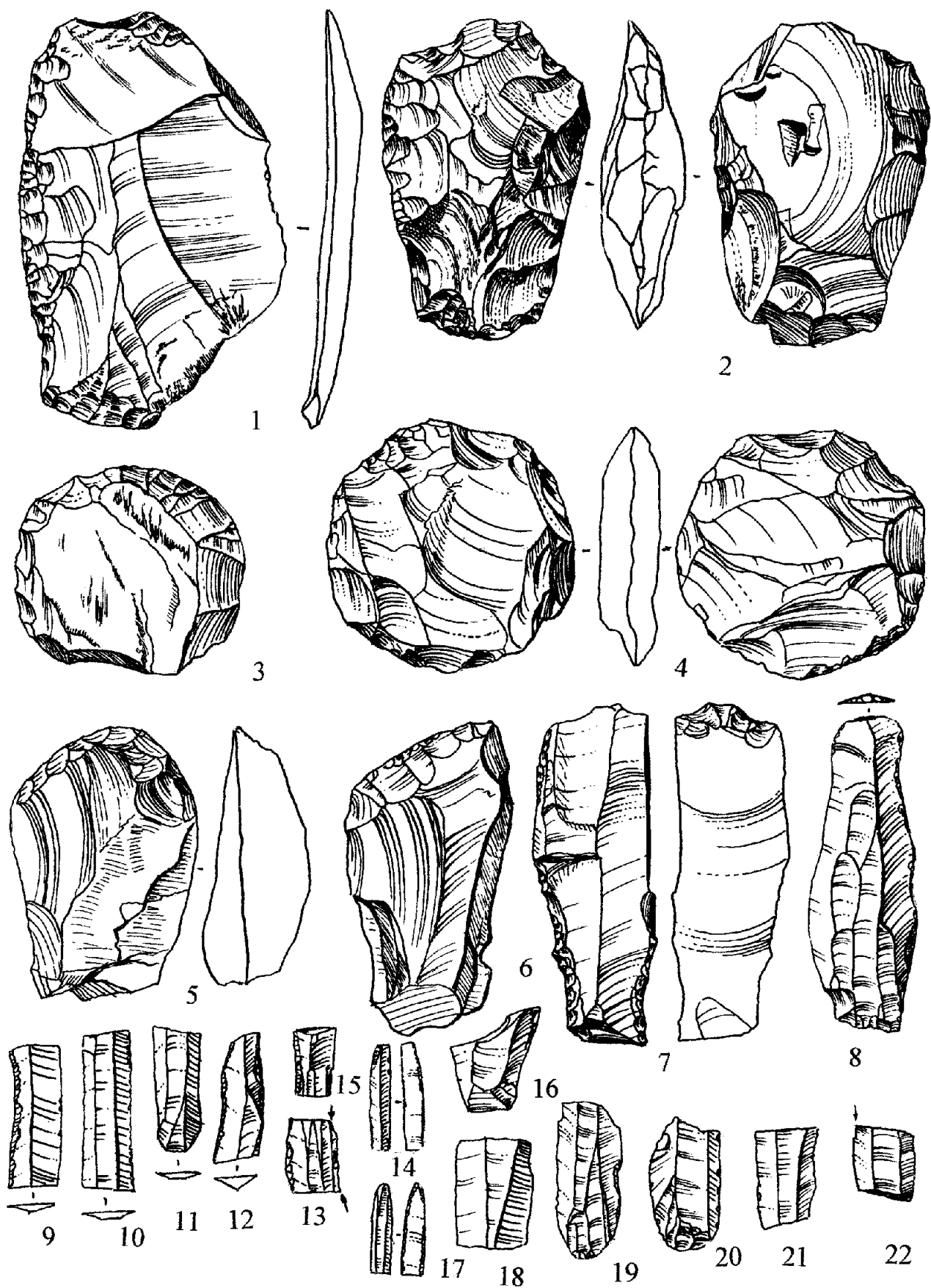

Рис. 3. Малый Дуган. 1-3, 5-11 — 8-9 слои, 4-11 — пласт;
12-22 — 3-4 слои

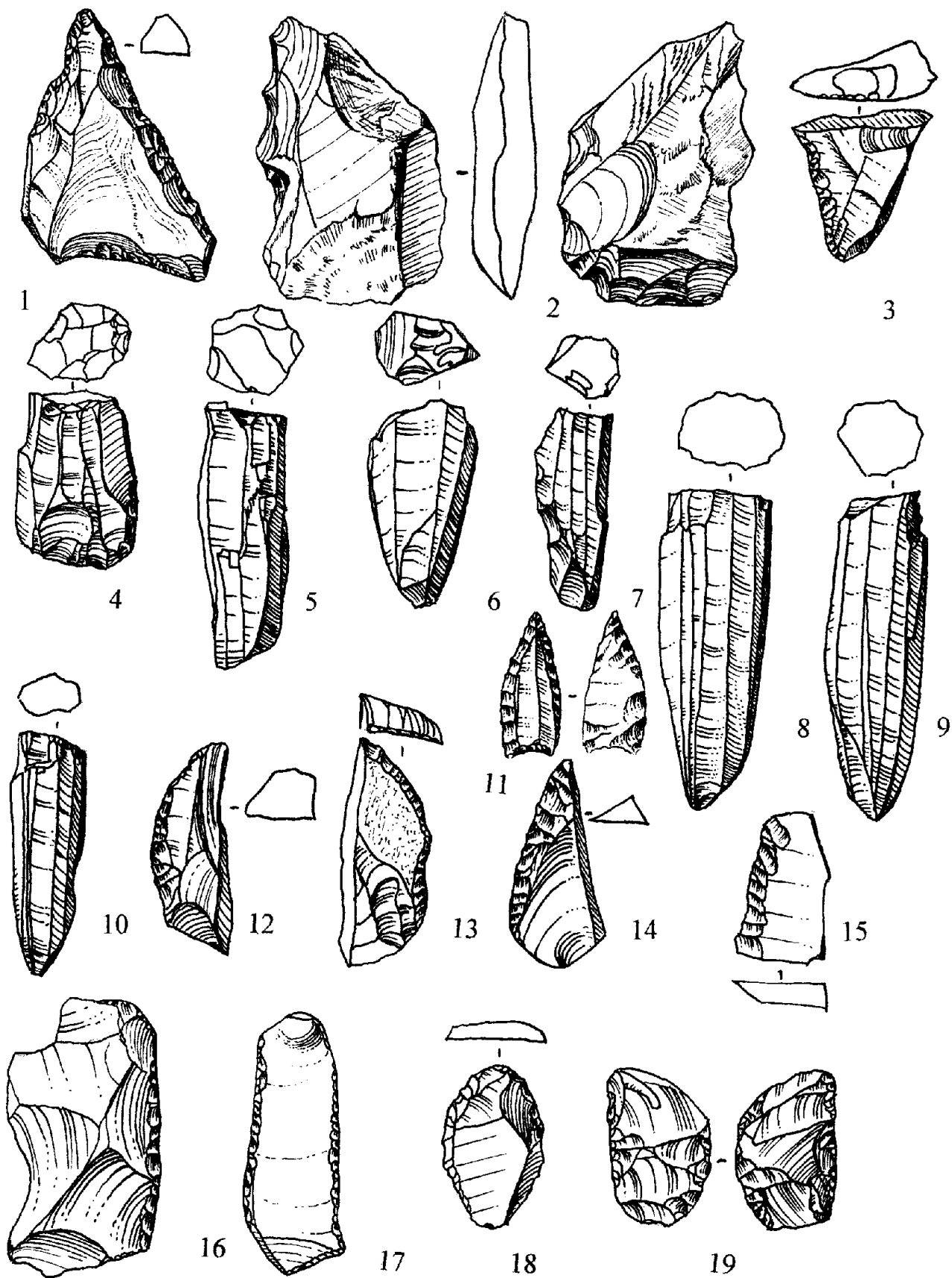

Рис. 4. Малый Дуган. 1-19 — 8-11 слои

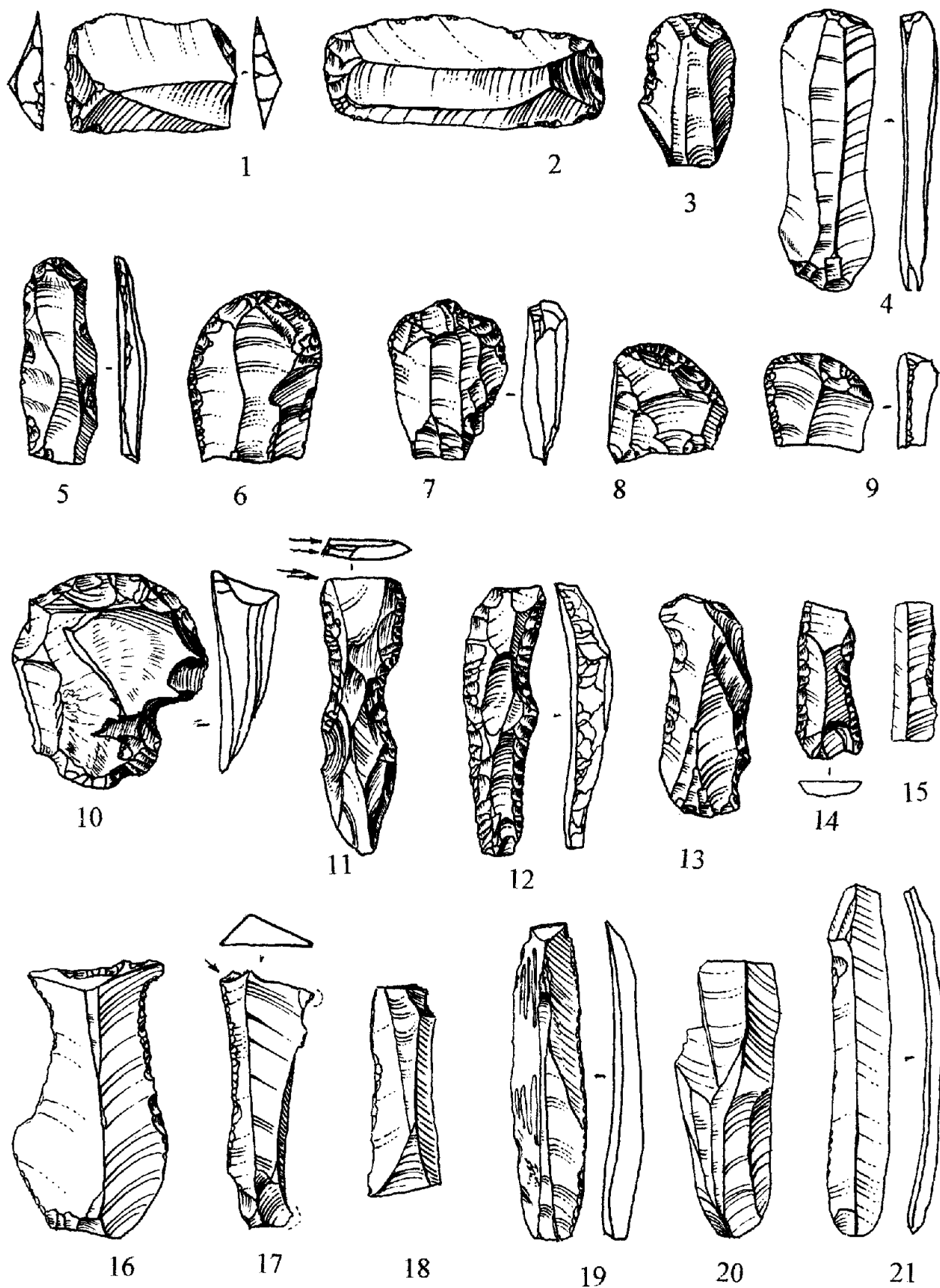

Рис. 5. Малый Дуган, слои 9–14.
Неолитический культурный слой

Неолитические материалы могильника Мичурино II

В результате охранных раскопок могильника Мичурино II, проведенных А.А. Ткачевым в 1991 г., была получена небольшая коллекция каменных орудий, представленная крупными ножевидными пластинами длиной до 13 см (рис. 1–12) и орудиями из них: скобелем и угловым резцом на широкой пластине с фасетированным торцом (рис. 1–31). Автором раскопок находки были отнесены к погребению с трупосожжением, в районе которого они были собраны [321, с. 146–149].

После проведенных раскопок объект не подвергался рекультивации, так как предназначался к сносу, вследствие чего на дюне, где расположен памятник, усилился процесс эрозии и обнажился культурный слой с остатками каменной индустрии, керамики, костей рыб и животных, которые нам удалось собрать здесь в последующие годы.

Таким образом, могильник был сооружен на месте неолитической стоянки, край которой вскрыт раскопом, а «погребение с трупосожжением», где были найдены лишь обломки кальцинированных костей и ножевидные пластины, лежавшие вокруг них, может быть обычным кострищем, для которого в качестве топлива использовали кости животных.

На участке, разрушенном эрозией, в нескольких метрах от того места, где были обнаружены кальцинированные кости и каменные предметы, найдены крупные фрагменты сосуда. Они располагались возле прокалины грунта кирпичного цвета диаметром около 40 см вместе с костями рыб, лежавших компактной кучкой, и костями животных, разбросанных вокруг. Фрагменты керамики представлены шейкой сосуда с лощеной поверхностью, украшенной сплошным орнаментом, состоящим из рядов горизонтальной качалки, нанесенных гладким штампом, не повредившим лощеную поверхность сосуда. Поверхность венчика также украшена глубокими вдавлениями, нанесенными гладким предметом (рис. 1–1). Форма сосуда, вероятно, была остродонной с выпуклым туловом, сужающимся к шейке. Керамика очень плотная, поверхность черного цвета, гладкая с обеих сторон, на которых хорошо заметны тонкие линии, оставшиеся

от шерсти или волоса, добавлявшегося в тесто, в составе которого преобладает тонкодисперсная глина.

Найдены фрагменты еще нескольких сосудов: толстостенного сосуда с зигзагообразным орнаментом (рис. 1–2), тонкостенного, украшенного качалкой, нанесенной гладким штампом (рис. 1–3), два других фрагмента тонкостенной керамики с гребенчатым штампом, один из них представлен шейкой сосуда, украшенной вертикальным зигзагом и вдавлениями с наружной стороны, а вдавления на венчике образуют волнистую поверхность (рис. 1–4). В тесте этой керамики уже много песка, но также имеются органические добавки и шерсть.

Коллекция каменных орудий, собранная на площади 5×10 м, представлена ножевидными пластинами, сечениями и орудиями из них, а также отходами производства из серого и коричневого кварцита и кремнисто-глинистой породы серого и розового цветов. Материалы коллекции четко разделяются типологически и по сырью на две группы предметов, имеющие, по-видимому, культурные различия (см. табл. 1).

Первая группа изделий, выполненная из кварцита, представлена немногочисленными орудиями на крупных ножевидных пластинах без вторичной обработки, лишь на некоторых предметах имеются следы использования в виде краевой ретуши, обычно с вентральной стороны. Основным типом орудий являются ножи и боковые скребки на крупных, шириной до 1,7–2 см, пластинах с усеченным дистальным концом (рис. 1–6, 8, 9, 13), медиальных сечениях (рис. 1–15), дистальном сечении реберчатой пластины (рис. 1–17), скобелями на целых изогнутых пластинах и сечениях с боковыми ретушированными выемками (рис. 1–7, 14). Вкладыши представлены медиальными сечениями мелких пластин без ретуши (рис. 1–16), с вентральной и дорсальной ретушью по краям (рис. 1–10, 18) и одной асимметричной трапецией (рис. 1–19). Орудия на отщепе – одним скребком округлой формы на тонком отщепе с отсеченной ударной площадкой (рис. 1–11) и одним обломком.

Более многочисленна группа изделий из кремнисто-глинистой породы (см. табл. 1). Здесь преобладают мелкие ножевидные пластины, орудия из них и отходы производства. Крупных пластин всего три – это орудия с отсеченным проксимальным концом и частичной ретушью по краям с вентральной и дорсальной сторон и на дистальной части (рис. 1–30). На крупной пластине с дорсальной краевой ретушью и отсе-

ченным дистальным концом, торец которого фасетирован, изготовлен угловой резец (рис. 1-31). Аналогичное орудие выполнено на более мелкой пластине (рис. 1-26).

Много изделий на проксимальных сечениях, среди которых преобладают пластины с вентральной ретушью по краям (рис. 1-24, 29), реже — дорсальной (рис. 1-27, 28), есть сечения с подтёской брюшка и спинки со стороны ударной площадки (рис. 1-23, 40), с притупленным краем (рис. 1-32, 33), с ретушированным концом (рис. 1-25). Наиболее широкая номенклатура изделий представлена на медиальных сечениях, среди которых не только пластины с ретушью по краям (рис. 1-35, 36), но и целый ряд штучных изделий из микропластин для вкладышевых орудий. Это — пластинки с притупленным краем и торцом (рис. 1-41, 42, 49), с ретушью по краю и торцу (рис. 1-44, 45), пластинки с вентральной ретушью (рис. 1-46) и притупленным краем (рис. 1-39, 47, 48). Большинство дистальных сечений также имеет ретушь и использовалось в трудовых операциях (рис. 1-34, 37-39).

Орудия на отщепках представлены скребком на массивном отщепе с полукруглым лезвием средней высоты (рис. 1-20), долотовидным орудием (рис. 1-21) и ножом с тонким ретушированным лезвием (рис. 1-22).

Отсюда мы видим, что расчленение коллекции на отдельные группы по сырьевому признаку позволяет выявить при типолого-статистическом сравнении существенные различия индустрий, базирующихся на различном сырье, которые указывают на их культурно-хронологическую неоднородность. Это подтверждается результатами изучения многослойной стоянки Шидерты III, где в каждом слое использовалось другое сырье и вместе с ним менялась типология. При изучении материалов стоянки Нурмамбет I, кремнисто-глинистый комплекс которой схо-

ден с мичуринскими материалами и вторым слоем Шидерты III, где также использовалось это сырье, была проделана аналогичная работа [246]. Во всех этих комплексах имеются резцы на крупных пластинах с фасетированным, скошенным торцом, характерные только для второго слоя Шидерты III, относящегося к развитому неолиту, и могут являться индикатором этого времени в Павлодарском Прииртышье.

Кварцитовый комплекс мичуринской стоянки более однороден, поэтому пока не находит определенных аналогий среди известных нам памятников, хотя некоторое сходство наблюдается с частью материалов неолитических стоянок лесостепного Обь-Иртышья: Завьялово 2, Козловка 1 [260, табл. VII, XXIII-XXV] и, может быть, стоянки Пеньки 1 [357], на сходство с которой указывают гребенчатая керамика из нашей коллекции (рис. 1-4, 5) и асимметричная трапеция (рис. 1-19). Поэтому предварительно, в целом, может датироваться поздним неолитом.

Сложно пока также сказать, с каким комплексом связаны фрагменты сосудов с гладкой качалкой и зигзагом (рис. 1-1-3), возможно, с кварцитовым, но сама керамика относится, вероятно, к екатерининской культуре Среднего Прииртышья. Аналогии ей мы находим в материалах Омской стоянки [244, с. 80] и Екатериновки 1 [276, с. 7, 11]. Керамика екатерининского типа была обнаружена и на поселении, расположенном в 400 м к северу от стоянки Мичурино II [247, с. 74-75]. Фаунистические остатки, собранные на стоянке, свидетельствуют о том, что она являлась сезонным лагерем различных групп охотников и рыбаков эпохи неолита. Дальнейшие работы на памятнике будут способствовать получению новых материалов для изучения древних культур Прииртышья и решению культурно-исторических проблем этого региона.

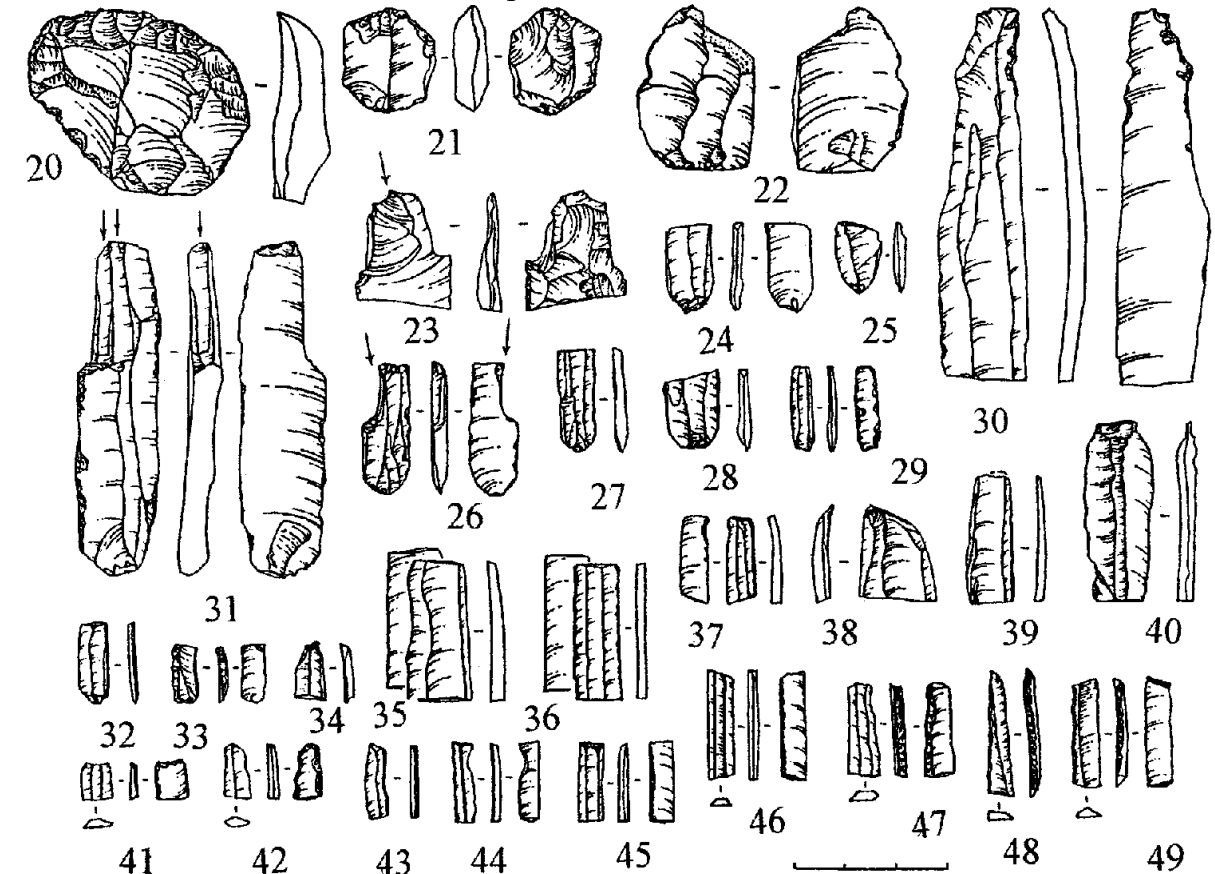
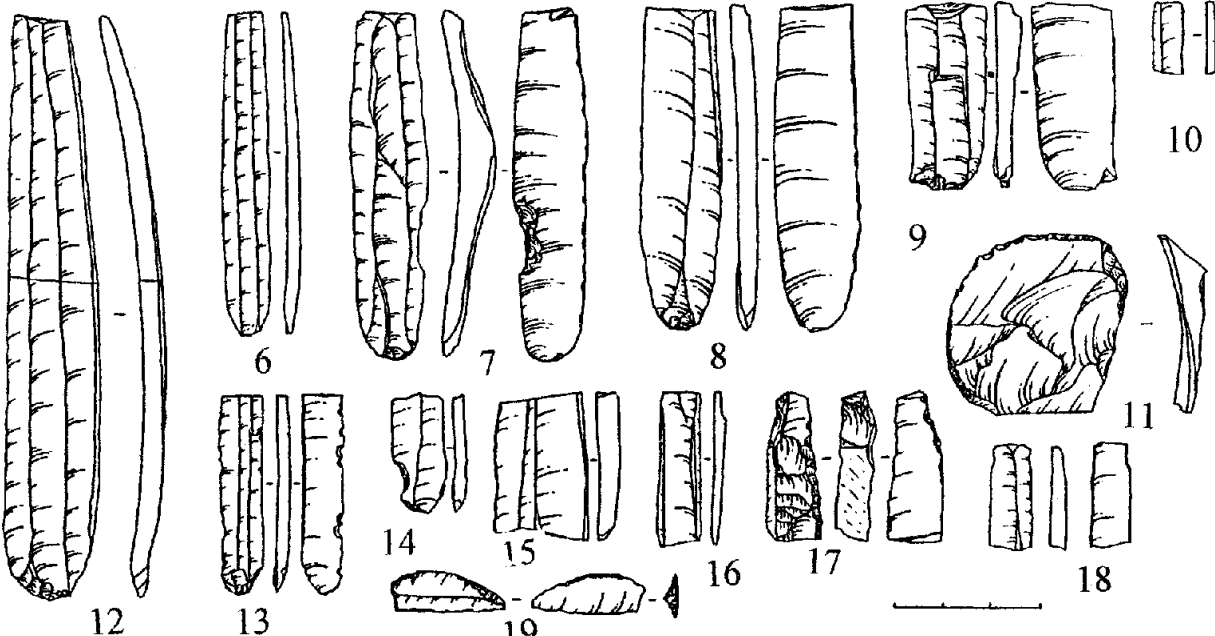
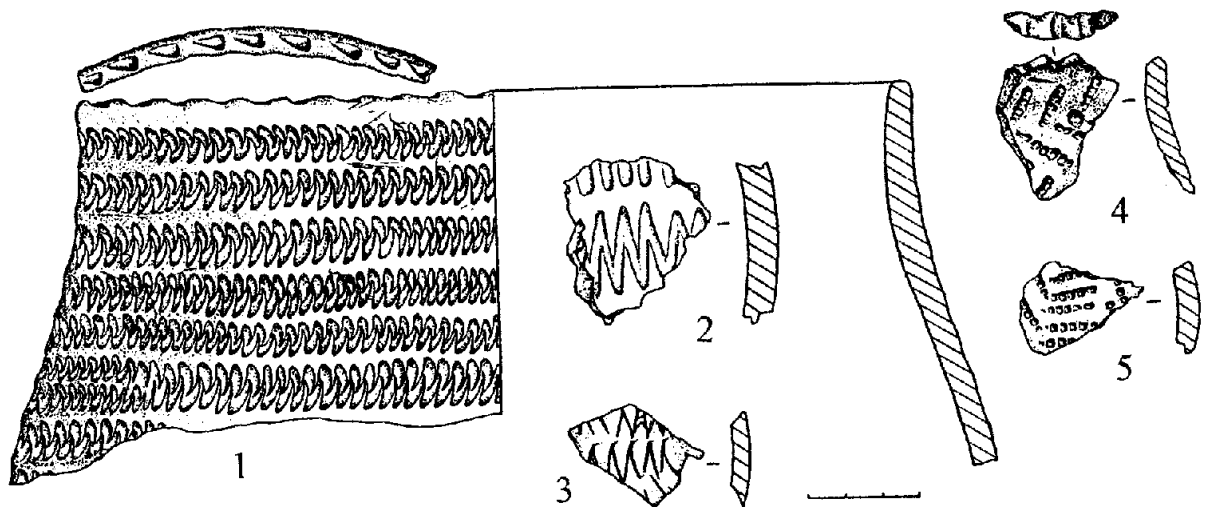
Таблица 1

Типолого-статистическое сравнение материалов стоянки Мичурино II

Типы изделий		Кварцит		Кремнисто-глинистые породы	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Сколы с ударных площадок	1	1,14	14	7,11
2.	Реберчатые пластины с ретушью	1	1,14		
3.	Неправильные пластины	3	3,41	5	2,54
4.	Неправильные пластины с ретушью			3	1,52
5.	Отщепы с ретушью	1	1,14	2	1,02
6.	Сечения отщепов	1	1,14	1	0,50
7.	Скребки на отщепах	2	2,27	2	1,02
8.	Долотовидное орудие			1	0,50
9.	Обломки орудий	1	1,14	2	1,02
10.	Пластины	22	25	6	3,05
11.	Сечения пластин	35	39,77	91	46,19
12.	Сколы	20	22,73	68	34,52
13.	Сколы с ретушью	1	1,14	2	1,02
ИТОГО:		88	100	197	100

Типолист индустрии стоянки Мичурино II

№	Типы изделий из пластин	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Пластины без ретуши	11	19,30	3	3,09
2.	С дорсальной ретушью по краю	2	3,51		
3.	по двум краям	2	3,51		
4.	С вентральной ретушью по краю	6	10,58		
5.	по двум краям			2	2,06
6.	С альтернативной ретушью			2	1,04
7.	С ретушированной выемкой	1	1,75		
Проксимальные сечения					
1.	С вентральной ретушью по краю			5	5,15
2.	по двум краям	1	1,75	9	9,28
3.	С дорсальной ретушью по краю			4	4,12
4.	по двум краям			3	3,10
5.	С ретушированной выемкой	1	1,75		
6.	Без ретуши	5	8,77	15	15,46
7.	С подтеской ударной площадки			2	2,06
8.	Резцы			2	2,06
Медиальные сечения					
1.	С вентральной ретушью по краю	2	3,51	6	6,19
2.	по двум краям	1	1,75	5	5,15
3.	С дорсальной ретушью по краю	3	5,26	2	2,06
4.	по двум краям			1	1,04
5.	С альтернативной ретушью			2	2,06
6.	С притупленным краем			3	3,10
7.	С притупленным краем и торцом			1	1,04
8.	С вентральной ретушью по краю и торцу			2	2,06
9.	По двум краям и торцу			1	1,04
10.	С дорсальной ретушью по краю и торцу			1	1,04
11.	Трапеции	1	1,75		
12.	Без ретуши	6	10,58	8	8,25
13.	Обломки сечений			5	5,15
Дистальные сечения					
1.	С вентральной ретушью по краю	5	8,78	4	4,12
2.	по двум краям	1	1,75	1	1,04
3.	С дорсальной ретушью по краю			4	4,12
4.	С концевой ретушью			3	3,10
5.	Без ретуши	9	15,79	2	2,06
ИТОГО:		57	100	97	100

Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Верхнем Чумыше

Памятник, о котором пойдет речь в статье, расположен на левом берегу р. Чумыш в 1 км южнее сел Степь-Чумыш и Победа Целинного района Алтайского края. В 60-х гг. краевед с. Победа П.Ф. Рыженко, осматривая осыпь левого притока Чумыша р. Васиха в 200 м выше ее устья, обнаружил бронзовый котел раннего железного века и череп человека. Погребение, к сожалению, было полностью разрушено обвалом берега (рис. 1). Позднее памятник получил наименование Усть-Васиха 1 [200]. В ходе обследования устьевой зоны Васихи автором в 1989 г. на пониженной части мыса, образованного левым берегом этой речки и Чумышом, зафиксировано поселение Усть-Васиха 2, содержащее культурные слои различных эпох. В 1991 г. проведены небольшие раскопки аварийного участка памятника. Вскрыто около 87 кв.м площади и собрана коллекция предметов (в основном керамики) в осыпях Васихи (рис. 2-1). Наиболее насыщенным оказался нижний неолитический культурный слой, связанный с подошвой гумусовой пачки (глубина до 0,5 м). Другие горизонты планиграфических объектов не содержали (за исключением очага 2, относящегося, видимо, к эпохе железа). Тем не менее целью настоящей работы является публикация всех находок памятника, поэтому начать следует с эпохи железа.

Кулайская культура. Период представлен только тремя фрагментами керамики от трех сосудов, однако орнаментация и профилировка позволяют довольно уверенно отнести их к I-III вв. н.э. Орнаментация ямками по шейке сосуда, оттиски гребенчатого, прямого и фигурного штампов, украшивание гребенкой среза венчика характерны для фоминского этапа кулайской культуры (рис. 2-2-4) [127]. Следует отметить, что комплексов этого периода в Верхнем Причумышье, несмотря на плотное обследование региона, известно немного: Степь-Чумыш (маслозавод), Улус 1, Усть-Шамониха 5 и многослойное поселение Куюк 1. Неизвестны в Верхнем Причумышье и городища кулайской культуры, широко распространенные по Бии, Катуни и верхней Оби. По-видимому, Причумышье являлось «внутренним» районом кулайцев, не подвергавшимся опасности втор-

жения врага. Не исключено и то, что в долине Чумыша располагались летние пастбища, не требующие сооружений долговременных поселков с жилищами.

Быстринская культура. Керамический комплекс раннего железного века представлен коллекцией керамики (35 экз.) от 12 сосудов (рис. 3) и керамическим предметом, связанным, видимо, с бронзолитейным производством (рис. 3-7). Профилировка (закрытые и открытые горшки, банки) и орнаментация характерны для быстринской культуры, занимающей предгорья северного Алтая и верхнее Причумышье [14; 17]. На отрезке Чумыша от с. Черемшанка до с. Брагино (так называемый локоть реки – рис. 1) известно свыше 50 быстринских поселений и погребальных комплексов. В орнаментации керамики использовался жемчужник, наколы, ямки, гладкий штамп, образующий елочку, косые оттиски и геометрические фигуры (рис. 3-4, 6, 11, 12, 13). Встречен также фрагмент керамики с характерным для быстринки налпным рассеченным валиком (рис. 3-5) [13]. Плотное освоение быстринцами обоих берегов Чумыша в районе «локтя» объясняется прежде всего удобными пастбищными угодьями. В некоторых местах (например, правобережье напротив Усть-Васихи 2) ширина высокой поймы Чумыша достигает 3-4 км. Обилие богатых рыбой пойменных озер, сам Чумыш, в то время достаточно мощная водная артерия, богатство животного мира привлекали сюда человека во все эпохи. Кроме того, Верхнее Причумышье – регион достаточно изолированный, а, значит, безопасный (вспомним отсутствие городищ).

Одним сосудом представлен период перехода от бронзового века к железному (рис. 3-14). Сосуд украшен резной сеточкой, каннелюрами и зигзагами, нанесенными гребенчатым штампом. Ближе всего форма и орнаментация напоминают «чаши» с уплощенным или округлым дном, типичные для керамического комплекса бийского этапа большереченской культуры [4, рис. 3-3, 6, 8]. Этот период завершает развитие «переходной» большереченской культуры и датируется исследователями VI в. до н.э. Следует отметить то, что материалов большереченской культуры в Верхнем Причумышье крайне мало. На характеризуемом отрезке Чумыша находка сосуда с Усть-Васихи 2 единственная.

Эпоха поздней бронзы. К этому периоду отнесены развалы трех крупных слабопрофилированных горшков (рис. 4) и отдельные фрагменты четвертого (рис. 4-2),

реконструировать который не удалось. Хотя украшены сосуды оттисками различных орнаментов (гладкий и зубчатый штампы, «уголок лопаточки»), композиционное построение схоже: строка орнамента под венчиком, ряд ямок на шейке сосуда, несколько строк орнамента ниже, на тулове горшка. Подобная композиция, на наш взгляд, характерна для керамики корчажкинской культуры XII–VIII вв. до н.э. [165]. Находок эпохи поздней бронзы, как и большеберенской культуры, в Верхнем Причумышье немного. Корчажкинские материалы в виде отдельных фрагментов керамики обнаружены на поселениях Степь-Чумыш (маслозавод), Усть-Каменушка 3, Усть-Шамоница 7. Керамика ирменской культуры, не встречаемая на Усть-Васихе 2, известна с поселений Осиха, Манжиха 2 и Куюк 1. Более мощные поселения эпохи поздней бронзы обнаружены в Среднем Причумышье в Кытмановском районе на левобережных притоках Чумыша (реки Тараба, Большегорская). Чем объяснить отсутствие представительных корчажкинских и ирменских комплексов на «чумышском локте», пока неясно. Возможно, их следует искать на небольших притоках Чумыша в 2–3 км выше их устьев. В этом плане наиболее перспективными являются левобережная р. Шалап и правобережные речки Шамоница, Каменушка и Манжиха.

Андроновская культура (XVI–XIII вв. до н.э.) представлена обломками 2–3 сосудов (рис. 5–1–4) баночной формы, украшенных резными треугольниками, елочкой и вертикальным зигзагом. Сосуды типичны для многочисленного керамического комплекса, известного на Верхнем Причумышье и представленного семью (включая Усть-Васиху 2) кратковременными поселениями (Чесноково 1, Лог Солонька, Степь-Чумыш (маслозавод), Куюк 1 и 2, Коврижка 2), тремя долговременными (Сосновый Лог 1, Горинье Озеро, Манжиха 2) и тремя грунтовыми могильниками (Манжиха, карьер кирпичного завода, Куюк 1) [159]. По количеству памятников андроновская культура уступает только быстринской, что позволяет предположить сходство хозяйства этих двух этнокультурных образований и удобство для его реализации именно в Причумышье. Не исключено, что севернее Усть-Васихи 2, под мысом, могло располагаться стационарное андроновское поселение, но, к сожалению, эта местность сильно изменена в ходе хозяйственной деятельности и для изучения труднодоступна.

Елунинская культура (XVIII–XVI вв. до н.э.) так же, как и андроновская, представлена обломками 3–4 сосудов, украшенных отступающим и шагающим гребенчатым штампом (рис. 5–5–8). На одном из фрагментов придонных частей горшковидных сосудов (рис. 5–6) видна орнаментация гребенчатым штампом днища. В отличие от последующей эпохи, памятники елунинской культуры редки. На нынешнем уровне исследования в Верхнем Причумышье это только Усть-Васиха 2. Ниже по течению реки зафиксированы находки елунинской керамики у с. Бураново Тогульского района (Бураново 1 и 4) [236]. К этому же периоду могут относиться некоторые случайные находки, в частности, «Г»-образные зооморфные навершия (стилизованные изображения головы ворона с клювом).

Корначакская культура эпохи неолита представлена наибольшим количеством находок и объектов. Предварительная характеристика неолитической культуры Верхнего Причумышья мною уже сделана [202]. В настоящей работе публикуется один из исследованных неолитических комплексов, послуживший наряду с материалами поселений Корначак 2, Куюк 1, Широкий Лог 1 и Октябрьский 3 основой выделения корначакской культуры. Радиоуглеродная дата, сделанная по древесному углю с культурного слоя поселения Корначак 2, давшего название культуре, 7340 ± 175 лет (5390 ± 175 л. до н.э.) (СО АН – 2990). Возможная дата бытования культуры, таким образом, определяется VII–V тыс. до н.э.

Планиграфия неолитического культурного слоя весьма примечательна. Расчищено шесть выкладок из рваного камня, взятого из цоколя высоких террас Чумышского левобережья. Размеры этих объектов различны: от $1,2 \times 1$ м до $0,5 \times 0,6$ м, но их объединяет внешний облик и, видимо, назначение, к сожалению, до сих пор неизвестное. Все выкладки представляют уложенные в один слой камни, образующие конструкцию высотой $0,07–0,1$ м от древней дневной поверхности. Подобные объекты характерны для всех неолитических поселений Южной Сибири (в том случае, если поблизости имеются выходы камня) [197; 213; 214]. Традиция сооружения выкладок возникает на Алтае еще в верхнем палеолите. Они зафиксированы на стоянках Ушлеп 3 [192] и Майма [220]. Очевидно то, что ни для установки сосудов, ни для очагов эти выкладки не применялись. На Усть-Васихе 2 часть очагов примыкает к выкладкам, но часть их не соседствует с древними кострами (рис. 2–1). Находки ка-

менных изделий и керамики также не образуют существенных скоплений рядом с этими объектами. Видимо, необходимы дальнейшие исследования и накопление информации для решения этой «планиграфической загадки».

Судя по разбросанности объектов и равномерному распределению находок по площади памятника, жилищ и более или менее долговременных сооружений поселение не содержит. Вывод о «летнем» характере памятника пока преждевременен, так как исследована очень незначительная его часть.

Керамический комплекс эпохи неолита представлен 150 обломками не менее чем от 19 сосудов. Несмотря на разнообразие орнаментации можно отметить некоторые общие моменты:

1. Поверхность всех фрагментов неолитической керамики сильно разрушена;
2. В тесте прослеживается примесь травы, оставляющая при выгорании во время обжига характерные следы;
3. Сочетание оттисков нескольких орнаментов: гребенчатая и гладкая качалка, прочерченные тонкие линии, неровные семечкообразные ямки, короткий гребенчатый штамп.

По форме сосуды разделяются на слабо-профилированные горшки (рис. 6-1, 3, 4, 14), плоскодонные банки (рис. 6-2) и, видимо, сосуды с приостренным или округлым дном (рис. 6-11). Сочетание подобных форм в одном комплексе вовсе не редкость, подобная ситуация фиксируется исследователями в боборыкинской культуре IV тыс. до н.э. [170; 173]. При этом отмечается, что сочетание столь различных форм связано с поглощением пришельцами-боборыкинцами более древнего местного сосновоостровского населения с ямочно-гребенчатой традицией. Плоскодонность керамики также не является редкостью в неолитических культурах Западной Сибири. Банки и горшки с плоским дном известны в боборыкинских, кошкинских, полуденских комплексах, в неолитических находках бассейна Конды, в екатерининских и игрековских комплексах [170; 172; 173; 288]. Плоскодонная керамика обычна и в комплексах среднего Приобья: Томский могильник [171], могильник у д. Иштан [245] и др.

Сходные приемы орнаментации, элементы декора и композиции также прослеживаются в неолитических культурах Зауралья и Западной Сибири. Хаотичное расположение по поверхности сосуда полос, оставленных гребенчатой (рис. 5-12; 6-6, 9, 12, 14) и гладкой (рис. 6-1, 2) качалкой, в том числе вер-

тикальные полосы (рис. 6-7, 8, 9), сочетание «семечковидных» оттисков и гребенчатой качалки (рис. 6-12), короткие (рис. 5-10; 6-11, 13) и вертикальные оттиски гладкого штампа (рис. 6-4) – обычный способ украшения сосудов на указанных территориях в VI–IV тыс. до н.э. Характерное ребро в профилировке сосудов отмечено на некоторых сосудах сосновоостровского комплекса, в могильнике Иштан [245, рис. 1-5], на поселении Игреково 1 [288]. Наиболее близкими комплексами, с которым схож неолитический горизонт Усть-Васихи 2, являются памятники р. Иня, исследованные В.Я. Захом [94; 95]. Исследователи, анализирующие неолитические комплексы р. Иня, отмечают, что они отличаются от Барабинских (западных) и памятников Верхней Оби (южных) [336]. Тем не менее определенное сходство корначакских и ирбинских комплексов имеется. Это примесь травы в тесте, короткий зубчатый штамп (рис. 6-3), слабая профилировка сосудов. Видимо, описываемый керамический комплекс Усть-Васихи 2 сложился из нескольких компонентов, прежде всего ирбинского и гребенчато-ямочного комплекса северо-западного происхождения. Более сильное воздействие указанных культур на Причумышье связано с тем, что этот регион достаточно хорошо изолирован с востока, юга и запада и имеет хороший «выход» по долине Чумыша в северном направлении, откуда и приходили носители северных и северо-западных традиций. Комплексы р. Иня находятся в похожих условиях, но, располагаясь гораздо севернее (хотя и в пределах все того же Салаирского кряжа), содержат меньше «верхнеобских» компонентов. Керамика эпохи неолита более южных и западных районов (ирбинская и культура бассейна р. Катунь) значительно отличается от корначакской, имея множество аналогий с культурами Казахстана и Средней Азии (печатная гребенка, геометризм, яйцевидная или остродонная форма сосудов). В целом можно отметить предварительность сделанных предположений, так как керамический комплекс немногочислен. Малое количество керамики характерно не только для изученных поселений Алтая, но и для памятников следующей энеолитической эпохи, генетически связанной с неолитом.

Каменная индустрия Усть-Васихи 2 более многочисленна (500 экз.), хотя основную массу составляют отщепы и отходы производства. Все орудия и изделия с явными следами изношенности или вторичной обработки представлены в иллюстрациях. Особенностью комплекса каменной индустрии являет-

ся его двухкомпонентность. Часть изделий изготовлена из традиционных поделочных пород каменного века: кремния, порфира, кварцитовидного сливного песчаника, халцедона, горного хрусталя, яшмовидных минералов. Другая часть представлена алевролитовыми ядрищами и соответствующими им сколами. Эту особенность неолитической индустрии Причумышья я отмечал ранее [202]. Использование породы, слабо отвечающей требованиям камнеобработки, связано с отсутствием пригодного для расщепления сырья в этом регионе. Традиция обработки алевролита на Верхнем Чумыше сложилась еще в эпоху верхнего палеолита [199; 209; 236]. Для успешного расщепления алевролита применялись приемы, напоминающие архаичную леваллуазскую технику расщепления камня. Усматривать в этом какие-либо древние традиции было бы ошибкой, другие приемы расщепления для подобной рыхлой и мягкой породы неприменимы. Из-за наличия двух столь различных техник обработки камня создается ложное впечатление неоднородности индустриального ансамбля. В работе анализ комплекса будет проведен по трем позициям: техника расщепления, вторичная обработка и орудийный набор.

Техника расщепления. Основой «традиционной» техники расщепления являются призматические и конусовидные нуклеусы (рис. 7-1, 2). Представлены также отходы изработки нуклеусов: реберчатые сколы (рис. 7-6), снятия площадок (рис. 9-35), сколы-подправки латералей и фронта снятия (рис. 7-7). Нехватка качественного сырья вынуждала людей использовать для трудовых операций даже эту категорию инвентаря. Все сколы обновления имеют дополнительную (вторичную) обработку. Наиболее ярко это выразилось в оформлении небольшого тесла с подшлифовкой из призматического нуклеуса (рис. 10-2). Размеры изделия позволяют предположить то, что нуклеус до конца изработан не был. Возможно, получившаяся в процессе расщепления форма нуклеуса надоумила мастера камнеобработки превратить его в тесло. Получившиеся при использовании нуклеусов пластины предельно утилизированы и изношены (вплоть до завальцованности кромок). Не употреблялись в работе только мельчайшие отщепы и чешуйки, составляющие до 20% всех находок.

«Алевролитовое» расщепление принципиально иное. Самый мелкий нуклеус с явными признаками плоскостной техники расщепления представлен на рисунке 7-3. Наиболее крупный является десятикилограммовой плитой алевролита (квадрат И/7), с

которой сбивались крупные заготовки, а, возможно, и преформы для дальнейшего мелкого расщепления. Иногда мастерство «алевролитобработчиков» позволяло им скалывать пластиноподобные предметы средних и мелких размеров (рис. 8-1; 9-26, 33, 37; 11-4, 6, 9, 11, 15, 19, 20, 21). К сожалению, соответствующих нуклеусов не встречено. Часть заготовок скалывалась с плоскостных «постлеваллуазских нуклеусов». Они имеют остатки ударных площадок, иногда фасетированных. Форма предметов вызывает явные «леваллуазские» ассоциации (рис. 8-2; 11-3, 5, 8, 9, 18). Не чужд был древним корначкам и долечный способ расщепления алевролита («постцитрон») (рис. 11-12). Интересно то, что долечная техника применялась и для раскалывания небольших кремнистых галек с бичевника Чумыша. Судя по специфике некоторых сколов (рис. 7-8), для алевролитового расщепления применялась также техника изработки радиальных нуклеусов. Непрочность исходного материала приводила к разрушению остаточных ядрищ, что не позволяет достаточно подробно охарактеризовать это интереснейшее явление каменного века.

Раскалывание осуществлялось с помощью удлиненных галек (рис. 7-4, 5), несущих следы многочисленных ударов. Вероятно, для получения призматической пластины применялись роговые и костяные инструменты, однако кость в неолитическом слое практически не сохраняется, поэтому указанные предметы не зафиксированы. Отдельную категорию (10 экз.) представляют орудия из целых галек и каменных природных обломков. Подработка их минимальна, часть превращена в рубящие орудия, часть является терочниками и абразивами.

Вторичная обработка достаточно разнообразна. Наиболее архаичные традиции, как понятно из сказанного ранее, фиксируются на алевролитовых изделиях. Это уни- и бифасиальная оббивка, фасетирование ударных площадок, транкирование сколов и т.д. Некоторые из этих разновидностей обработки перенесены и на «традиционные» породы камня. Прежде всего это оббивка (рис. 10-1, 3, 4). Оббивкой, судя по снятиям и поверхности шлифованного тесла (рис. 9-53-57; 10-2), подправлялись изношенные кромки шлифованных орудий. Мелкая оббивка, приближающаяся по размерам фасеток к крупной формообразующей ретуши, применялась для «чернового» оформления орудий и подправки нуклеусов (рис. 7-1, 2, 3; 9-42, 49, 53-57). Ретушь представлена, практически, всеми разновидностями: приостряющая и

притупливающая, прерывистая и чередующаяся, разнофасеточная и регулярная. В целом это характерно для неолитической индустрии. На Алтае эпоха неолита — период наивысшего расцвета камнеобработки [156], и это справедливо для корначакской индустрии. Особо следует отметить мастерскую обработку очень различных по своим «технологическим» параметрам пород, от горного хрусталя (рис. 9–11) до алевролита и песчаника. Новым для каменного века является широкое применение техники шлифования камня, появившейся на Алтае в эпоху мезолита (ок. 7,5 тыс. лет назад) [205]. Шлифовка осуществлялась с помощью цельных абразивов (рис. 10–5) и, возможно, путем воздействия абразивного порошка (песок, толченый песчаник). Фиксируется грубая (рис. 10–3) и «вторичная» чистовая шлифовка (рис. 10–2). Полированные изделия не встречены, но имеются сколы, сбитые при их обновлении, очень мелких размеров. Найден обломок полностью зашлифованного предмета (рис. 9–52).

Орудийный набор. Если исключить из типологического реестра «алевролитовый компонент», станет очевидным, что основой индустрии корначакского неолита Усть-Васихи 2 является мелкая и средняя призматическая пластина. Это характерная черта неолита Алтая и в целом Западной Сибири. Количественно незначительный пластинчатый набор памятника не позволяет выявить все типы орудий на пластинах. Выделяются изделия с односторонне ретушированными с вентрала и дорсала краями (рис. 9–1, 8, 12, 20, 24, 28, 29, 30, 31). Обработке подвергнуты как один, так и оба края. Встречены боковые резцы (рис. 9–5, 15), клювовидный резчик (рис. 9–14), вкладыш с притупленным торцом и притупливающей ретушью по одному краю с вентрала (рис. 9–16) и т.д. Все пластины без обработки носят следы утилизации и фрагментирования. На пластинах изготовлены два наиболее выразительных концевых скребка (рис. 9–37, 38). Два других скребка оформлены на отщепках случайных форм (рис. 9–39, 49). Единично

встречены боковой резец на отщепе (рис. 9–51), выемчатый (рис. 9–41) и «прямой» (рис. 8–7) скобели, нож-бифас (рис. 8–9). Часть отщепов ретушировалась и использовалась как разовые орудия (рис. 8–4, 5, 8, 10, 11, 12; 9–40, 50). Найдено также скребло, апплицирующееся из трех частей (рис. 8–6). Весьма выразительной частью коллекции являются рубящие инструменты, хотя это категория также немногочисленна, а все изделия различны: чоппероидное орудие из кремневой гальки (рис. 10–4), тесло-бифас из гальки кремнистого сланца (рис. 10–1), уже охарактеризованный предмет из кремневого нуклеуса (рис. 10–2), своеобразное орудие-бифас из уплощенной гальки (рис. 10–3) и обломок крупного изделия с подшлифовкой (рис. 11–23). Предпоследнее орудие является оригинальным, так как его края не заострены, хотя подшлифованы. Не исключено, что основным его назначением является не рубка и тесание дерева, а раскалывание (заостренным концом) деревянных чурок.

Алевролитовые сколы, за исключением двух резцов (рис. 11–7, 16), использовались для разовых режущих и скребущих операций (рис. 11–1–21).

В заключение следует отметить, что неолитический материал Усть-Васиха 2, несмотря на немногочисленность изделий, органически вписывается в корначакский комплекс индустрии Верхнего Причумышья. По-видимому, наиболее специфической чертой корначакской культуры являются своеобразные наконечники стрел (рис. 9–42–48). В горном и лесостепном Алтае для эпохи неолита характерны наконечники стрел с прямой и выемчатой основой — тип, сложившийся еще в мезолите [287, 205]. В Верхнем Причумышье встречаются наконечники с черешками (рис. 9–43, 47) и овальным насадом (рис. 9–42, 45). Традиционная краевая обработка наконечников (рис. 9–44, 46, 48), обычная для культур Алтая, свидетельствует об определенных связях характеризуемой индустрии с горными и лесостепными культурами.

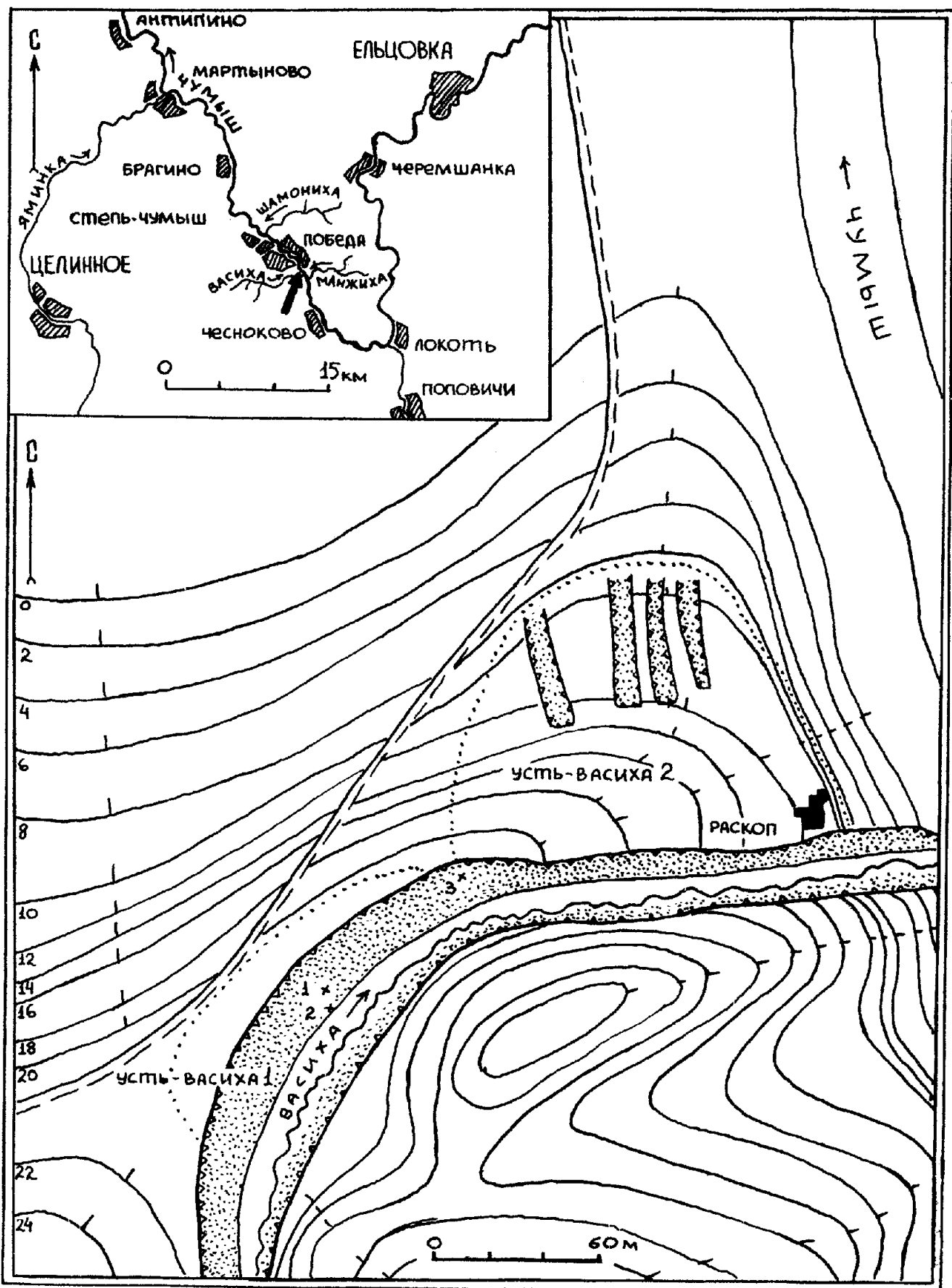

Рис. 1. Расположение поселения Усть-Васиха 2: 1 – череп человека; 2 – бронзовый котел; 3 – развал сосуда

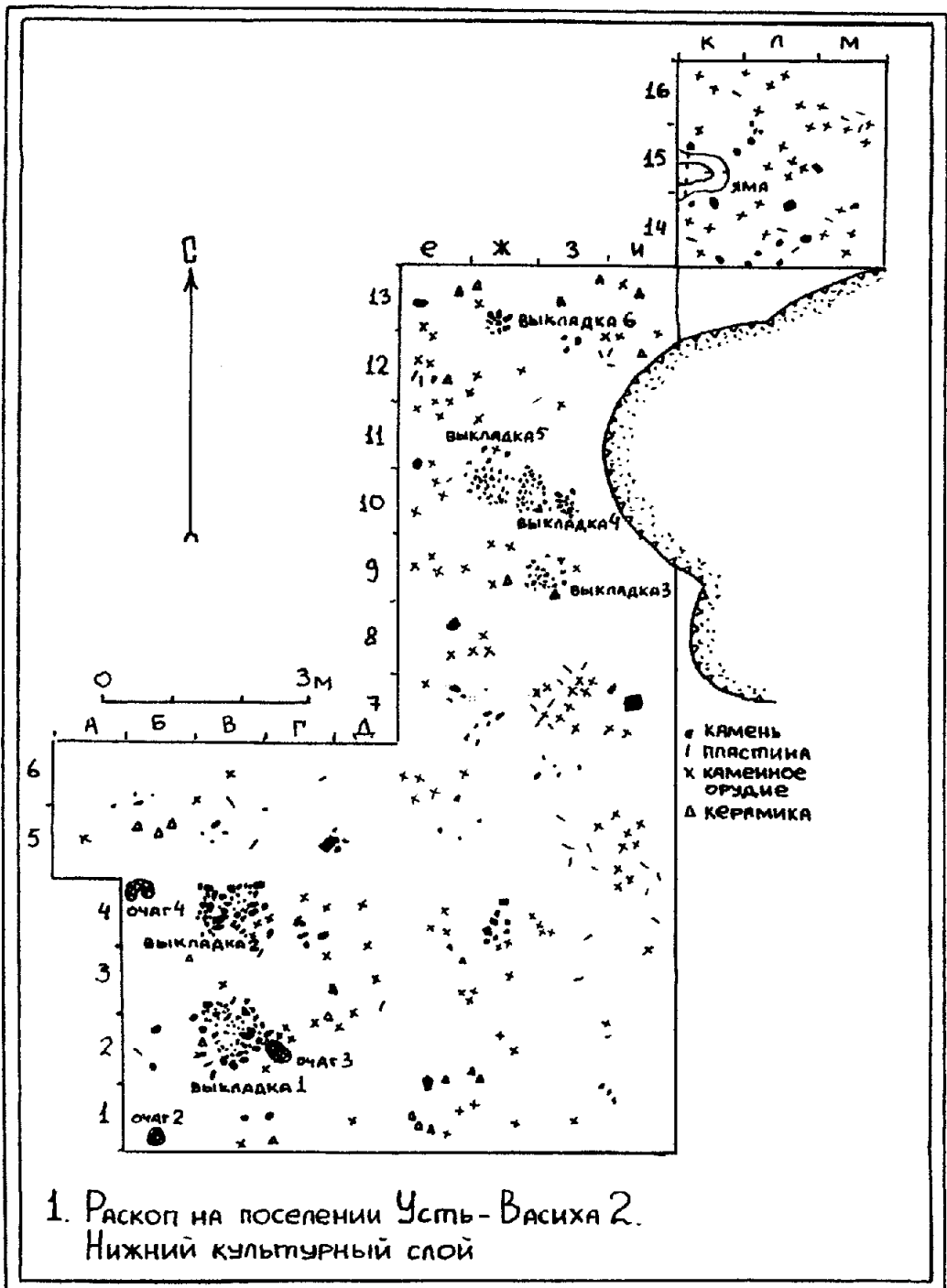

Рис. 2. Усть-Васиха 2: раскоп (1) и керамика раннего средневековья (2-4)

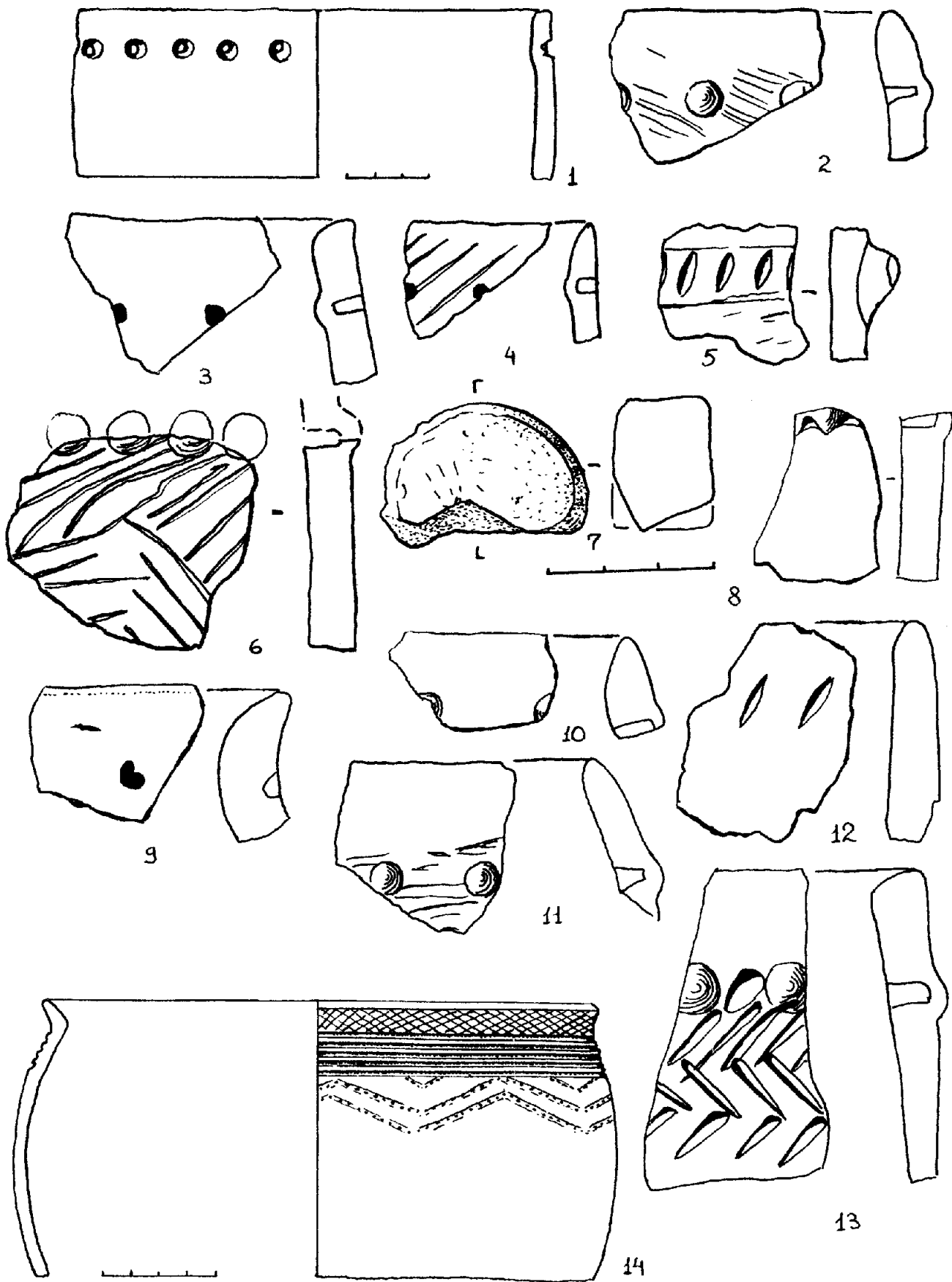
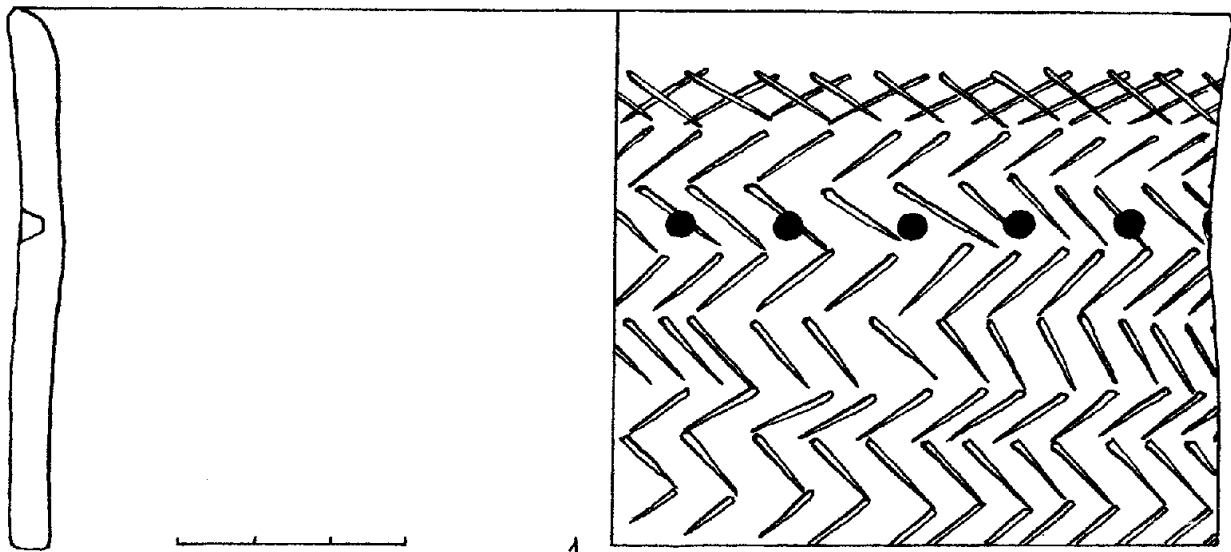
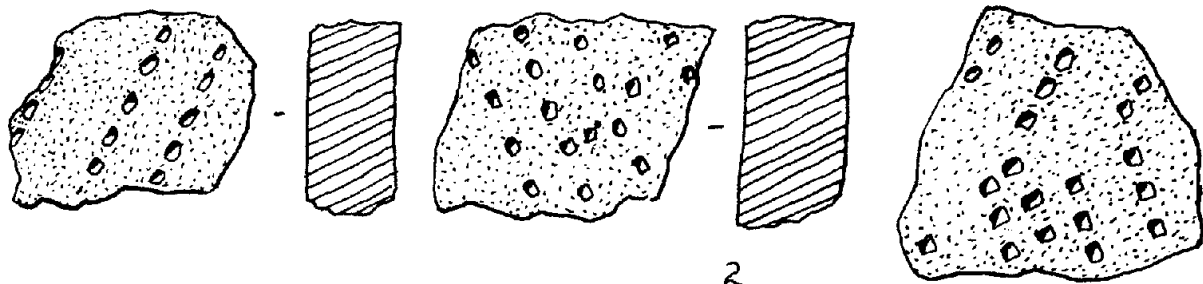

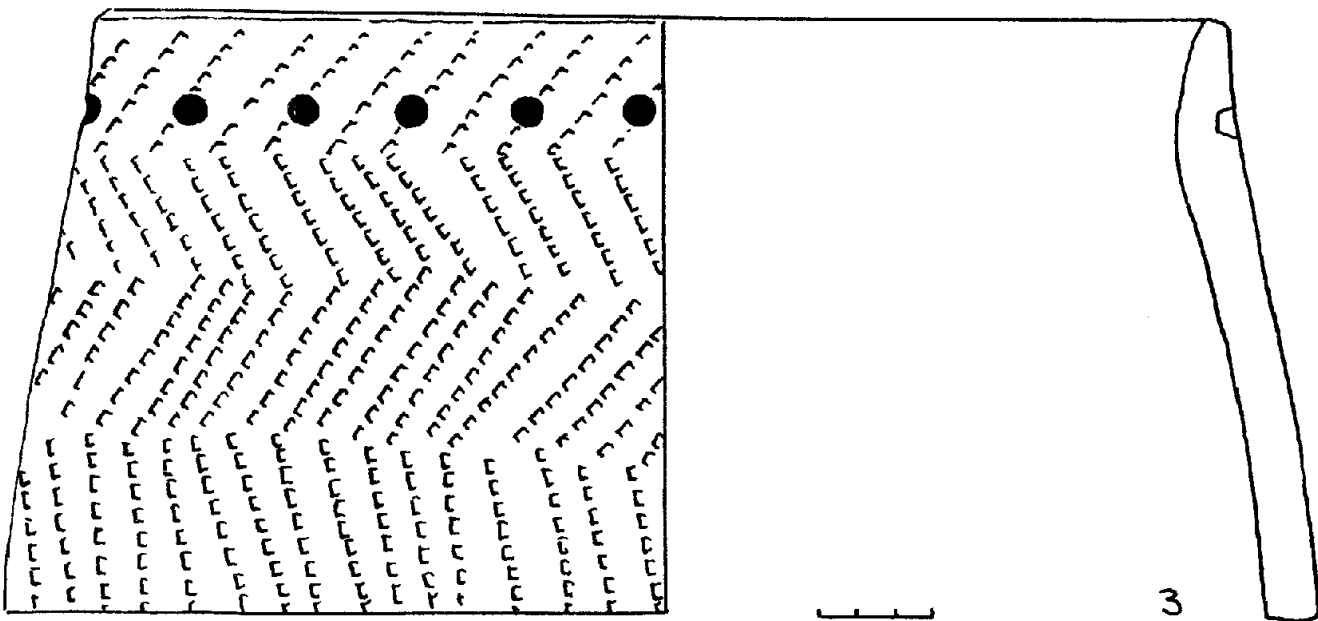
Рис. 3. Усть-Васиха 2. Керамика быстрианской культуры (1–13) и бийского этапа большереченской культуры (14)

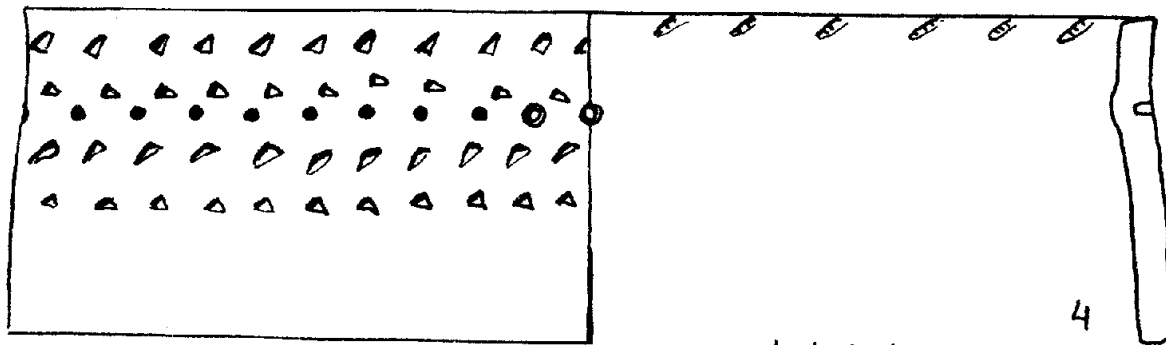
1

2

3

4

Рис. 4. Усть-Васиха 2. Керамика эпохи бронзы

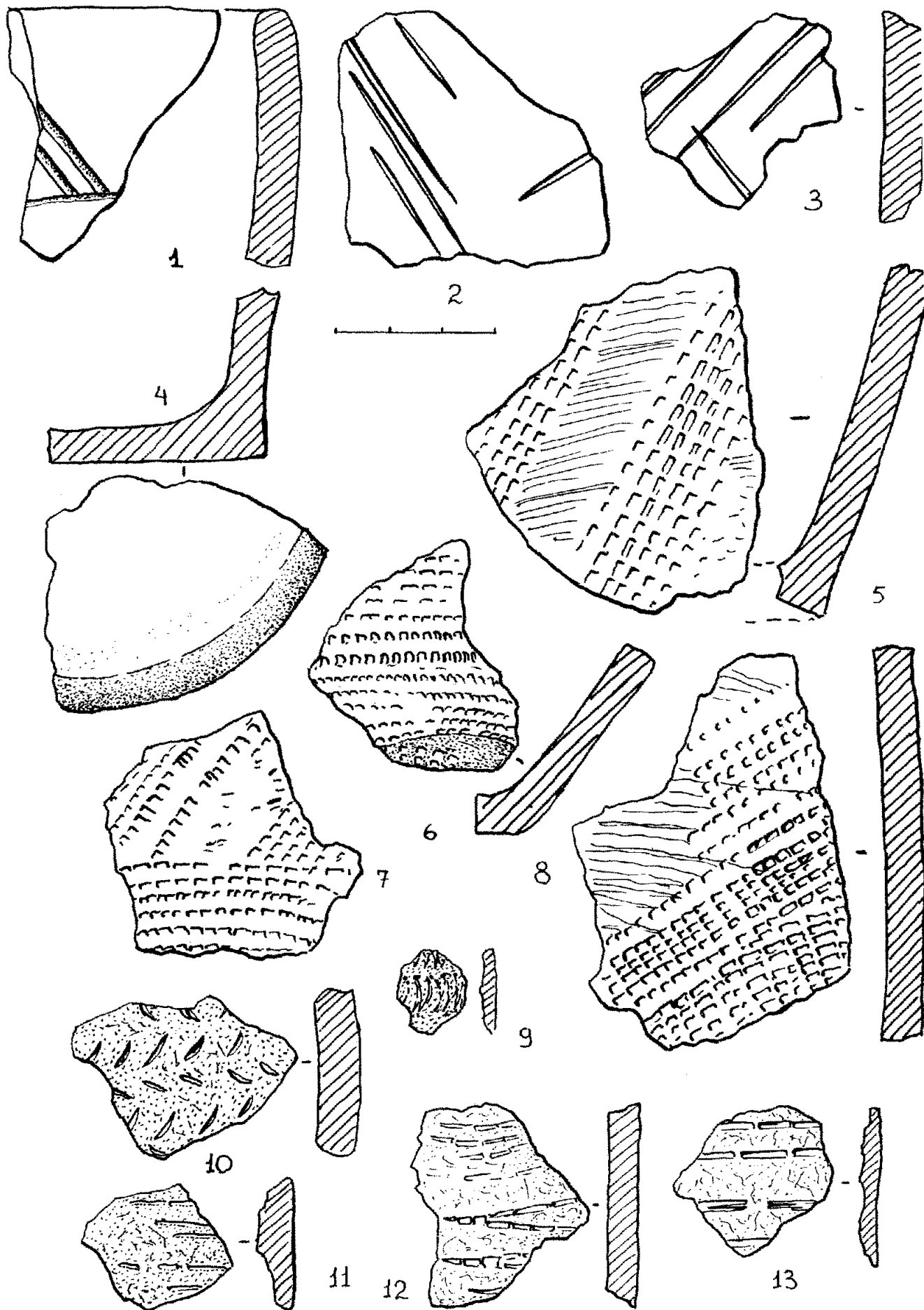

Рис. 5. Усть-Васиха 2. Керамика андроновской (1-4), елуниной (5-8) и корначакской (9-13) культур

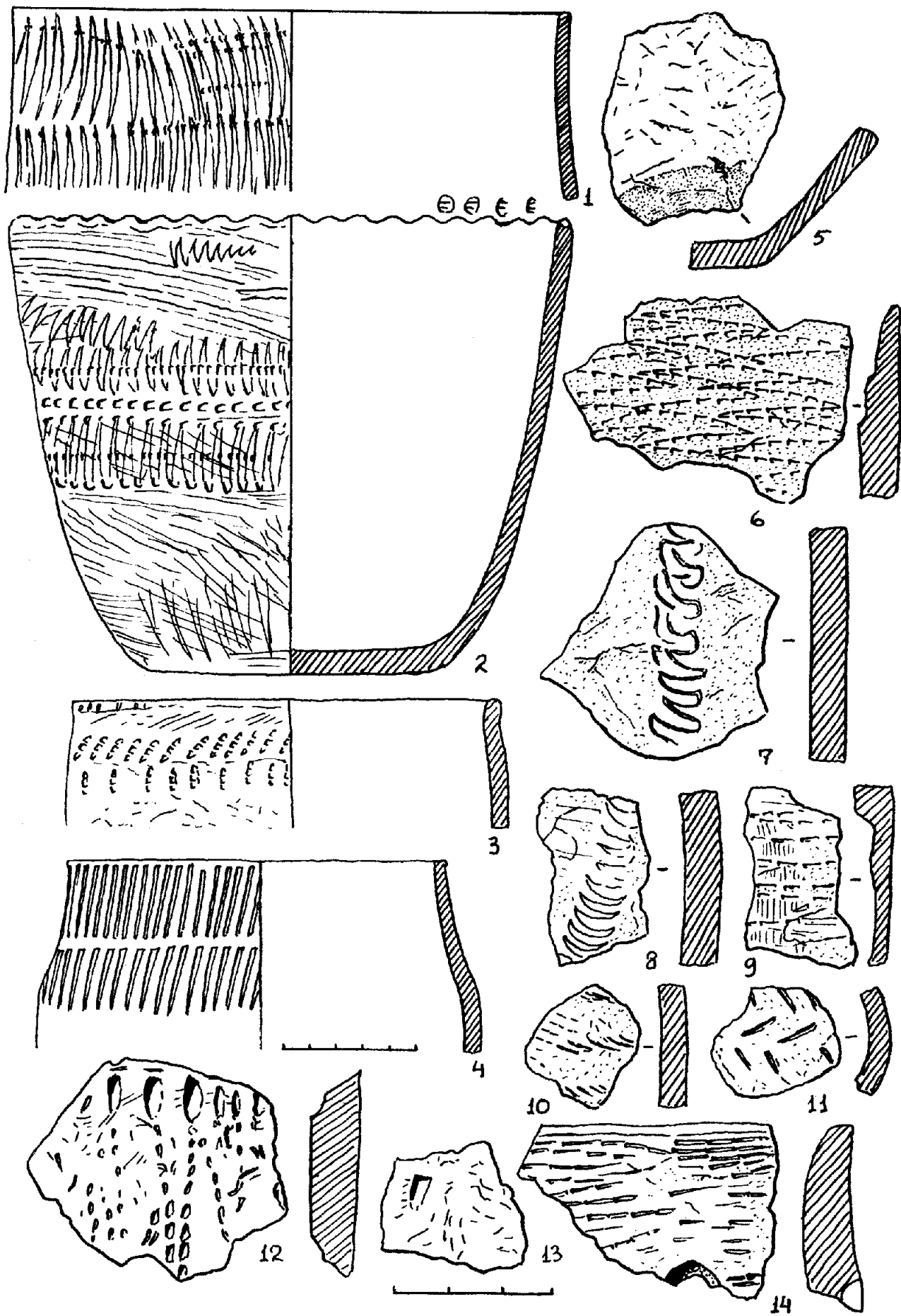

Рис. 6. Усть-Васиха 2. Корначакская керамика

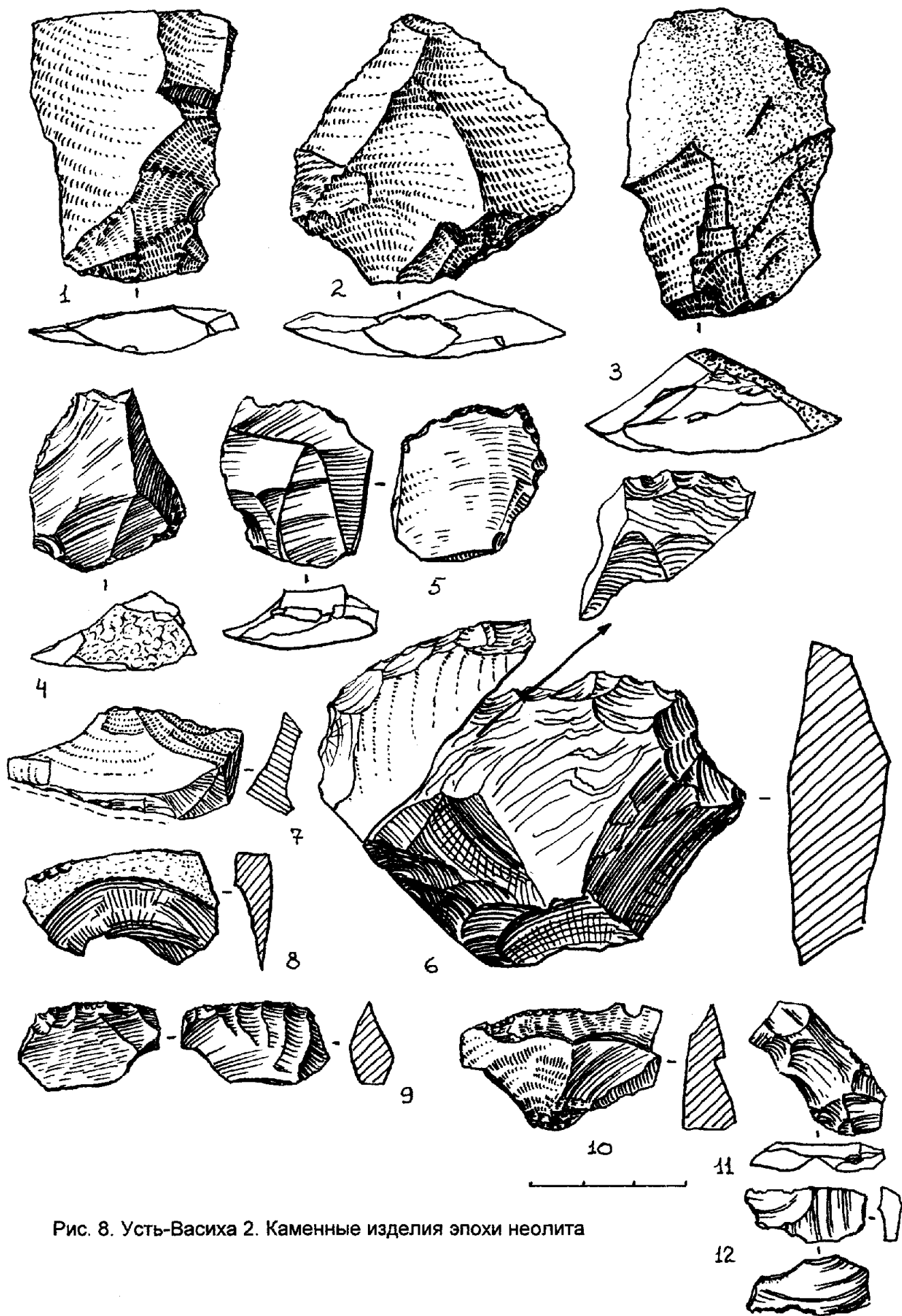

Рис. 8. Усть-Васиха 2. Каменные изделия эпохи неолита

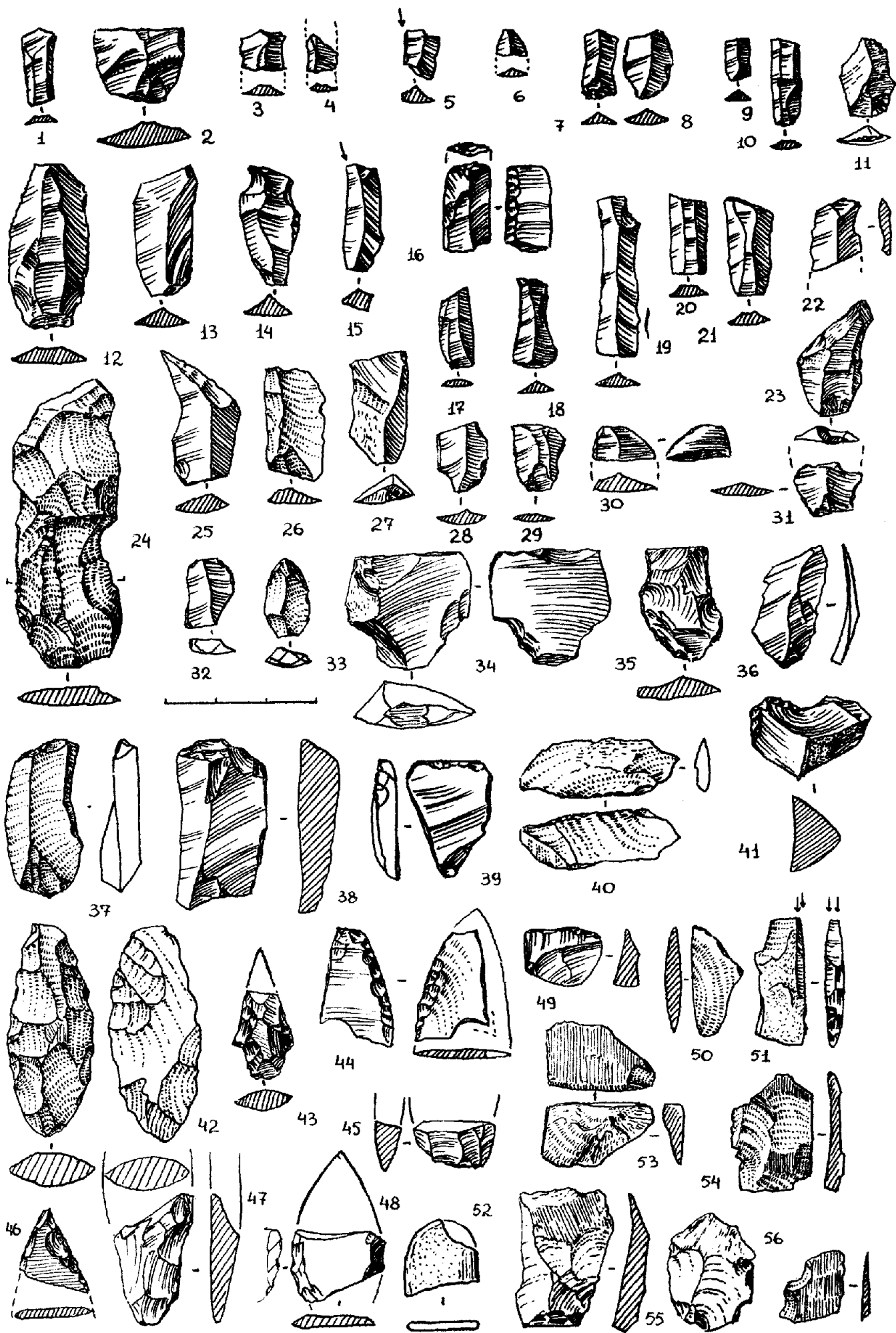

Рис. 9. Усть-Васиха 2. Каменные изделия эпохи неолита

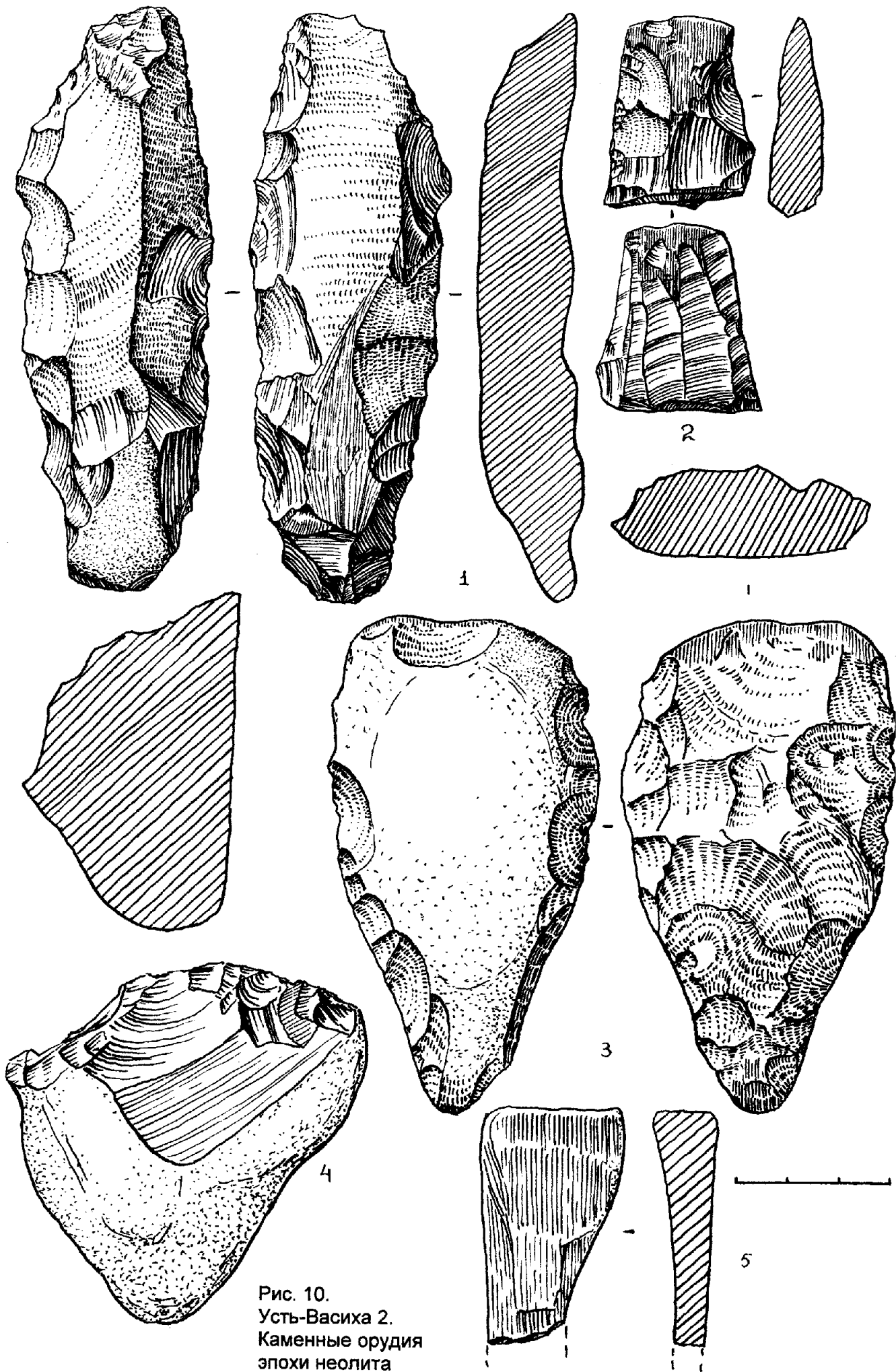

Рис. 10.
 Усть-Васиха 2.
 Каменные орудия
 эпохи неолита

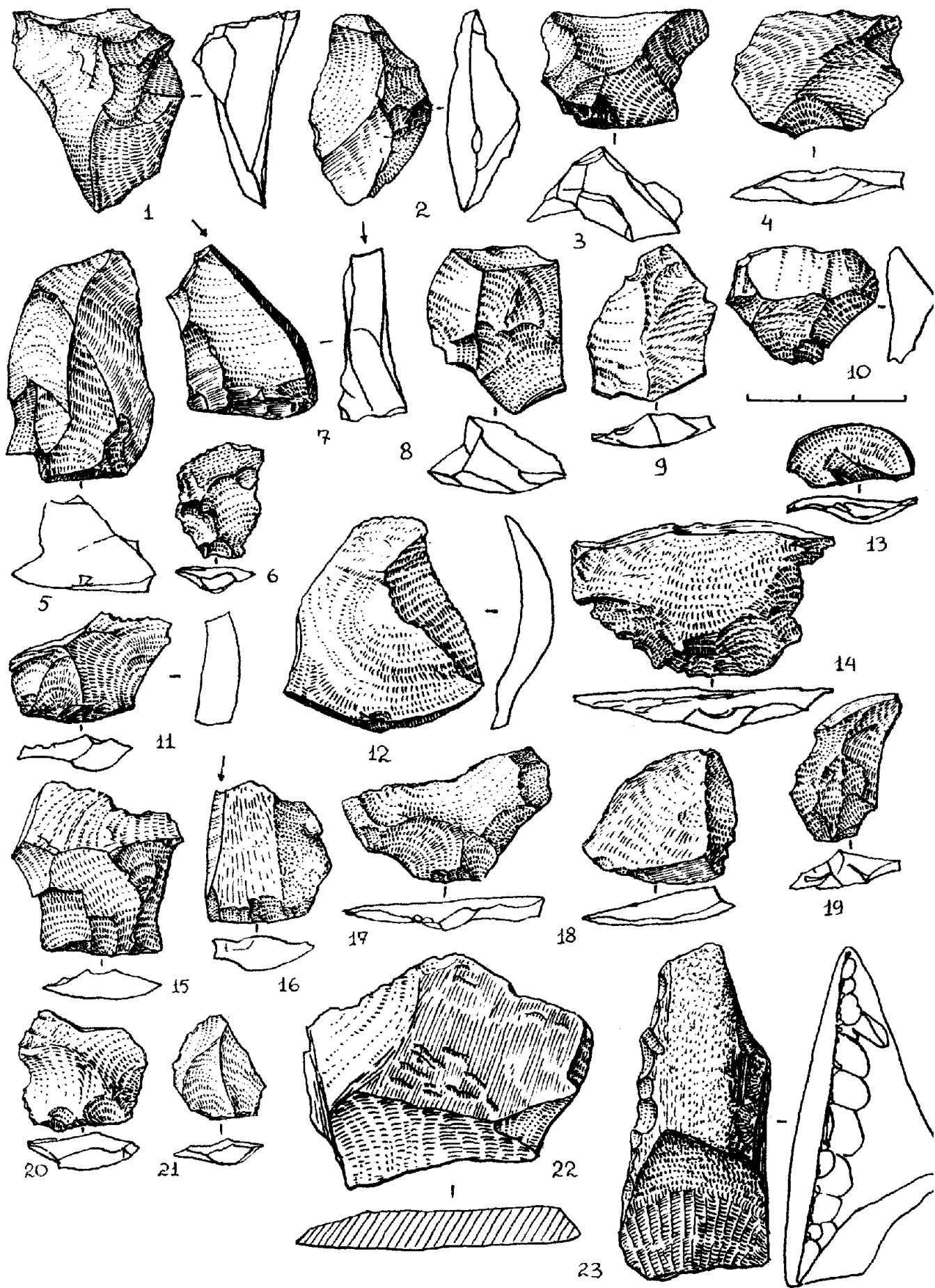

Рис. 11. Усть-Васиха 2. Каменные изделия эпохи неолита

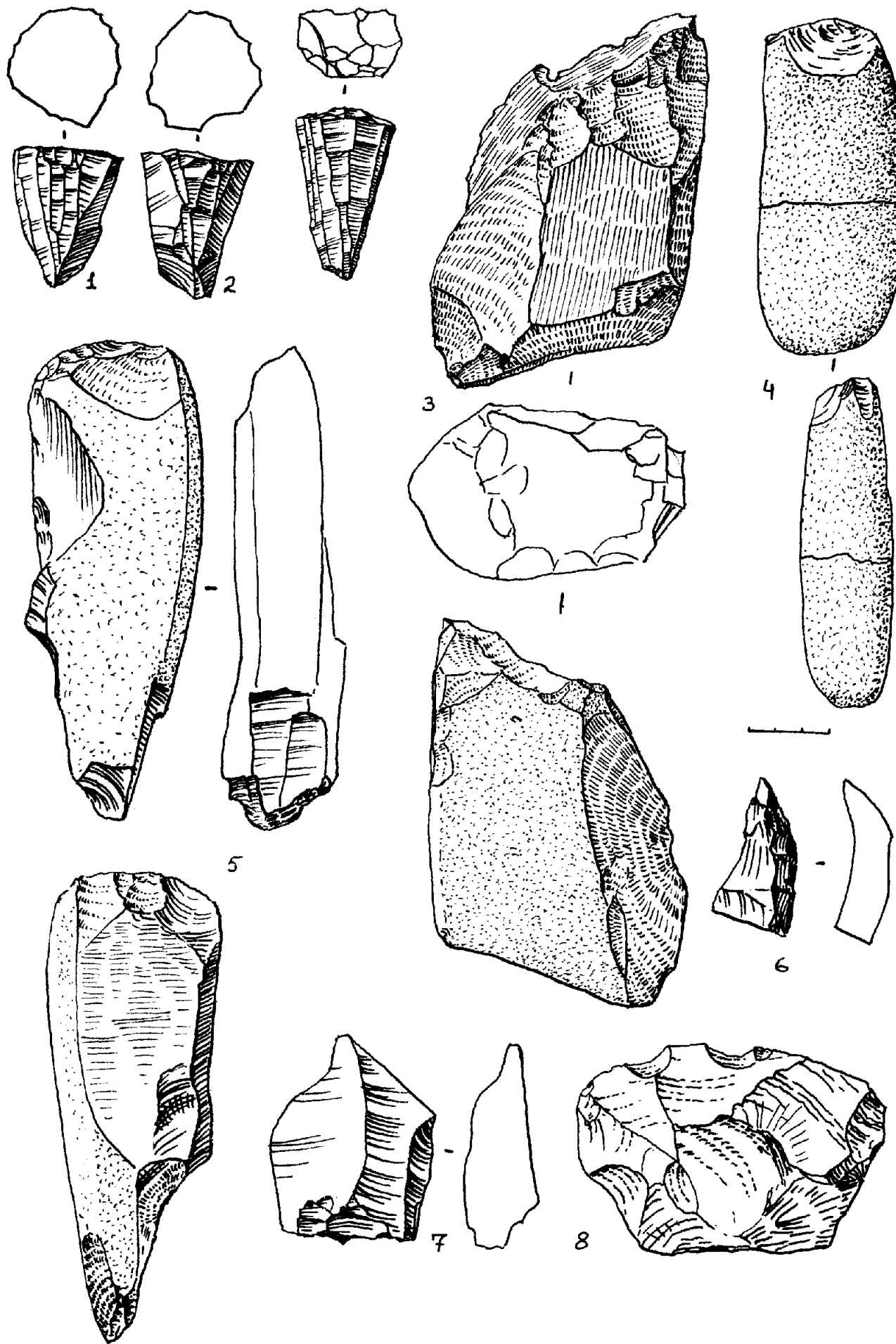

Рис. 7. Усть-Васиха 2. Техника расщепления: нуклеусы (1–3); отбойники (4, 5); сколы (6–8)

**Геологические доказательства
местного происхождения каменного
материала из археологических
памятников северо-западных
предгорий Алтая**

Целью данных заметок является привлечение внимания археологов к необходимости использования достижений геологических наук для решения археологических проблем. Целесообразность этого определяется, прежде всего, недостаточностью приводимых обычно характеристик материала каменных изделий, для которых все еще в подавляющей массе исследований орудия представляются преимущественно как выполненные из «кремней» и «яшмы». Петрография – раздел геологических наук, занимающийся изучением состава и структур горных пород, ограничивает термин «кремень» агрегатами кристаллического и аморфного кремнезема. Кремни обычно образуют желваки и конкреции (стяжения, формирующиеся за счет роста минеральной фазы от центра кристаллизации к периферии). Таким образом, использование в археологии термина «кремневые» для характеристики состава каменных орудий является понятием существенно расширенным. Еще более неопределенно в археологии (да и не только в ней) использование термина яшма. С генетической точки зрения, предполагаемой теоретической геологией, яшма – это «...осадочная кремнистая п. (порода. – Б.Л.), твердая (тв. 7), непрозрачная, обладающая раковистым изломом, пестрая, полосчатая или пятнистая, сложенная криптокристаллическим кварцем, иногда с примесью халцедона, окрашенная, преимущественно окислами Fe и Mn, в различные цвета: преобладают разл. оттенки красного, желтого, иногда коричневого и зеленого цвета» [66, с. 448]. Однако тем же термином «яшма» пользуются в прикладной геологии (камнерезном деле) для обозначения существенно кремнистых очень тонких и плотных пород различного структурного рисунка, цветов и тоналностей, которые трудно, но исключительно хорошо полируются и поэтому широко используются для изготовления художественных поделок и облицовки зданий. В этом случае под названием «яшмы» наиболее распространены не осадочные, а

вулканические породы, преимущественно излившиеся на поверхность Земли в виде быстро раскристаллизованных лав. В том и другом случаях минеральной основой кремней и яшм является кремнезем, самое твердое из чрезвычайно широко распространенных минеральных соединений – различных модификаций кварца (минерала состава SiO_2).

Естественно, изготовление каменных орудий не ограничивалось лишь использованием кремней и яшм, но, вероятно, не будет большим преувеличением утверждать, что камнями, вовлеченными в обиход как орудия труда, в большинстве своем являются кварцсодержащие горные породы с очень широким диапазоном их петрографического состава. А, следовательно, для каждого места поселений древнего человека должны быть свои специфичные наборы твердых минеральных образований, которые и использовались в качестве орудий труда в данной местности.

С точки зрения развития исторических связей, заимствования материалов и способов изготовления каменных орудий значительный интерес представляет проблема возможностей и путей миграции. Ответ на этот вопрос может быть получен лишь при сравнительном изучении состава и структурных особенностей материала каменных изделий с составом горных пород, развитых в той или иной местности. А для этого уже нельзя ограничиться примерным определением типа используемых для этих целей пород, а необходима их более точная и современная диагностика, возможность которой определяется систематикой пород согласно петрографической номенклатуре.

Так как наиболее распространенные горные породы представляют собой закономерные сообщества минеральных агрегатов определенного состава, которые известны в самых различных регионах Земли, для более достоверного сравнения ассоциаций следует не просто удовлетвориться их систематикой, но и проанализировать соотношения различных типовых горных пород в данных конкретных сериях, отражающих закономерные природные сообщества, которые характерны для определенных генетических и парагенетических связей. Иначе говоря, следует иметь в виду те породные ассоциации, которые носят название геологических формаций, распространение которых определяется более общими петрологическими законами.

Наконец, при изучении состава каменных орудий достаточно внимания должно быть уделено признакам вторичного изменения состава исходных пород, отражающих их геологическую историю: ту последователь-

ность преобразования состава, которая зависит от последующего прогрева изначальных пород при внедрении глубинных магм в виде интрузий; от тектонических напряжений, свойственным соответствующим структурам земной коры для каждого данного региона; от воздействия гидротермальных растворов, приводящих к последующему минералообразованию в виде характерных вкраплений, секущих прожилков, жил и т.п.

Следовательно, использование данных петрографии может иметь решающее значение для обоснованного заключения об источниках местонахождений каменного материала, используемого общиной данной древней стоянки.

Типы пород изученных образцов

	Всего	Кислые вулкани-ты (эффу-зины и туфы)	Гранит-порфиры	Фельзиты	Диабазы	Метаморфические сланцы и роговики	Кварц жильный	Халцедон
Кол-во, экз.	89	55	3	2	1	4	14	10
Относительное распространение, %	100	61,8	3,4	2,3	1,1	4,5	15,7	11,2

Наиболее широко представлены в отщепках кислые (кремнистые $-\text{SiO}_2 > 63\%$) вулканиды, составленные эффузивами – излившимися на поверхность в виде лавы порфировыми образованиями, и туфами – кластическими породами, представляющим собой прочно сцементированными в результате литогенеза вулканическими выбросами бомб, песка и пепла, в целом аналогичного кислым эффузивам состава. Те и другие достаточно тонко-, хотя и неравномернозернистые, плотные и твердые породы. Среди порфиров, отличающихся наличием кристаллических вкраплеников кварца и полевого шпата, преобладают кварцевые и кварцевополевошпатовые порфиры (риолиты и дациты). При этом из полевых шпатов доминируют существенно натровые разновидности (альбит), при обычно резко подчиненных количествах калиевого полевого шпата. Туфы характеризуются обилием неправильных обломков кристаллических фаз и агрегатов.

Отмечаются неправильно-полосчатые, линзовидно-полосчатые текстуры, с элементами следов течения, а также более однородные породы. Преобладают светлоокрашенные до темно-серых, иногда с розовым и красноватым оттенками. Но встречаются яш-

Переданная нам для изучения коллекция отщепов в количестве 89 шт. (сборы А.А. Тишкина и А.В. Онникова на поселении Рубцовское) из выявленных археологических памятников северо-западных предгорий Алтая характеризуется весьма значительным петрографическим разнообразием. Несмотря на возможные неточности идентификации при визуальном определении пород под биноклем, особенно с учетом мелких размеров изделий (в основном не более 1,5–2 см в наибольшем поперечнике), соотношение установленных типов пород достаточно достоверно и может быть представлено в виде следующей таблицы:

мовидные образцы красновато-коричневого, красно-желтого, темно-красного, кремово-коричневого и зеленовато-серого цветов.

Гранит-порфиры отличаются значительно лучшей окристаллизованностью и повышенной зернистостью и, по всей вероятности, относятся к субвулканическим образованиям, раскристаллизовавшимся из кислой магмы на приповерхностных уровнях. В ряде случаев встречались и образцы промежуточного типа (переходные от субвулканических к вулканическим).

К фельзитам (стекловидным магматическим породам кислого же состава) принадлежат красноцветные образцы сферолитовой структуры.

И лишь в единственном случае был установлен коричневатозеленый диабаз, относящийся к основным магматическим породам (с количеством кремнекислоты – SiO_2 — 52–57%).

Вероятно, в последних случаях мы имеем дело с породами, слагающими дайковые (трещинно-жильные) тела, характеризующиеся небольшими мощностями (до первых метров) и значительной протяженностью (первые сотни метров) по простиранию и падению. Так же незначительно, как дайки, среди пород отщепов представлены метаморфические сланцы (интенсивно измененные и окварцованные породы сланцевато-плитчатой текстуры) и роговики, образующиеся в резуль-

тате обжига и перекристаллизации преимущественно первично осадочных пород вблизи контактов их с внедрившимися магматическими массами.

Большую долю отщепов (около 27%) представляют минеральные образования кварца (SiO_2), явно или скрыто кристаллического (халцедон) строения.

Собственно кварцевые отщепы являются сколами тонко-мелкозернистых гидротермальных кварцевых жил, среди которых преобладают молочно-белые и светло-серые разновидности. Помимо практически мономинеральных сколов, жильный кварц в виде тонких субпараллельных, ветвящихся и разноориентированных (штокверковых) прожилков и просечек широко представлен в охарактеризованных выше породах. В отдельных образцах иногда присутствуют контакты кварцевых жил и прожилков с вулканическими вмещающими породами; порой режущие края отщепов отвечают более крупным прожилкам или густонасыщенным ими участкам.

Несомненно, существуют переходы от сколов мелко-тонкозернистого кварца к халцедоноподобным агрегатам, но для ряда образцов халцедонов характерна резко отличная от жильной морфология. На отдельных фрагментах их поверхности обнаруживаются примазки глинистых продуктов изменения, наблюдаются тонкоячеистые внешние сферы и некоторые другие особенности структуры, свидетельствующие о принадлежности халцедоновых агрегатов к желвакам и неправильным по форме полостным образованиям, не свойственным линейным кварцевожильным обособлениям.

Признаки следов воздействия процессов выветривания характерны в ряде случаев и для других упомянутых пород. Их преобразование под влиянием экзогенных факторов (поверхностных температур, низких давлений, окислительного действия атмосферных агентов) ведет к появлению глинистых продуктов выветривания. В результате иногда возникает тонкая (0,2–0,3 мм) «рубашка» окисления. В одном случае отмечено присутствие бурого внешнего периферического ободка на коричневатом-зеленом ядре из диабазы. В отщепках вулканитов фиксируются отдельные плоскости, покрытые черными пленками типа «лака загара».

Таким образом, состав каменных изделий отличается не только определенным петрографическим разнообразием, но и разной степенью изменения исходных пород, включая метаморфные и гидротермальные эндогенные

преобразования, а также и следы вторичных экзогенных изменений.

Определив основные особенности и разнообразие состава отщепов, для выяснения возможных источников каменного сырья исследуемых поделок следует провести сравнение представленных в них пород с породами, обнажающимися на поверхности в рассматриваемом районе. С этой целью нами использована мелкомасштабная геологическая карта территории нахождения археологических памятников, модифицированная в литолого-петрографическую карту, на которой с соответствующей детальностью отражен состав выходящих на поверхность геологических комплексов (см. рис. 1).

Отметим прежде всего, что представленная на карте площадь отвечает зоне перехода от горных сооружений Алтая (на юго-восток) к равнине. В соответствии с этим степень обнаженности монолитных плотных коренных пород резко ослабевает в северо-западном направлении, где они перекрываются мощным чехлом рыхлых песчаных, суглинистых и глинистых отложений. Следовательно, набор плотных твердых пород, необходимых для каменных поделок, наиболее разнообразен и обширен на юго-востоке и практически вовсе отсутствует на крайнем западе, северо-западе и севере. И, действительно, археологические памятники, расположенные на юго-востоке, содержат большой ассортимент каменного материала, который резко обедняется при удалении от этого района. Причем на «закрытых» наносами площадях преимущественным развитием пользуются выходы более устойчивых коренных пород, которые относительно слабо поддаются выветриванию.

На представленной геологической карте хорошо видно, что преобладающие выходы коренных пород представлены здесь гранитоидами, вулканитами и осадочно-метаморфическими породами (относимыми к нижнему палеозою). Но гранитоиды, как глубинные магматические породы средне-крупнозернистого строения, легко дезинтегрируются при разрушении в процессе выветривания, превращаясь обычно в дресву. Так что их использование в качестве каменных орудий почти полностью исключено (или крайне ограничено). Осадочно-метаморфический комплекс пород, за редким исключением, из-за относительно малой плотности, не монолитности и в целом пониженной твердости также не представляет в этом отношении какого-то особого интереса. Так что основным источником каменного материала, который мог быть приспособлен для изго-

товления разнообразных орудий труда, как раз и являются поля вулканогенных пород кислого состава, очень широко распространенные в этом районе. Из значительно более локальных потенциальных источников следует, вероятно, упомянуть существенно более мелкие по масштабам выходы субвулканических порфиров, возможность использования которых для указанных целей, правда, заметно ограничена лишь особыми условиями распространения наиболее плотных и тонкозернистых разновидностей преимущественно контактовыми фациями этих интрузий; и отдельные выступы даек кислого и еще менее средне-основного состава. Последние на карте не отражены из-за несоизмерности их масштаба с масштабом изображения, но достаточно широко развиты в районе (хотя и несоизмеримо с распространенностью самих вулканогенных пород).

Очевидно, что набор петрографических типов пород отщепов отвечает наиболее распространенным обнажающимся в районе типам вулканических пород. Преобладают кислые разновидности, составляющие для данного района более 85 (75)% объема пород эффузивных толщ. Обращает на себя внимание достаточно широкое развитие декоративных ящм, что является характерной отличительной особенностью вулканических толщ Алтая. Ведь именно из этого региона, включающего и указанную территорию, происходят имеющие всемирную известность декоративные ящмы. Именно этот район (и провинция в целом) характеризуется широчайшим развитием альбитизированных (существенно натровых) кислых пород. Именно здесь указанные вулканогенные породы часто гидротермально изменены, включая широко проявленное окварцевание, серицитизацию и иные преобразования. Поэтому по набору характерных петрографических типов пород, по их соотношению (с учетом развития твердых, плотных и вязких их разновидностей) и по характеру эндогенных изменений образцы отщепов обладают широкой аналогией с обнажающимися в районе породными комплексами.

Для того, чтобы оттенить правомерность и значимость этого вывода, представляется целесообразным привести очень краткие сведения по «Ушлепскому» району археологических памятников. Речь идет о северо-восточном Алтае, о южном подножии водораздельного низкогорного хребта Бийская Грива. Геологическое строение этого района определено широким развитием кварцитов верхнего протерозоя — доминирующих здесь устойчивых, прочных и очень твердых по-

род, находящихся в тесной генетической ассоциации с интенсивно разрушающимися в поверхностных условиях известняками. Лишь эти два основных типа пород составляют здесь не менее 90% объема пород фундамента, в той или иной степени перекрытых рыхлыми поздними осадками. И почти все каменные орудия из археологических находок (коллекция М.М. Маркина) представлены здесь аналогичными по составу, структурным особенностям и цветовой гамме кварцитами (осадочными и метасоматическими породами, состоящими из мелких и тонких зерен кварца). Зависимость состава археологических орудий труда и обнажающихся в районе пород и в том, и в другом случаях исключительно показательна.

В ряде мест района северо-западных предгорий Алтая установлено наличие мезозойских кор выветривания, более отчетливо проявленных в западинах, соответствующих ослабленным тектоническим (разломным и трещинным) зонам. При геологическом изучении кор выветривания на отдельных участках были выявлены желваково-прожилковые включения халцедонов. Поэтому, очевидно, халцедоновые отщепы могут быть обязаны своим появлением подобным местным геологическим обстановкам.

Вообще, наличие зон разломов и интенсивной трещиноватости создает благоприятные условия для образования угловатых обломков твердых пород, которые затем могут быть легко отделены от более монолитных масс коренных пород. Причем при разрыве тектонических напряжений характер и морфология обломков во многом определяются вязкостью и хрупкостью деформируемых пород. Чем тоньше структура породы и чем она однороднее, тем больше вероятность образования оскольчатых изломов, в том числе и обладающих острыми окончаниями, при дополнительной несложной обработке которых легко получают режущие кромки. Для очень тонких и изотропных пород повышенной вязкости, кроме того, весьма специфичны раковистые или близкие к ним изломы, также часто сопровождающиеся острыми ограничениями.

Морфологическое изучение отщепов северо-западных предгорий Алтая, и, еще более, — каменных орудий ушлепских раскопок показывает не только местный характер материала поделок, но и позволяет утверждать, что для их изготовления образцы отбирались не путем откола кусочков породы от монолитных выступов коренных пород, а использовались (во всяком случае преимущественно) их естественные обломки. Так, на

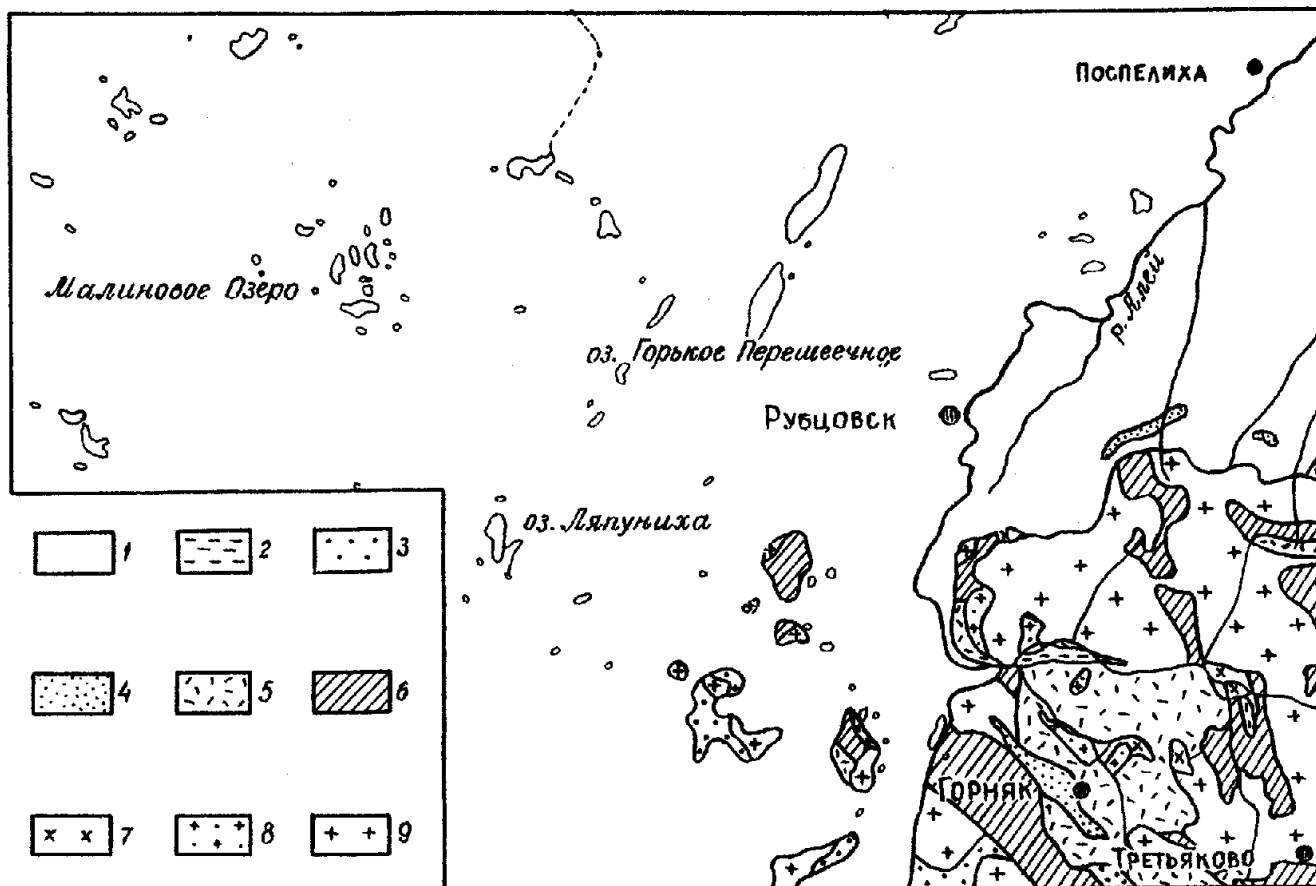
упомянутых памятниках северо-восточного Алтая подавляющее большинство каменных изделий представляет собой дополнительно обработанные гальки пород, т.е. для их изготовления использовались округлые, в результате водной транспортировки, обломки пород, которые или были расколоты при естественном их перемещении от ударов друг об друга, или обладали системами трещиноватости, по которым их сравнительно легко было разбить. То, что происходило частое столкновение галек при их перекачивании в водных потоках, наглядно выражается в наличии на поверхности наиболее однородных и тонких по структуре галек микрокварцитов различных фрагментов комбинаций концентрических и радиальных трещинок, присутствующих лишь внешней оболочке галек, но не проникающих в их глубь. Следовательно, материал каменных изделий был не только местным, но и доставленным в ближайшие окрестности стоянок преимущественно водными потоками, теми, на которых и проживал человек. Это позволяло изготавливать соответствующие каменные орудия с самыми минимальными затратами труда.

В других случаях в качестве исходного для поделок каменного материала использовались обломки пород из тектонических зон, о чем нередко свидетельствует наличие плос-

костей изделий со следами выветривания. В-третьих, использовались и обломки, и стяжения кремнистого материала из рыхлых зон коры выветривания, которые легко высвобождались. Наконец, для мелких изделий использовалась щебенка, нередко выступающая в условиях предгорий у неглубоко погребенных выходов коренных пород, в частности, у кротовин и нор лесостепных животных.

В общем, нет никаких оснований считать, что первобытный человек ориентировался на те особенности состава и структуры породы, которые могли бы классифицироваться сейчас как петрографические. Выбор и отбор их, вероятнее всего, осуществлялся по физическим свойствам подобранных образцов: по их твердости, хрупкости, наличию благоприятных для изделий систем трещиноватости, выявлению и опробованию режущих кромок и т.п.

Изложенное выше позволяет настоятельно рекомендовать для повышения достоверности выводов о местном (или чуждом) источнике каменного материала для изготовления орудий труда проводить их специальное геологическое изучение примерно по аналогичной с предложенной в данной статье программе.

Геологическая (литолого-петрографическая) карта северо-западных предгорий Алтая (м-б 1:1000000):

- 1 — рыхлые осадки неоген-четвертичного возраста;
- 2 — разномерные осадки, местами угленосные, ниже — среднеюрского возраста;
- 3 — равномерные осадки верхнего девона — нижнего карбона;
- 4 — известняки и разномерные осадки турнейского яруса каменноугольной системы;
- 5 — существенно вулканогенные и вулканогенно-осадочные отложения девона;
- 6 — сланцы, песчаники, алевриты, гравелиты, мраморы нижнего палеозоя;
- 7-9 — интрузивные породы: 7 — диоритового, 8 — гранит-порфирового, 9 — гранит-гранодиоритового состава.

Керамический комплекс эпохи ранней бронзы с поселения Боровое III

За последние два десятилетия сотрудниками лаборатории археологии при АГУ на территории Верхнего Приобья открыто и исследовано большое количество памятников (поселений, могильников), относящихся к эпохе ранней бронзы, однако публикация и осмысление накопленного материала остается на уровне начала 80-х гг. В связи с этим первоочередной задачей является оперативное введение в научный оборот археологического материала из раскопок прежних лет.

Многослойное поселение Боровое III находится в Бийском районе Алтайского края в 0,5 км к юго-востоку от одноименного села на широком мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Бия (рис. 1). Поселение открыто сотрудниками Бийского музея в 30-х гг. Обследовано в 60-х гг. Б.Х. Кадиковым, в 1981 г. — А.Л. Кунгуровым. В 1986 г. М.Т. Абдулганеевым вскрыто 100 кв.м площади, а в 1988 г. А.Л. Кунгуров исследовал оставшуюся площадь (около 500 кв.м) [153, с. 8].

Культурный слой поселения мощностью до 0,4 м во многих местах нарушен современными карьерами и ямами, поэтому сделать какие-либо стратиграфические наблюдения не удалось. Из большого количества археологического материала типологически хорошо вычлняются несколько хронологических комплексов. К раннему железному веку относятся керамика, возможно, каменный пест, обломки зернотерок, а также остатки бронзолитейных мастерских. Единично представлены фрагменты керамики бронзового века — андроновской и ирменской культур.

Наиболее ранний комплекс представлен материалами эпохи ранней бронзы, к которому относится частично разрушенный оврагом котлован жилища, в заполнении которого найдена керамика этого времени, и, вероятно, несколько ям.

Керамический комплекс представлен 668 фрагментами. Анализ венчиков (56 экз.), стенок (507 экз.), днищ и придонных частей (105 экз.) показал, что в данной коллекции представлены фрагменты не менее чем 93-х сосудов. Большинство из них имеют темно-

серый, серый реже черный и желтый цвет. В качестве отощителя использовался песок, толченый камень. Отличительной особенностью является наличие в тесте большинства изделий фрагментов слюды. Все сосуды плоскодонные, баночной формы. На внутренней поверхности фрагментов фиксируются следы заглаживания щепой, травой или гребенкой. В некоторых случаях характерные следы заглаживания на внешней поверхности сосуда являлись фоном, на который наносился орнамент. Стенки сосуда полностью орнаментировались.

Для того, чтобы дать наиболее полную характеристику технике нанесения орнамента, была проведена статистическая обработка керамического материала. За 100% было взято общее количество фрагментов от разных сосудов — 93 экз.

Преобладающей техникой нанесения орнамента является шагание с элементами протаскивания — 21,5%, выполненное зубчатым инструментом (рис. 2–3, 6, 8, 11, 12; 3–8, 13, 16). Наиболее четко читаются оттиски от 2–3-х верхних зубцов, отпечатки середины гребенки представляют собой сплошные линии (диагностический показатель данной техники [71, с. 67]).

Шагание без протаскивания (15,05%) характеризуется четкими оттисками всего рабочего края инструмента (рис. 3–1). Различие в орнаментах объясняется шириной шага гребенки при движении; характером постановки орнамента (вертикальный, наклонный); особенностью рабочего лезвия инструмента (количество, размер, форма зубцов); соотношением орнаментальных рядов (наложение последующего ряда на предыдущий, точная состыковка рядов, наличие неорнаментированной зоны между рядами оттисков).

Следующая по распространению техника нанесения орнамента — штампование зубчатым инструментом — 15,05%. Гребенчатые вдавления наносились горизонтальными наклонными рядами (рис. 4–3; 6–5; 3–6). Фрагменты от одного сосуда украшены «елочкой» инструментом с частыми и острыми зубцами (рис. 3–4). Отмечены два случая сочетания техник штампования гребенкой и протаскивания (прочерчивание) палочки (рис. 4–1). На одном фрагменте ряды гребенчатых штампов были разбиты линиями, выполненными прочерченной палочкой, в результате чего орнамент имел вид «сот» с оттисками гребенчатого штампа внутри каждой фигуры (рис. 6–2). Судя по отдельным фрагментам, гребенчатые вдавления иногда

составляли геометрические фигуры (рис. 3-11; 6-3).

Шагание с прокатыванием, выполненное зубчатым орнаментом, составляет 7,52% (рис. 3-3, 7, 15). Прокатывание становилось возможным при выгнутом рабочем лезвии инструмента. Степень выгнутости и размер лезвия определяют особенности оттисков.

Отступающе-накольчатая техника (протаскивание с накальчиванием), выполненная палочкой (рис. 5-1, 3, 7) или лопаточкой, рабочее лезвие которой имело подчетырехугольную форму (рис. 2-2) — 6,5%. Различия в орнаменте, выполненном в такой технике, определяется не только формой рабочего края инструмента, но и тем, на чем делался акцент в процессе движения орнамента по поверхности сосуда: на протаскивании (рис. 2-2; 3-14; 5-3) или на накальчивании (рис. 5-1).

Фрагменты, украшенные орнаментом с гладким рабочим лезвием в технике шагания с прокатыванием («гладкая качалка»), составляют 5,37% (рис. 6-7, 8).

Из остальной техники орнаментации следует отметить: прочерчивание — 5,37% (рис. 4-1; 5-6; 6-2); насечки — 4,3% (рис. 6-17); отступающе-накольчатая техника, выполненная зубчатым инструментом («отступающая гребенка») — 2,15% (рис. 6-1); прокатывание зубчатого инструмента с выгнутым рабочим лезвием — 2,15% (рис. 2-4; 5-2, 5). На фрагментах от двух сосудов единственным украшением являются следы заглаживания щепой или гребенкой — 2,15% (рис. 5-4). Зафиксирована техника шагания, выполненная челюстью (?) какого-то животного — 1,07% (рис. 2-7; 4-2). Фрагменты от 11 сосудов неорнаментированы (11,82%). На 4-х фрагментах зафиксирован валик. В одном случае внешняя грань венчика была сформирована в виде валика (рис. 6-9). На остальных фрагментах он располагался под венчиком (рис. 6-10). Волнистый валик присутствовал на двух фрагментах (рис. 2-2). В трех случаях валик был украшен оттисками гребенчатого штампа (рис. 6-9, 10).

Просмотр венчиков показал, что 51 из них был прямой, и только у 5 края отгибались наружу (рис. 2-9, 10; 6-14). Срез украшен у 37 венчиков (67,86%).

Преобладающая техника орнаментации — гребенчатый штамп (41,07%). Из них 25% имели оттиски гребенчатого штампа на внешней грани среза венчика (рис. 2-3, 9-12; 3-3, 15, 16; 6-1); у 14,29% фрагментов была украшена горизонтальная плоскость среза венчика (рис. 2-4; 3-1, 13; 4-3; 5-7); у

1,78% — внутренняя грань среза венчика (рис. 3-6), инструмент имел от 2 до 7 зубцов.

Пальце-ногтевые оттиски составляют 10,72%, среди них выделяются сдавливания среза венчика (рис. 3-17) и вдавливания (рис. 3-4, 10; 6-6). Насечки присутствуют только на внутренней грани среза венчика — 5,37% (рис. 5-6; 6-13, 15). Ямочными вдавливаниями было украшено 5,36% венчиков (рис. 6-11). Срез венчика от двух сосудов (8,56%) был орнаментирован периодически вдавливаниями инструмента с гладким рабочим лезвием (рис. 6-16, 17). Один из фрагментов был украшен сочетанием двух техник орнаментации. Гребенчатые вдавливания проходили по внешней грани венчика, а по внутренней — насечки, оттиски гребенки и насечки располагались в шахматном порядке — 1,78% (рис. 2-8).

Форма среза венчика в большинстве случаев определялась отсутствием или наличием на нем орнамента. Венчики с неорнаментированным срезом имели овальный или уплощенный ровный край. Волнистость среза приобреталась в результате его орнаментации.

О композиционном построении орнамента на сосуде можно было судить по крупным фрагментам венчиков. Выделяются два типа композиционного построения.

1. Полностью орнаментированные стенки сосудов горизонтальными рядами оттисков, выполненных одной техникой без разделения на зоны. Чаще всего это ряды оттисков гребенки (рис. 2-3, 6, 12).

2. Сосуды орнаментированные с разделением на зоны. Под венчиком наносились вертикальные (рис. 3-3, 7); наклонные ряды оттисков гребенки, иногда образующие взаимопроникающие треугольники (рис. 2-8, 10, 11; 6-1). На некоторых сосудах зона под венчиком украшалась горизонтальной волной, выполненной в шагающей технике гребенкой (рис. 2-5), в одном случае она наносилась поверх горизонтальных рядов оттисков шагания с протаскиванием зубчатого инструмента, которыми была украшена вся площадь стенки сосуда (рис. 3-8). На другом фрагменте зона под венчиком орнаментирована чередующимися диагональными рядами оттисков шагающего гладкого инструмента с элементами прокатывания (гладкая качалка) и оттисков шагания, выполненных челюстью (?) какого-то животного (рис. 2-7). Иногда под венчиком наносились оттиски гребенчатого штампа (рис. 6-5; 4-16). На одном сосуде зона под венчиком украшалась четырехугольными фигурами, состоящими из двух рядов ямочных наколов (рис. 3-13). По

тулову в большинстве случаев шли горизонтальные ряды оттисков, выполненных гребенчатым инструментом. В некоторых случаях разделителем между зонами были валик (рис. 2-2); пояс ямочных наколов (рис. 3-8); жемчужин (рис. 3-10). Зона под венчиком у одного из сосудов была украшена поясом ямочных вдавлений, нанесенных поверх горизонтальных рядов оттисков «отступающей палочки». Ниже проходил пояс подчетыреугольных «защипов», выполненных пальцами, по тулову шел двойной зигзаг, иногда переходящий в волну, выполненный также в отступающе-накольчатой технике палочкой (рис. 5-7).

Фрагменты керамики, украшенные гребенчатым инструментом в технике шагания, шагания с протаскиванием, шагания с прокатыванием, отступления с накалыванием имеют ближайшие аналогии в керамической посуде из погребений могильников эпохи ранней бронзы (ул. Поселковая в Барнауле [37]; у с. Елунино, Староалейка-II; Цыганкова Сопка II [144]). С данными материалами их сближает не только техника орнамента, но и композиционное построение орнамента на сосудах; наличие валиков; орнаментация среза венчика. Данная группа памятников относится к елунинской археологической культуре (XIX-XVIII-XVI-XV вв. до н.э.).

Необходимо отметить большую близость керамического комплекса Боровое-III с материалами кротовской культуры лесостепного Обь-Иртышья. С данными комплексами их сближает ведущая техника орнамента — шагающая и отступающе-накольчатая гребенка. В керамических комплексах с поселений Преображенка-III, Кротово 7/8, Ордьинское данной техникой орнаментировано — 63,9% стенок сосудов (усредненно по трем памятникам) [260, с. 55]. На кротовской керамике Среднего Прииртышья (Чернозерье IV, VI, Инберень X) 90% композиций выполнено в шагающей технике [313, с. 42]. Такие элементы орнамента как валик [260, табл. XLVIII, 1-2; LI, 1,3; LIII, 1-5], взаимопроникающие треугольники под венчиком [260, табл. LIV, 2; LVI, 1,2], композиционное построение орнамента на некоторых сосудах [260, табл. L, 1; LIII, 1; LVI, 1; LVIII, 7; 313, рис. 1-6,8] на кротовской керамике сближает ее с материалами Борового III. Проблема соотношения елунинских и кротовских памятников требует специального исследования [73, с. 33; 144, с. 121; 147, с. 67].

Фрагменты керамики, украшенные оттисками палочки в отступающе-накольчатой

технике, с поселения Боровое III (рис. 2-2; 5-1,3,7) находят аналогии в керамике из нижних слоев Денисовой пещеры [87, рис. 88, 89]. Их объединяет не только техника орнамента, но и наличие в тесте вкраплений слюды [87, с. 113]. Данную керамику можно отнести к елунинской культуре, так как фрагменты с оттисками палочки в отступающе-накольчатой технике происходят также с однослойного поселения елунинской культуры Березовая Лука [162, с. 48, рис. 1-2, 3, 6].

Интересным представляется развал сосуда, украшенный оттисками зубчатого штампа, по тулову — горизонтальными наклонными рядами, под венчиком — вертикальными рядами (рис. 4-3). Подобный сосуд найден на поселении Аэродромное [153, рис. 5]. Ю.Ф. Кирюшин по различиям в технике орнамента разделяет керамику елунинской культуры на три группы. Основная техника орнамента в последней — печатная гребенка [145, с. 17]. Необходимо отметить, что посуда, украшенная такой техникой, неизвестна в погребениях елунинской культуры, а встречена только на поселениях. К сожалению, результаты исследований Б.Х. Кадикова и Ю.Ф. Кирюшина однослойных поселений елунинской культуры на оз. Иткуль (Коровья Пристань I, II) до настоящего времени не опубликованы, что затрудняет решение вопросов культурной принадлежности этих материалов. Композиционное построение орнамента и наличие валика на сосуде с поселения Аэродромное сближает данную керамику с посудой из погребений могильников Староалейка II и Цыганкова Сопка II [87-4,3; 144, рис. 5-1], ул. Поселковая [37, рис. 13].

Часть керамического комплекса Боровое III значительно отличается от керамики елунинской культуры, для которой нехарактерны насечки, пальце-ногтевые вдавления. Такими элементами характеризуется крохалевский тип керамики [1, с. 119; 2, с. 71; 280, с. 37]. Однако малочисленность и фрагментарность не позволяют отнести данную керамику к какому-либо комплексу.

В заключение необходимо отметить, что вопрос о неоднородности материалов эпохи ранней бронзы на территории Алтая встал сразу после выделения Ю.Ф. Кирюшиным елунинской археологической культуры [143; 144; 145]. М.Т. Абдулганеев на основе анализа керамики с поселения Енисейское, Новенькое 6,7 обозначил три типа керамики отличных от елунинского: сосуды, украшенные оттисками гребенчатого штампа в «елочку» (середина-третья четверть II тыс.

до н.э.); керамика крохалевского типа Новосибирского Приобья (1 пол. II тыс. до н.э.); посуда типа Новенького 6 в С-З предгорьях Алтая, связанная с раннебронзовыми культурами Северного Казахстана [1, с. 125, 128]. Г.Е. Иванов отнес керамику с поселений Миронов Лог-IV и Курейка IIIa к последнему типу и высказал предположение, что эти памятники предшествовали елуинским [104, с. 41]. А.П. Уманский по находкам погребе-

ний Нижняя Суетка, Бураново предположил существование особой археологической культуры эпохи ранней бронзы, которая бы была синхронной самусьской, кротовской и елуинской культурам [343, с. 24; 345, с. 24]. Решение этих вопросов зависит от исследования закрытых погребальных комплексов однослойных поселений эпохи ранней бронзы Алтая.

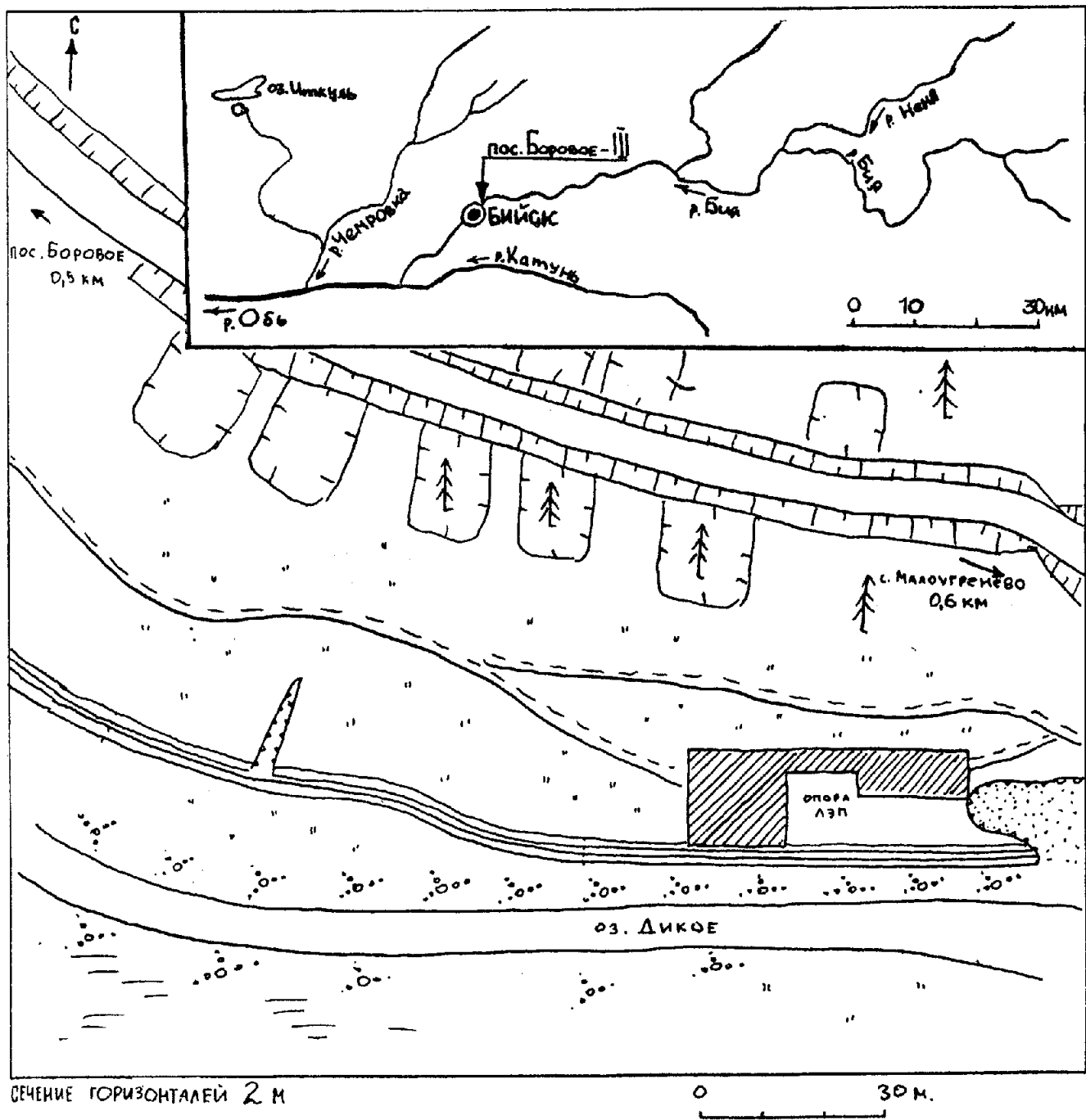

Рис. 1. Поселение Боровое 3

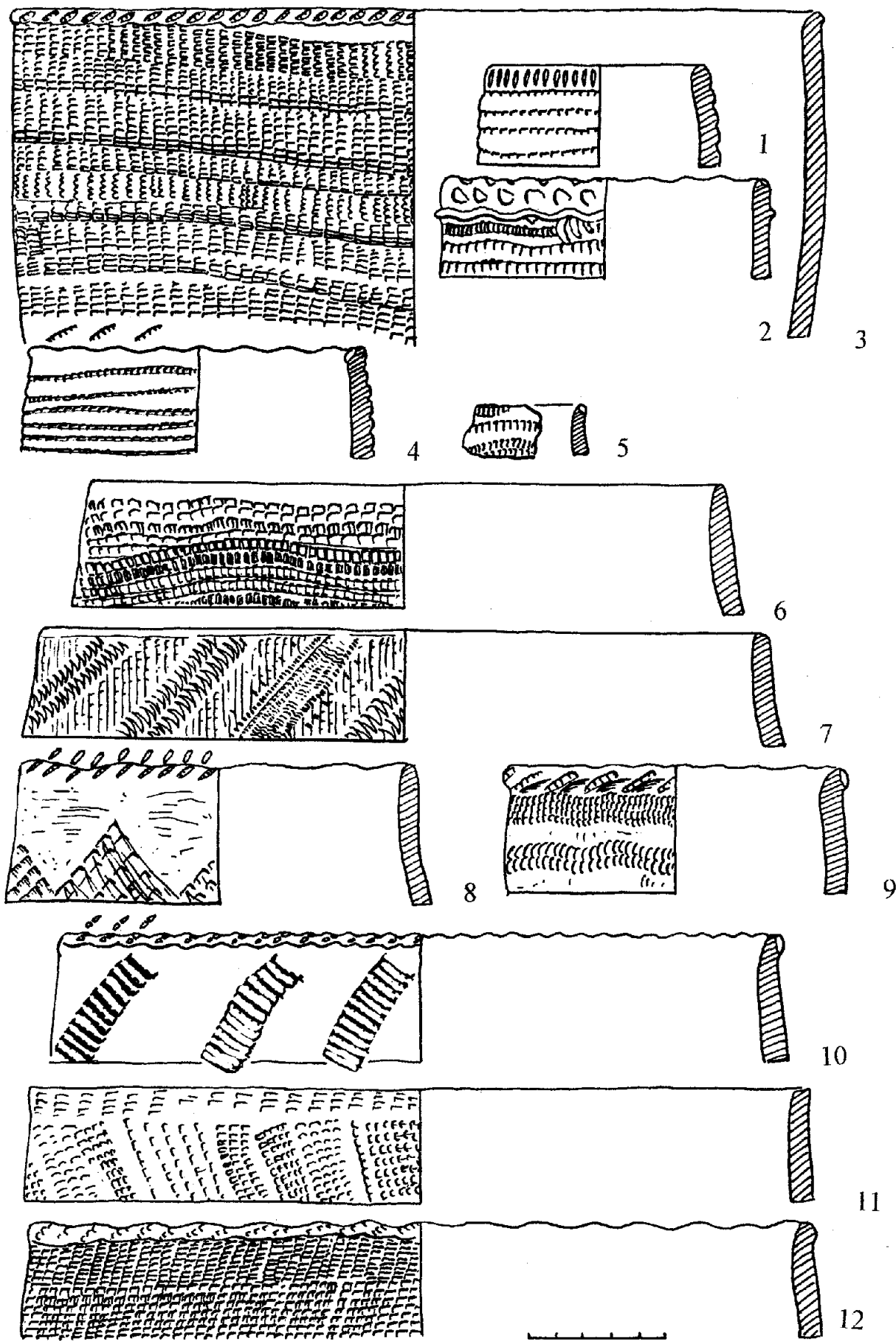

Рис. 2. Реконструкция сосудов эпохи ранней бронзы
с пос. Боровое 3

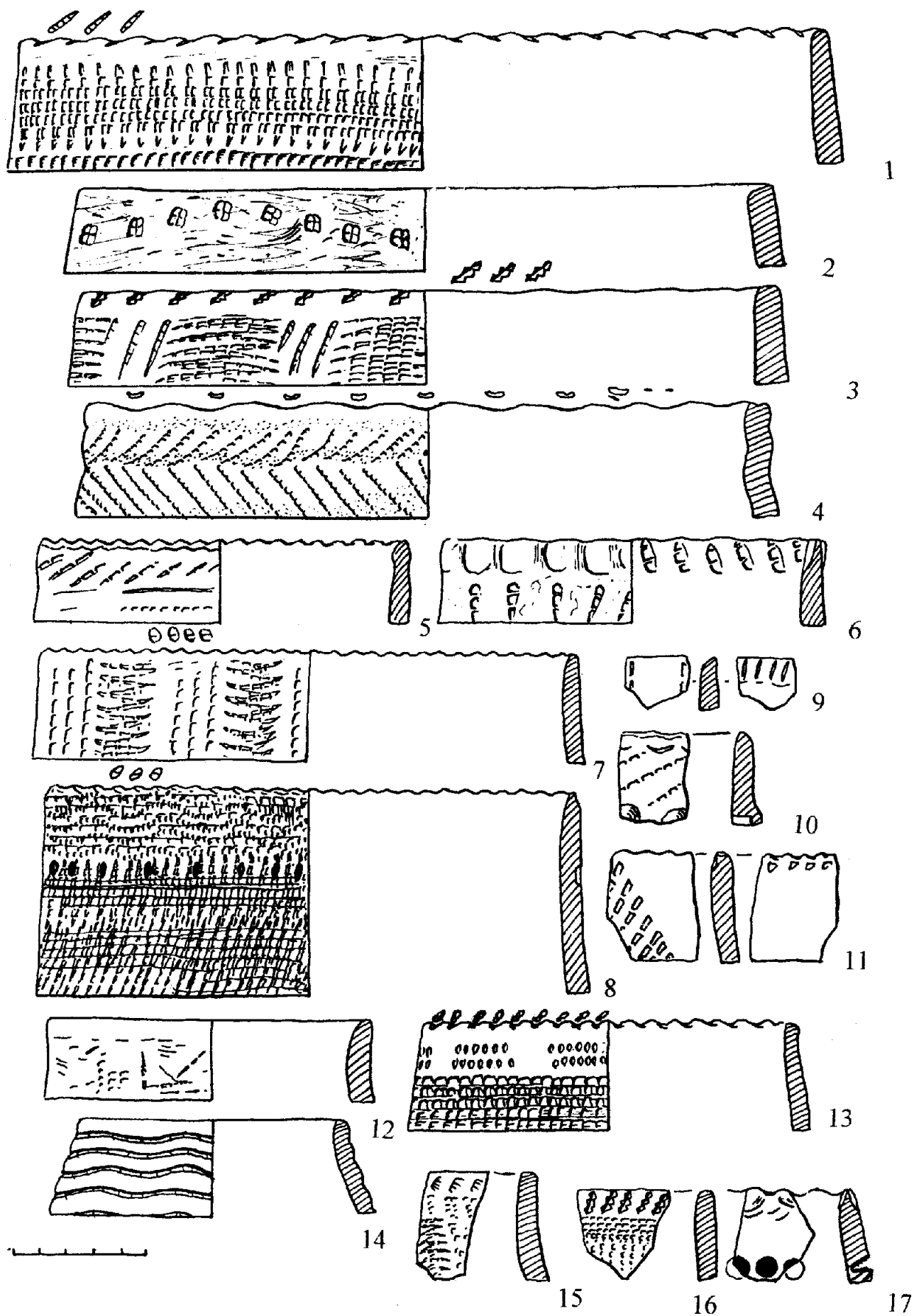
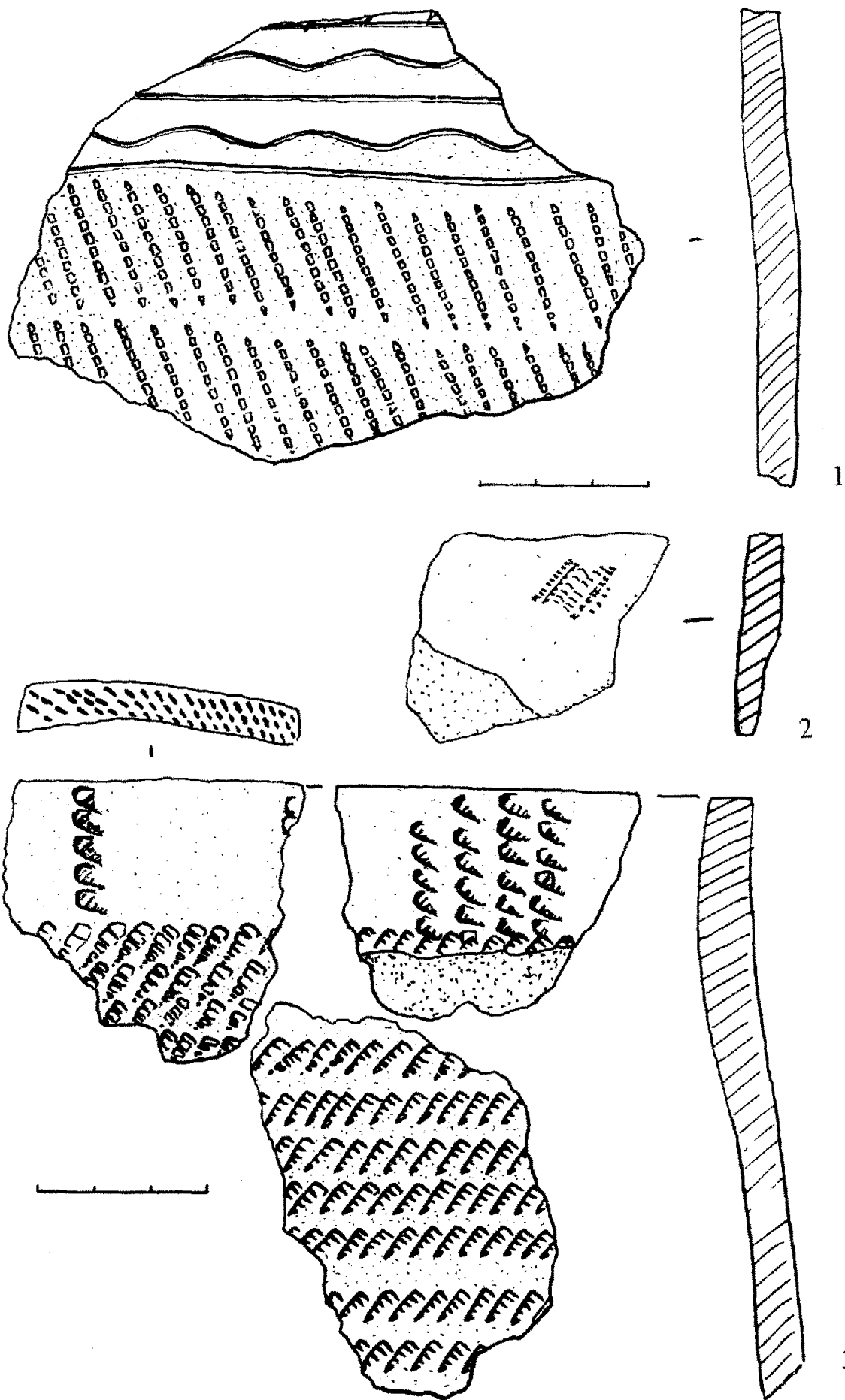

Рис.3. Реконструкция сосудов эпохи ранней бронзы
с пос. Боровое 3

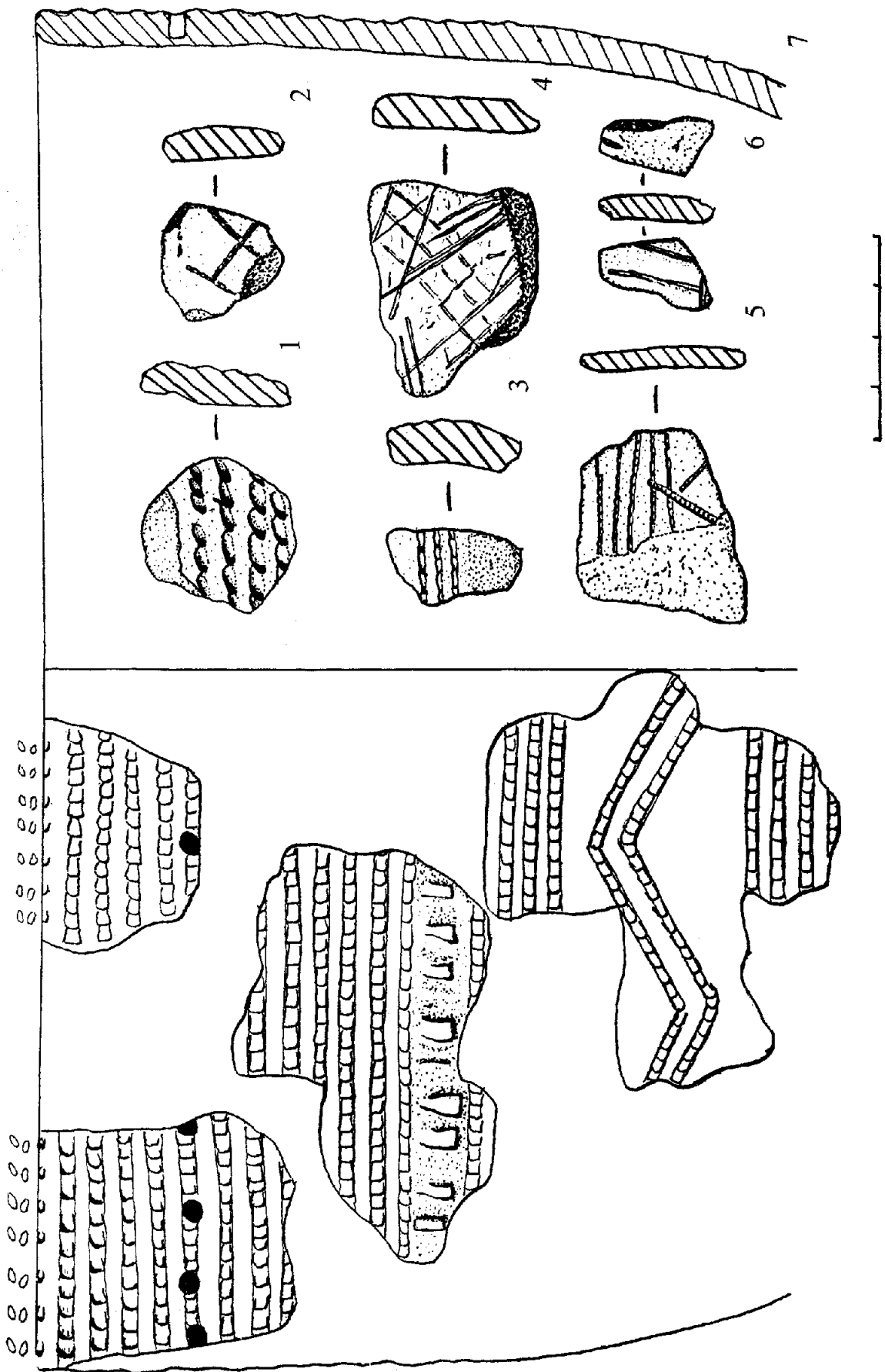

Рис. 5. Керамика эпохи ранней бронзы с пос. Боровое 3

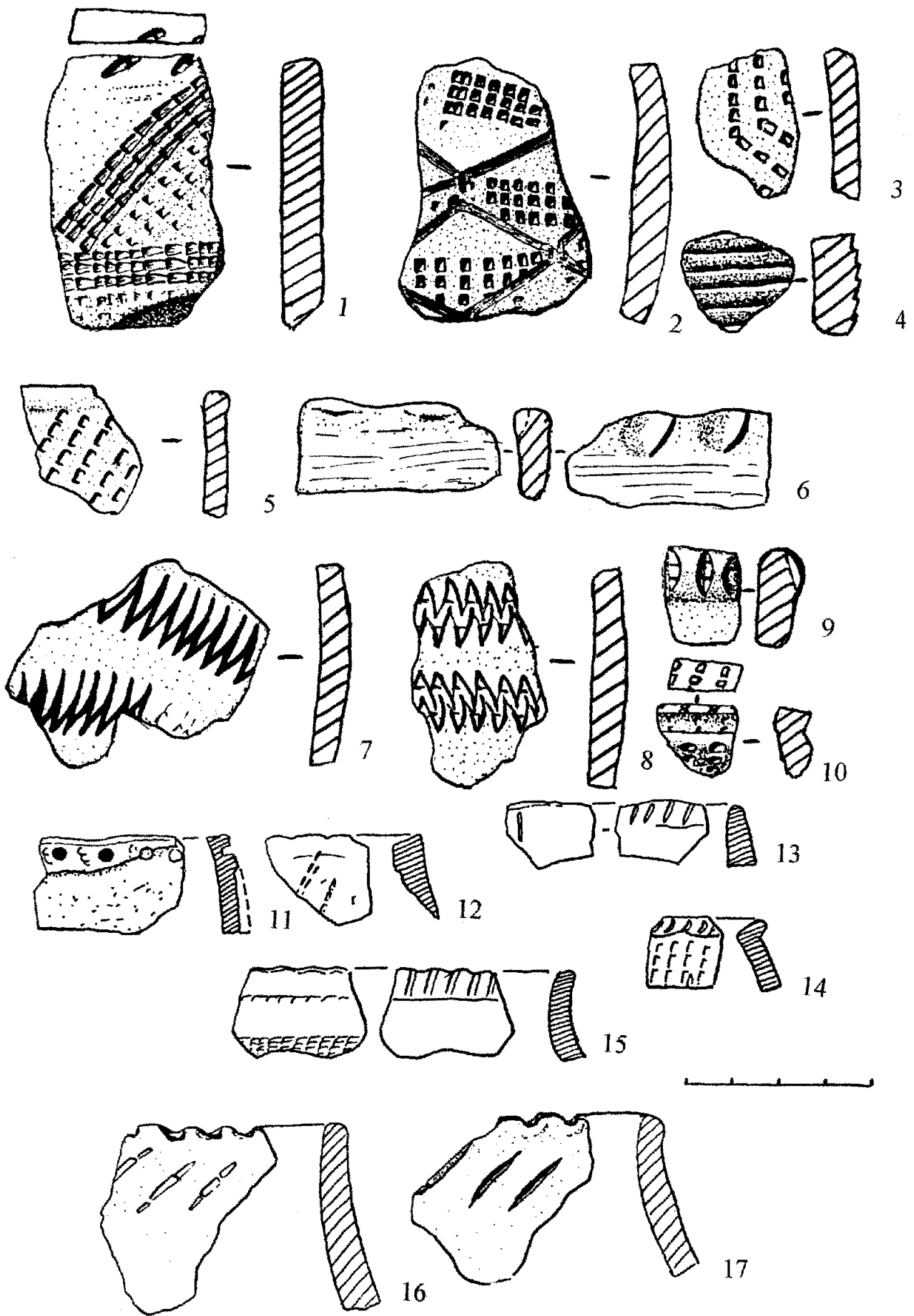

Рис. 6. Керамика эпохи ранней бронзы с пос. Боровое 3

Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1

Поселение Советский Путь-1 расположено в Локтевском районе Алтайского края, в 700 м к северо-востоку от одноименного села, в 60 м севернее совхозного сада, в 250 м ниже по течению р. Алей от устья его левого притока р. Золотушки. Памятник открыт в 1994 г. П.И. Шульгой, С.М. Ситниковым [289, с. 60]. Тогда же было заложено два шурфа, давших материалы андроновской и саргаринско-алексеевской культур.

В 1995 г. автором было начато и в 1996 г. продолжено стационарное исследование памятника. В настоящее время общая вскрытая площадь составляет 172 кв. м.

В ходе работ было встречено большое количество изделий из кости, камня. Есть изделия из глины и бронзы. К сожалению, основная их часть имеет широкий хронологический диапазон. Это костяные проколки, лопаточки (рис. 10-14), трепала, тупики (рис. 9-1,7), фишки (рис. 9-9; 10-8, 9), каменные плитки подпрямоугольной формы со следами стертости (рис. 9-6; 10-2), глиняный стерженек (рис. 9-2), амулет из реза мелкого копытного (рис. 9-5), глиняная фигурка (рис. 10-11) какого-то животного (собаки?), обломок бронзовой проколки (рис. 10-10). Назначение некоторых предметов не вполне понятно (рис. 8-6; 9-3,8; 10-1, 3, 7). Непонятно, к какому времени относятся несколько каменных и глиняных обломков литейных формочек (рис. 10-13).

Полученная в ходе работ керамика (эпохи средней и поздней бронзы) стратиграфически и планиграфически не разделяется. Типологически керамический комплекс делится на две основные группы: андроновскую (федоровскую) и саргаринско-алексеевскую.

Андроновская керамика (рис. 1; 2; 3-1-6) делится на две группы.

Первая группа представлена нарядно-ритуальной посудой (рис. 1-1, 3; 2-1-5, 7; 3-1, 2). Для нее характерными приемами в орнаментации являются геометризм и использование гребенчатого мелкозубчатого штампа. Поверхность сосудов подвергалась лощению. Четко прослеживается зональность в орнаментации, которая как правило подчеркивалась рядами желобков или каннелюр.

Выделяются следующие зоны: венчик, шейка, плечики-тулово, придонная часть.

На венчик наносились заштрихованные треугольники различных модификаций (рис. 1-1, рис. 2-1-4, рис. 3-1,2). Шейка украшалась треугольниками, обращенными вершинами друг к другу, меандрами, зигзагами (рис. 1-1, рис. 2-1-3). Тулово орнаментировалось различными геометрическими фигурами (рис. 1-1, рис. 2-5). Придонная часть украшалась гребенчатой качалкой, треугольниками, каннелюрами (рис. 2-7).

К этой же группе относятся несколько сосудов горшечных форм с более бедной орнаментацией (рис. 1-3, рис. 2-11). Венчик свободен от орнамента, на шейку нанесен ряд каннелюр, тулово в большинстве случаев не орнаментировалось. Найден один фрагмент, на тулово которого нанесена горизонтальная елочка, выполненная среднезубчатым гребенчатым штампом.

Также представляют интерес фрагменты некоторых сосудов с орнаментом, отличающимся от классических федоровских схем. Узор нанесен небрежно, зональность в орнаментации не соблюдена (рис. 2-1).

Вторая группа (хозяйственно-бытовая посуда) по форме делится на две подгруппы: сосуды слабопрофилированных форм (рис. 1-4, 7-9; 2-6; 3-4) и сосуды баночных форм (рис. 1-2, 5, 6; 2-8-10; 3-5, 6).

Керамика этой группы отличается от первой более простой и бедной орнаментацией. В тесте визуально прослеживаются примеси органики и шамота. Наиболее характерным элементом орнамента является вертикальная или горизонтальная елочка, выполненная гребенчатым или гладким штампом (рис. 2-8,9). Довольно часто она покрывала весь сосуд (рис. 1-2, 4).

К часто встречающемуся элементу орнамента можно отнести широкие каннелюры в верхней части (рис. 2-6; 3-3, 4).

Вызывают интерес два сосуда баночных форм, верх которых украшен заштрихованными треугольниками (рис. 1-5). Такой орнамент характерен для нарядно-ритуальной посуды.

Также встречено несколько сосудов, орнаментированных насечками, каннелюрами в сочетании с елочкой (рис. 7-9; 3-4, 5). Имеется один сосуд со сформованным валиком (рис. 1-6).

Таким образом, мы можем констатировать, что имеющаяся у нас керамика сопоставима как с классической андроновской (федоровской), так и с позднефедоровской посудой.

Е.Е. Кузьмина считает, что в позднефедоровское время «горшки более пузаты: максимальное расширение стенок происходит почти на середине высоты, венчик иногда выделен слабо, дно более широкое без поддона». Зональность в орнаментации нарушается, декор более беден. Позднефедоровская керамика датируется XIII–XII вв. до н.э. [184, с. 116].

«Развитие керамики федоровской группы идет по линии упрощения орнаментации, сокращения количества геометрических узоров. Орнамент в подавляющем большинстве наносился резными линиями и насечками. Однако ведущей формой оставался сосуд с плавной профилировкой тулова и широко открытой горловиной. В позднефедоровское время произошло «сближение» керамики поселений и могильников и по характеру орнаментации, и по технологии изготовления» [98, с. 113–114].

«Приблизительно в XIII в. до н.э. в среде сравнительно однородного андроновского населения Алтая происходят существенные изменения. Они нашли свое отражение в дальнейшем развитии и некоторой трансформации керамических традиций... На баночных сосудах, сохраняющих в целом андроновские традиции, существенно изменяются принципы орнаментации. Наряду с традиционным зигзагом значительное место занимают каплевидные насечки, уголок лопапочки, появляется жемчужник, валик» [151, с. 121].

По-видимому, керамика более ранних федоровских памятников будет характеризоваться следующими признаками:

1. Наличием зональности и геометризма в орнаментации посуды первой группы.
2. Широким использованием каннелюр, желобков, елочных узоров на хозяйственно-бытовой посуде.

Керамика таких памятников будет близка к комплексам поселений Бишкуль-4 [98, с. 91–92], Большой Лог-1 [161, с. 42–56] и материалам первого раскопа пос. Переезд [339, с. 74–76].

Позднефедоровские памятники характеризуются следующими признаками:

1. На нарядно-ритуальной посуде теряется зональность в орнаментации, происходит обеднение декора, появляются узоры, характерные для хозяйственно-бытовой посуды.
2. На хозяйственно-бытовой посуде появляются каннелюры с насечками, ямочные вдавления, образующие самостоятельные орнаментальные композиции, валик, жемчужник. Появляются также элементы орнамента, присущие первой группе: треуголь-

ники и т.д. Однако они выполнены небрежно и наносились крупнозубчатым гребенчатым или гладким штампом.

Вполне возможно, что развитие орнаментации на хозяйственно-бытовой посуде шло по схеме: каннелюры – каннелюры с насечками – насечки, вдавления, валик с насечками.

К позднефедоровским следует относить памятники типа Путилова Заимка-2 [98, с. 91–100], поселения на берегу Тамбарского водохранилища [32, с. 17–27], материалы второго раскопа пос. Переезд [339, с. 74–76].

К андроновской культуре относится альчик мелкого копытного животного (рис. 8–10) с нарезанной елочкой и массивное бронзовое тесло (рис. 9–4). Ширина лезвия больше ширины пятки. Тесло было отлито в односторонней формочке, на его поверхности хорошо заметны раковины и неровности, образовавшиеся при усадке металла во время остывания.

Андроновский комплекс следует датировать XV–XIII вв. до н.э.

Саргаринско-алексеевская керамика также составляет весьма многочисленную серию. Черепки серого, реже желтого или красного цвета толщиной 0,7–1,5 мм. Вся посуда плоскодонная.

Формы сосудов разнообразны. Имеющийся на сегодняшний день материал позволяет разделить эту керамику на семь групп.

Первая группа довольно малочисленна. Это сосуды баночных форм иногда с наlepным или сформованным валиком в верхней части (рис. 3–9; 4–4; 5–4). На валик наносились косо поставленные оттиски гладкого штампа, косая сеточка. Тулово иногда украшалось рядами подтреугольных вдавлений. К этой же группе относится сосуд, украшенный пояском косых крестиков в сочетании с жемчужником (рис. 7–1).

Вторая группа самая многочисленная. Она представлена сосудами плавной профилировки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 5–5; 6–1, 6, 8–10). Орнамент либо отсутствует, либо беден. Это ряды горизонтальной гладкой елочки, насечек, наколов, отпечатков гребенчатого штампа.

Третью группу составляют сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком, слегка раздутым туловом и сформованным валиком при переходе от шейки к плечикам (рис. 3–8, 10; 4–3; 5–8). Валик украшался пояском косых крестиков, елочки, оттисками гладкого и гребенчатого штампа. Тулово орнаментировалось редко (рис. 3–10; 4–5).

Четвертая группа по форме близка к третьей (рис. 5-1, 6; 6-7). Валика нет, орнамент, как правило, отсутствует.

Пятую группу составляют сосуды с небольшим отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой, сильно раздутым туловом и наlepным валиком при переходе от шейки к плечикам (рис. 3-7, 12, рис. 4-5-7). Валик украшался оттисками гладкого штампа, ногтевыми вдавлениями и зашипами. Плечики тулова орнаментировались редко (рис. 3-12; 4-5).

Шестая группа — воротничковая посуда (рис. 4-2; 6-11-14). На воротничок наносилась косая сеточка, крестики. Тулово, как правило, не орнаментировалось.

Седьмая группа самая малочисленная. Это остросереберные сосуды с отогнутым наружу венчиком (рис. 5-2). Их форма близка к срубно-алакульской.

Интересной особенностью саргаринско-алексеевской посуды поселения Советский Путь-1 является сравнительно редкое применение в орнаментации ногтевых вдавлений — 3,9%. На поселении Новоильинка (раскопки В.А. Могильникова, А.П. Уманского) ногтевые вдавления занимают 53,44% [346, с. 46]. Чем вызваны эти различия, пока не совсем понятно. Возможно, они имеют хронологический или локальный характер.

В небольшом количестве на поселении встречена бегазы-дандыбаевская керамика (рис. 8-1-3). Это сосуды с прямым венчиком, раздутым туловом и плоским дном. Орнамент наносился мелкозубчатым гребенчатым и волнистым штампом.

Единично в слое попадает станковая керамика.

Появление бегазы-дандыбаевской и станковой керамики, видимо, пока следует рассматривать как результат импорта из север-

ных районов Кулунды. Возможно, эта посуда поступала в обмен на металл.

Культурная принадлежность некоторых фрагментов керамики неясна (рис. 7-3, 7-12).

К эпохе поздней бронзы относятся два костяных навершия (рис. 9-8; 10-4), пуговица с дырочкой в центре (рис. 8-5).

Особый интерес вызывает костяная пуговица полусферической формы, с орнаментом в виде солнца с двенадцатью лепестками (рис. 8-4). В верхней и нижней части пуговицы (в ее центре) имеются точечные углубления от ножки циркуля.

В слое также найдены две пуговковидные бляшки, одна по форме близка к пуговице (рис. 8-9), другая немного отличается (рис. 8-7). Впрочем, последняя, возможно, является недоработанной заготовкой.

Пуговица и бляшки довольно сильно напоминают пуговковидные бронзовые бляшки ирменской культуры. Аналогичные изделия, выполненные из кости, найдены в Центральном Казахстане на поселениях Атасу [119, рис. 76-20], Мыржик [119, рис. 141-2, 4, 10], Кент [44, с. 97, рис. 6-4]. Многие из них орнаментированы.

К эпохе поздней бронзы также относятся каменные лоцила (рис. 10-12), распределитель (рис. 10-6), два обломка пряжки (рис. 8-11).

Материалы эпохи поздней бронзы поселения Советский Путь-1 следует датировать XII (XI)—IX вв. до н.э.

В небольшом количестве на поселении встречена керамика, видимо, относящаяся к переходному времени от бронзы к железу (рис. 4-1А; 5-7, 9, 10; 7-2, 4-6). Это баночные сосуды, украшенные ямками-насечками, жемчужником и жемчужником с насечками. Иногда орнамент отсутствует.

Техника орнаментации керамики пос. Советский Путь-1

Керамика	Андроновская		Саргаринско-алексеевская	
	количество	%	количество	%
Гребенчатая	64	33	44	21,5
Гладкий орнамент	69	35,9	80	38,0
Каннелюры	45	23,2	2	0,97
Желобки	3	1,5	2	0,97
Ямки	1	0,5	7	3,4
Насечки, наколы	11	5,7	24	11,7
Валик сформованный	1	0,5	13	6,3
Валик налечной			17	8,3
Воротничок			4	1,95
Ногтевые оттиски			8	3,90
Нарезка			1	0,48
Налеп			1	0,48
Жемчужник			2	0,97

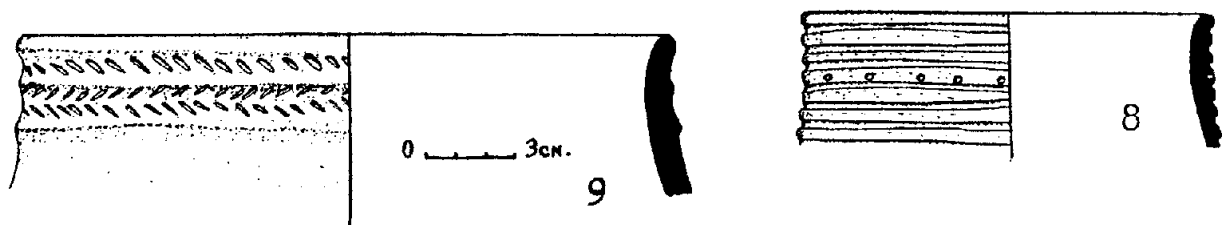
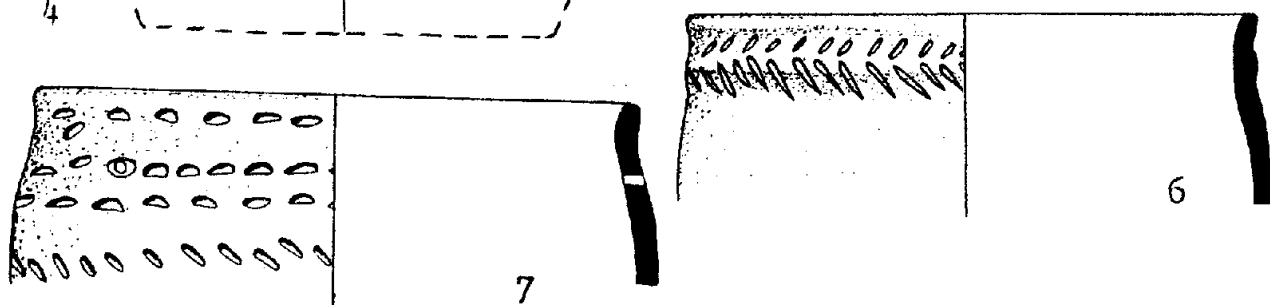
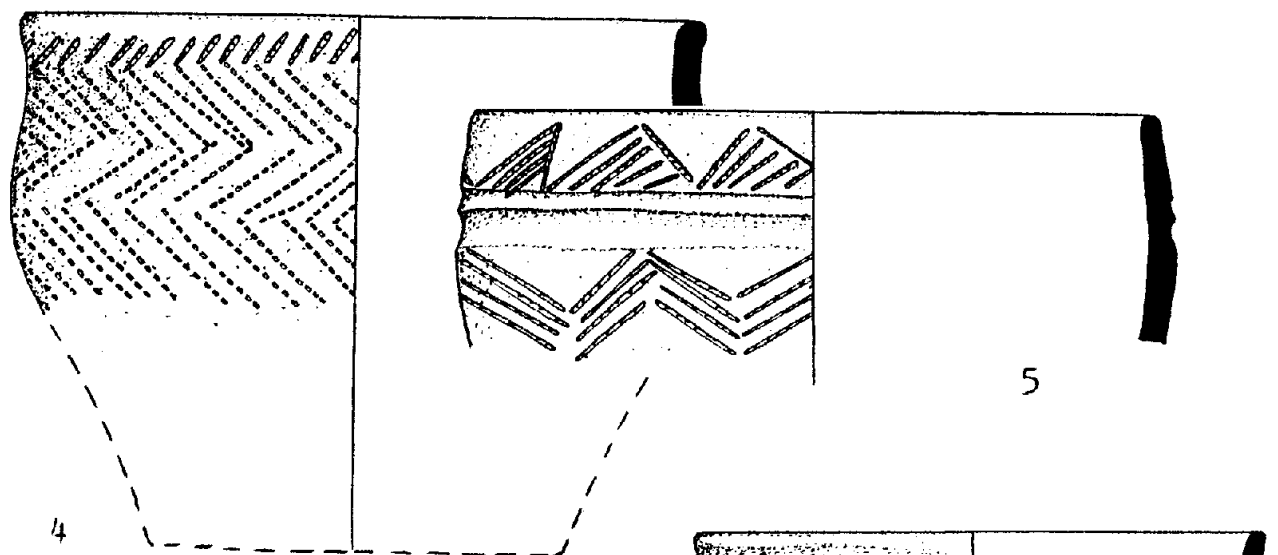
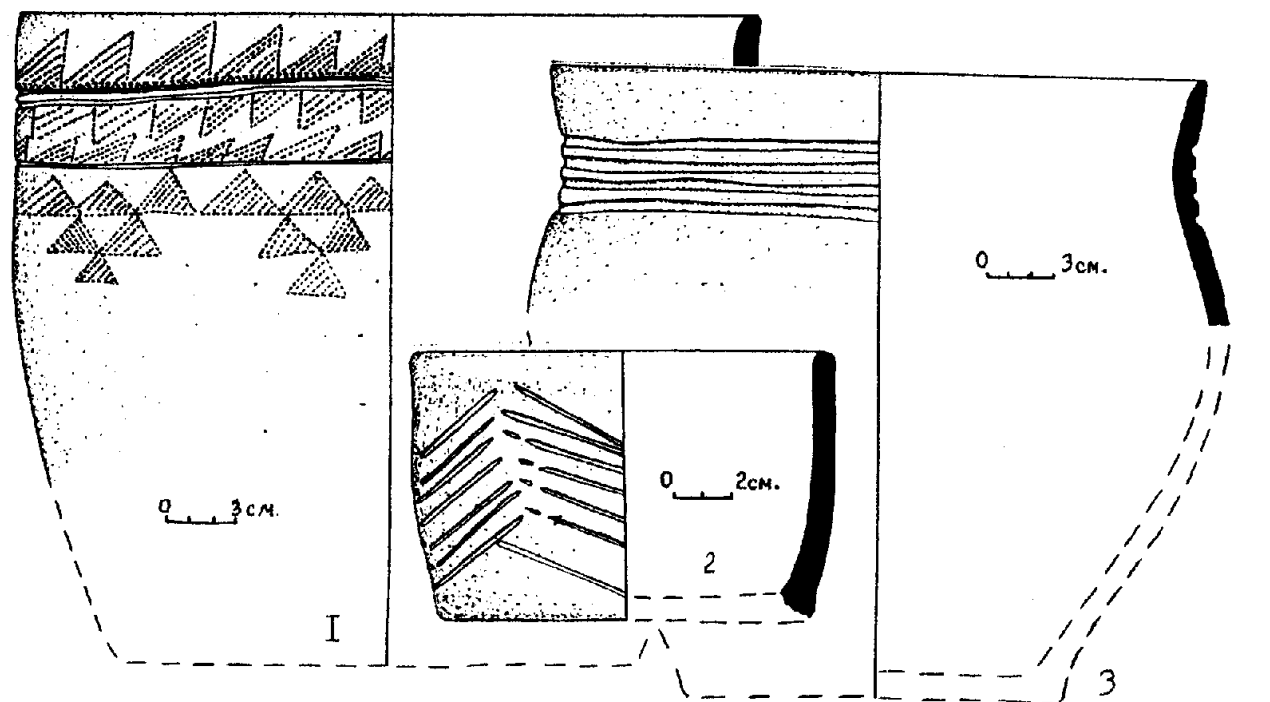

Рис. 1. Поселение Советский Путь-I. Керамика

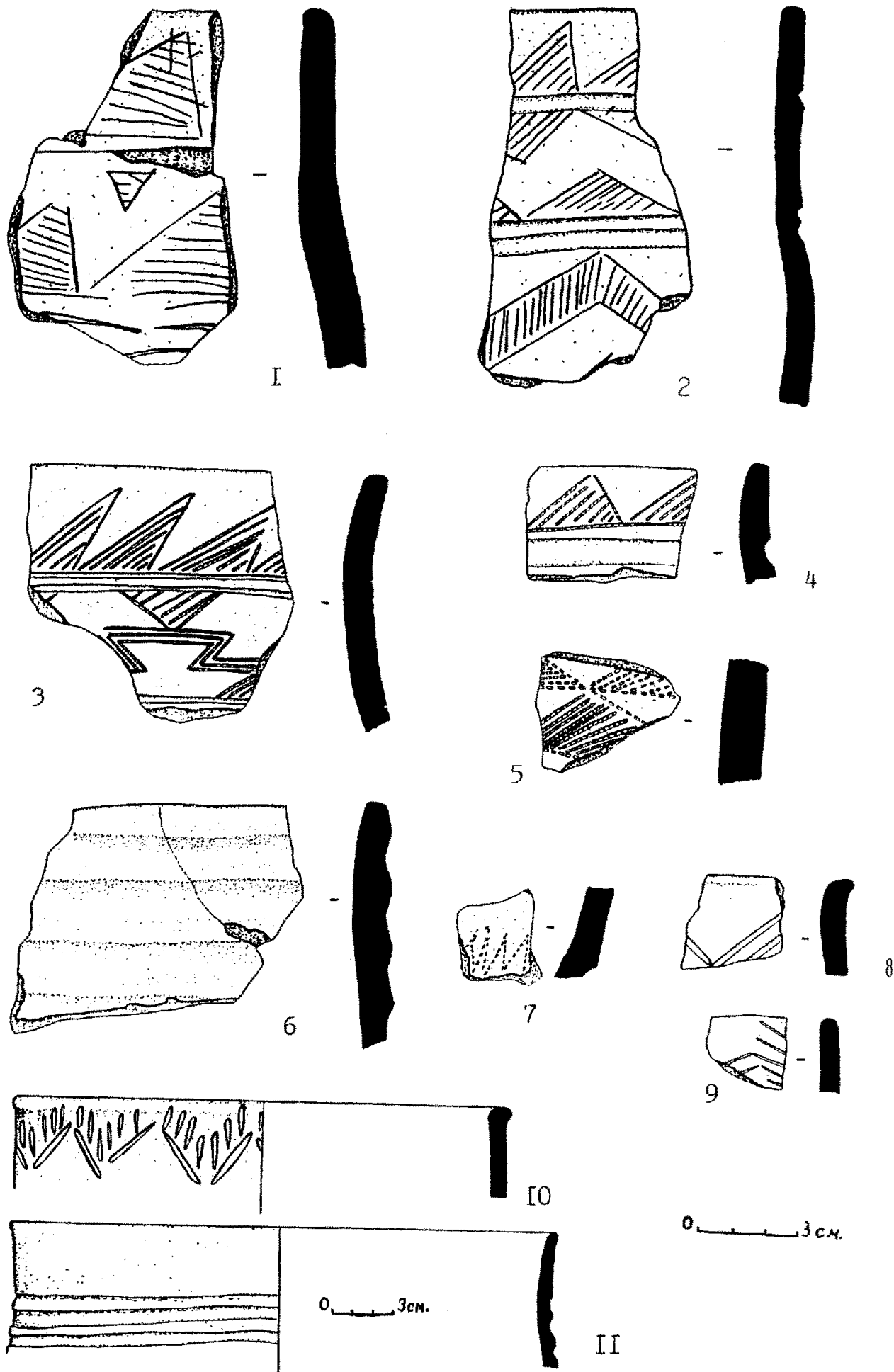

Рис. 2. Поселение Советский Путь-I. Керамика

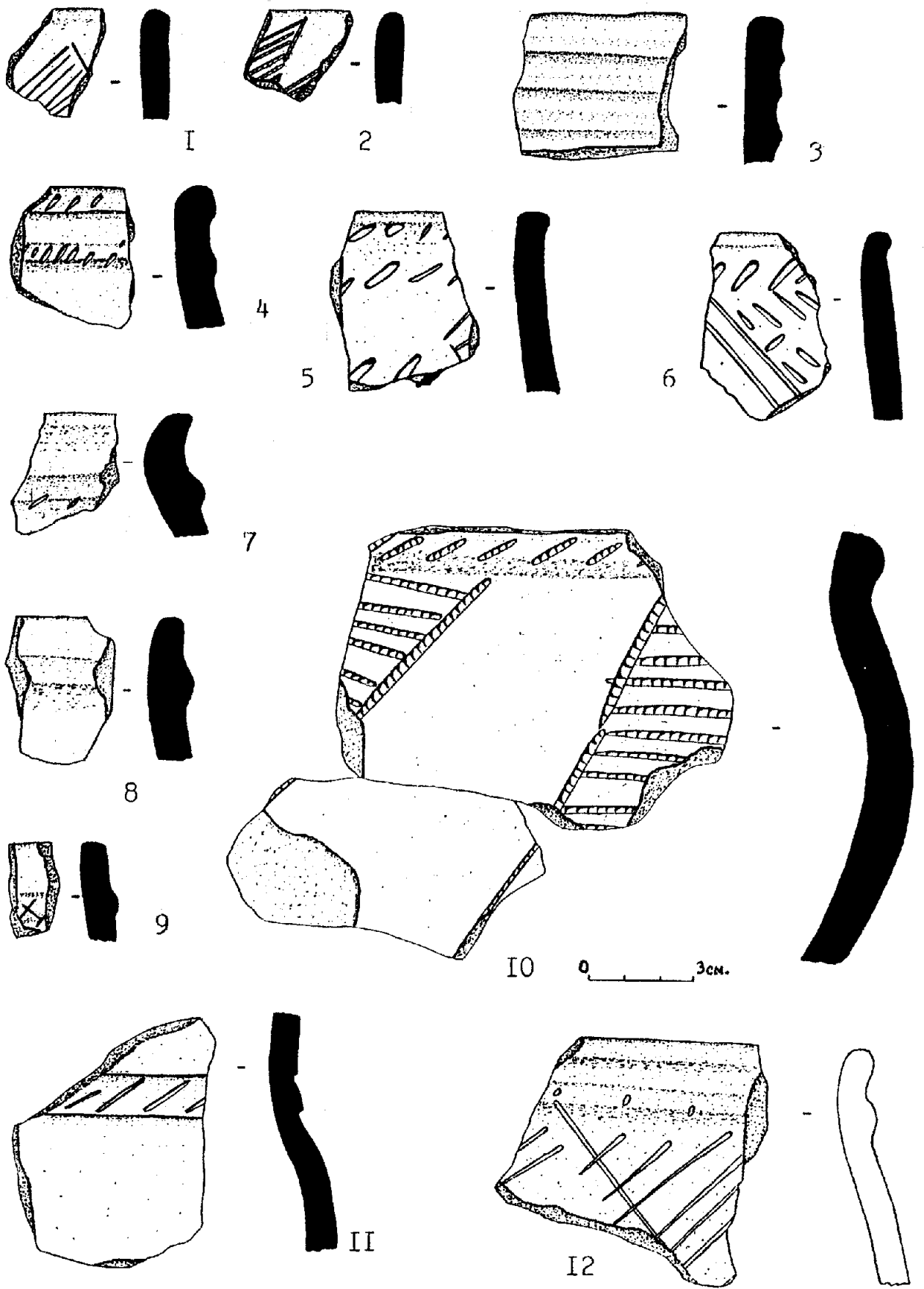

Рис. 3. Поселение Советский Путь-I. Керамика

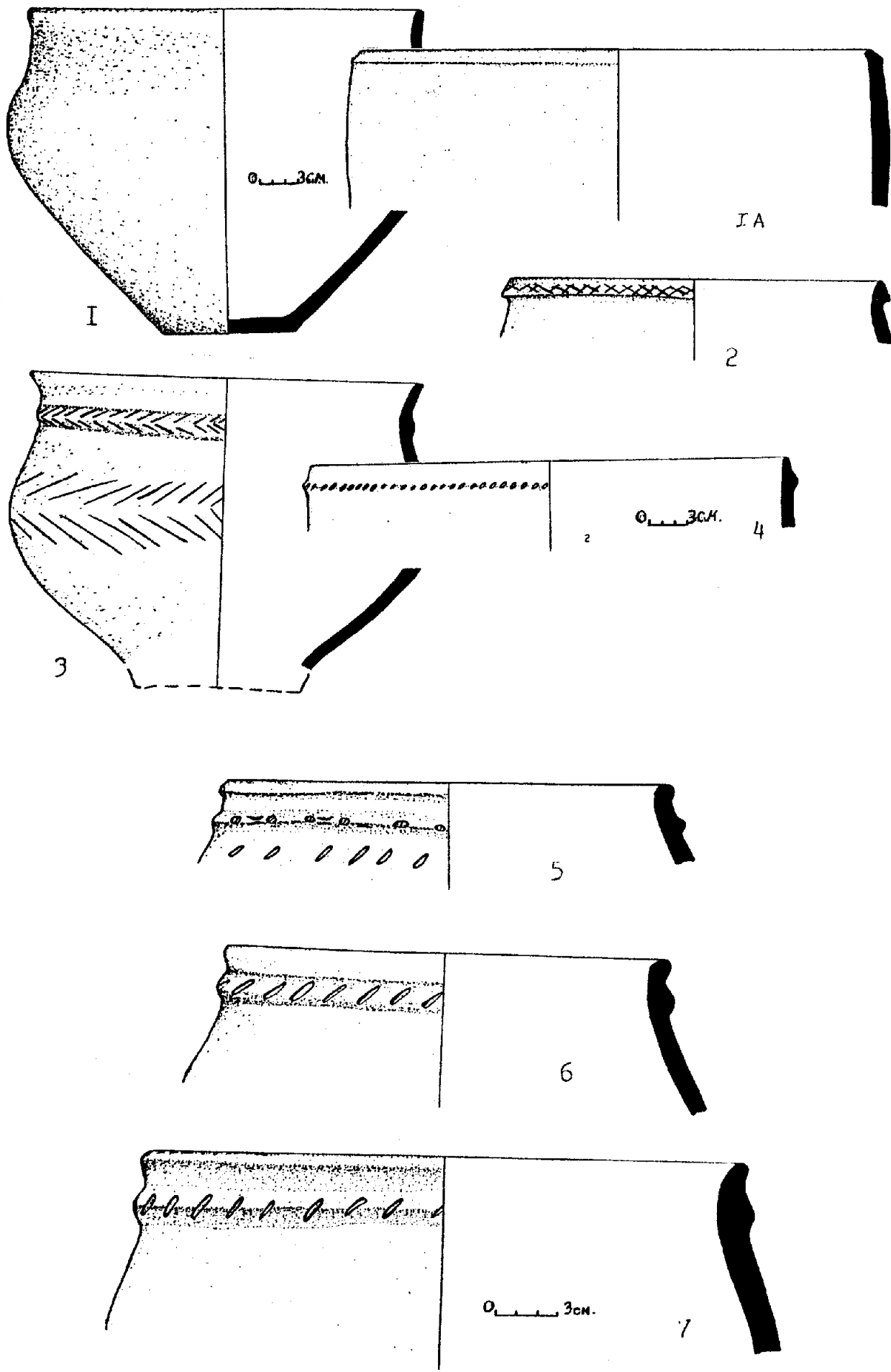

Рис. 4. Поселение Советский Путь-I. Керамика

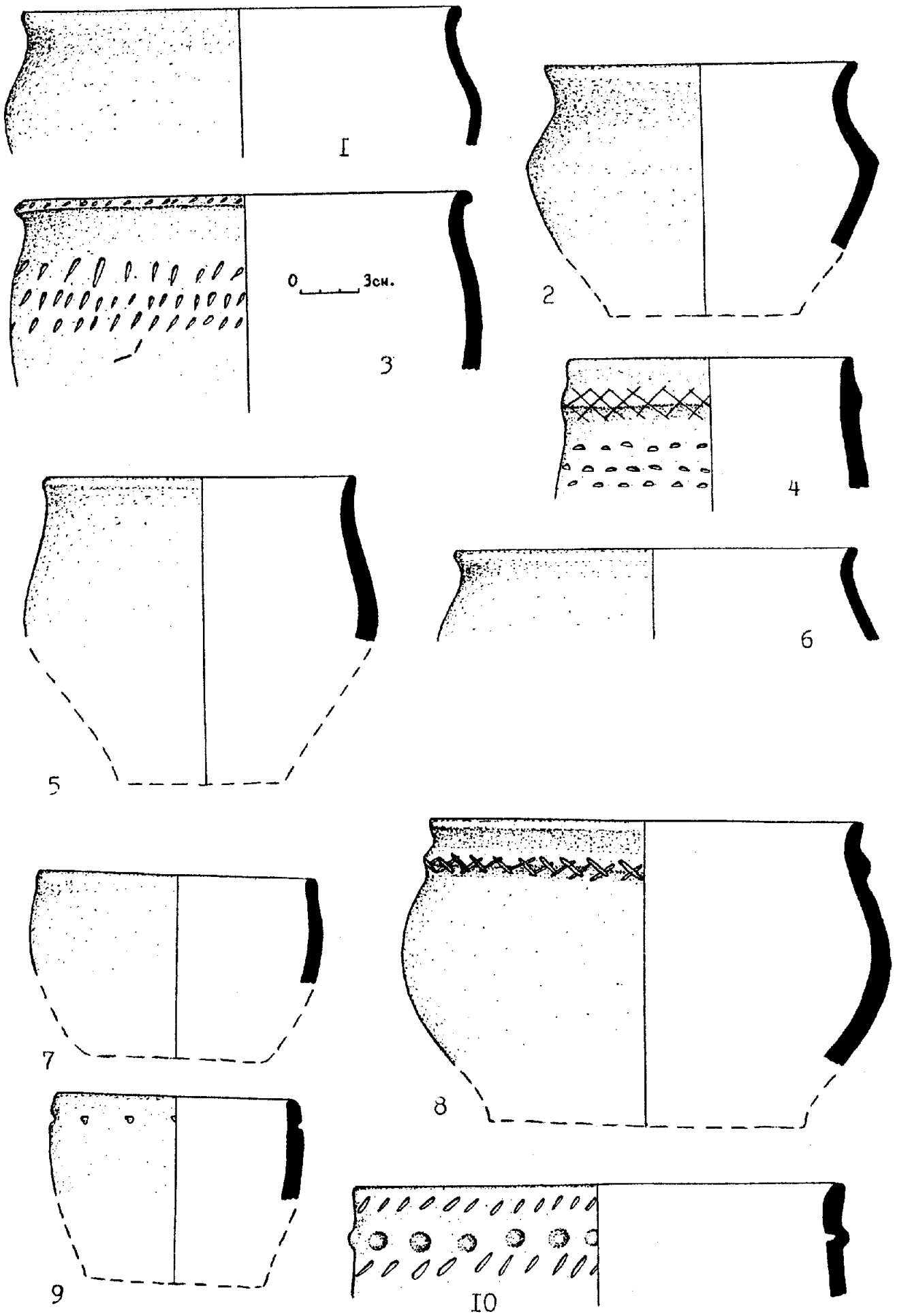

Рис. 5. Поселение Советский Путь-I. Керамика

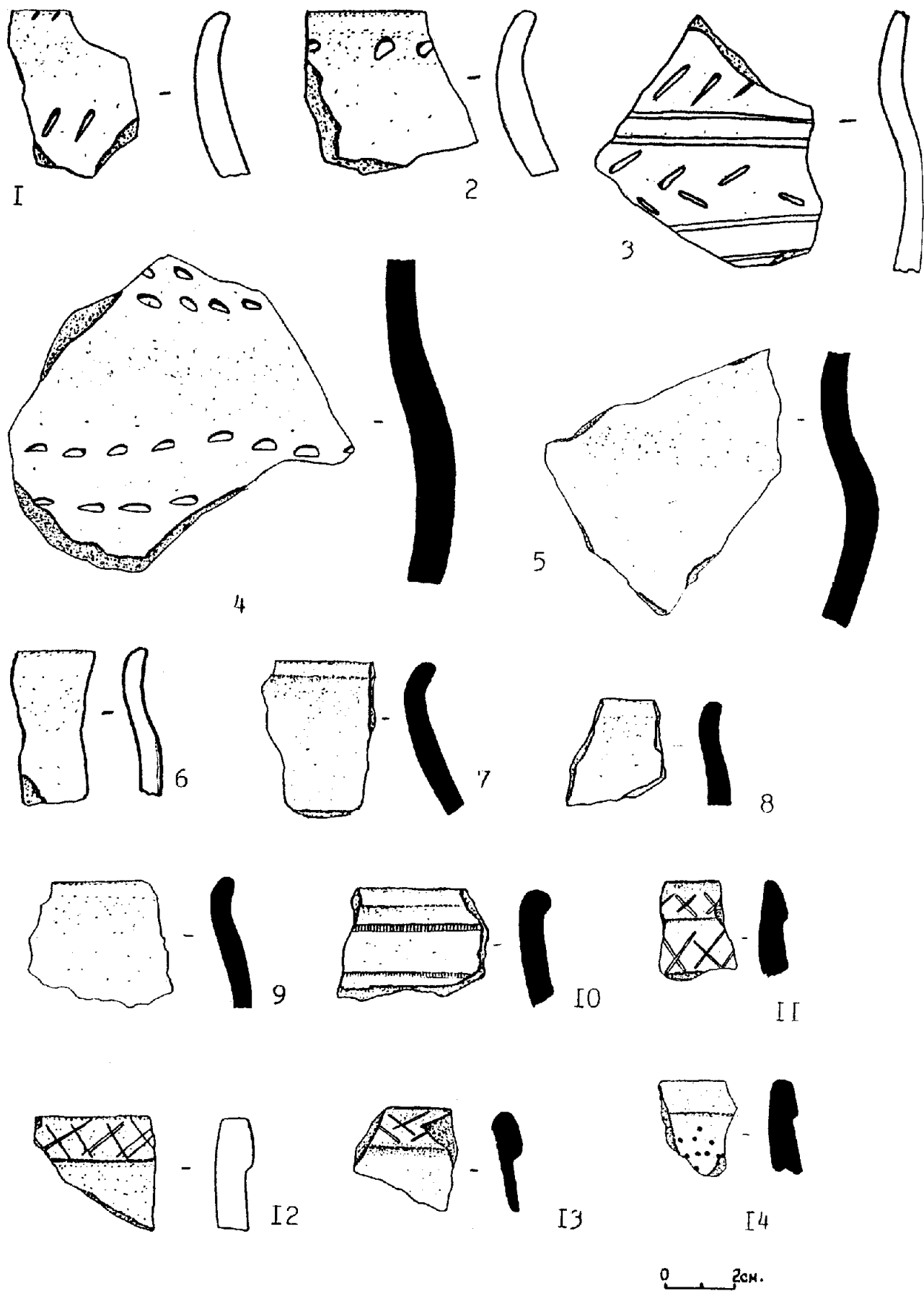

Рис. 6. Поселение Советский Путь-I. Керамика

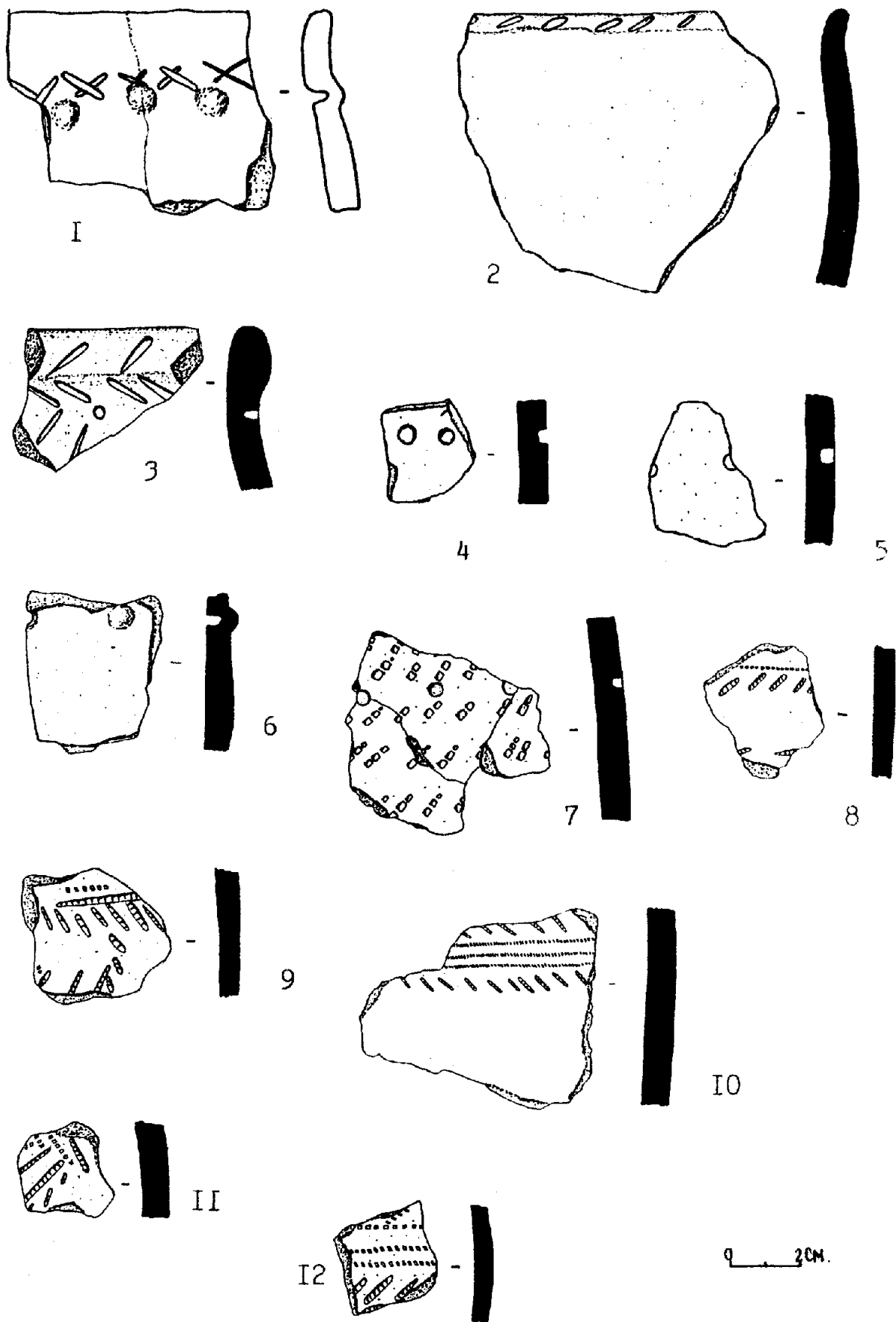

Рис. 7. Поселение Советский Путь-I. Керамика

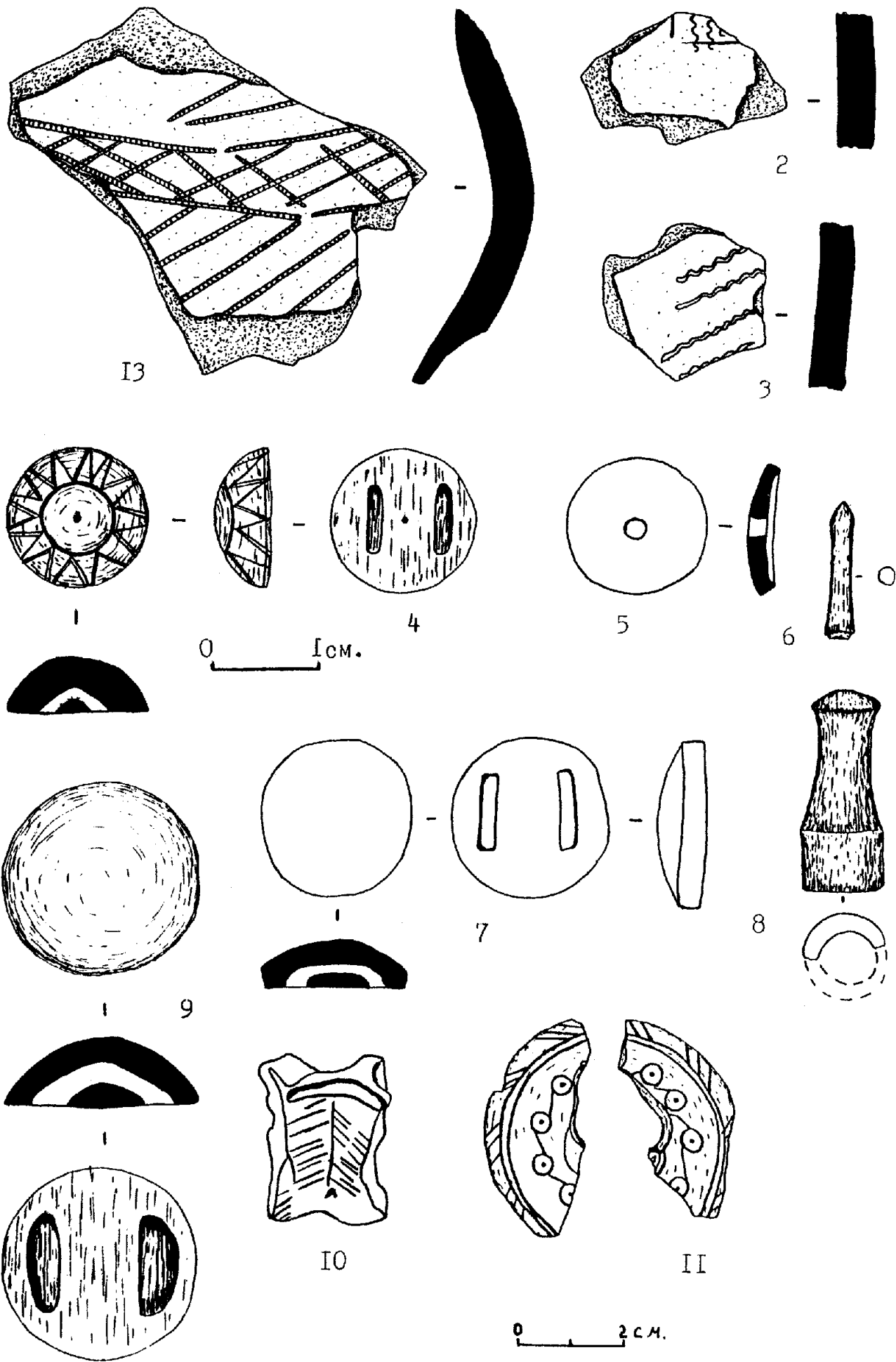

Рис. 8. Поселение Советский Путь-I: 1-3 — керамика, 4-11 — кость

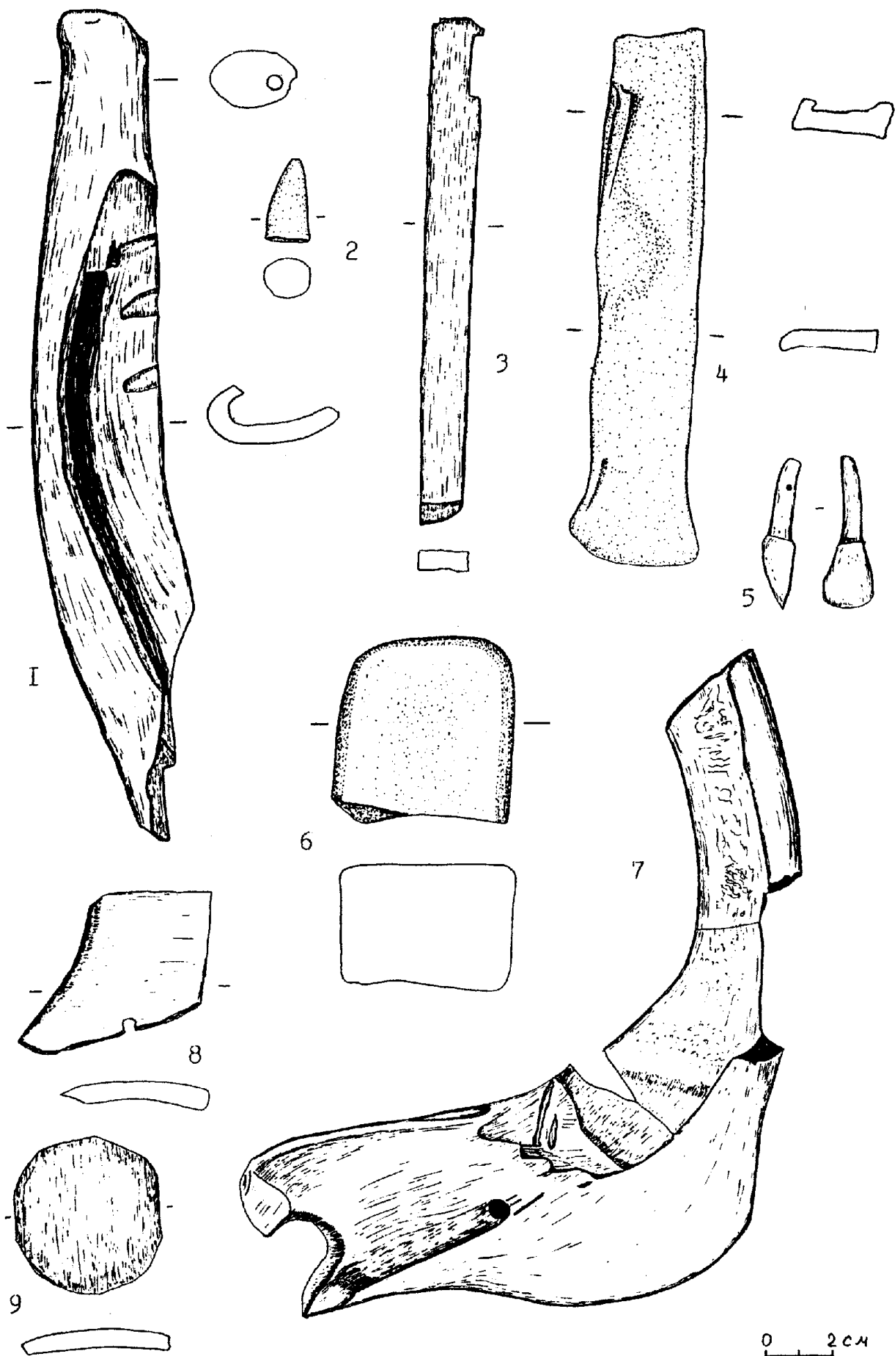

Рис. 9. Поселение Советский Путь-I: 1,3,5,7-9 — кость,
2 — глина, 6 — камень, 4 — бронза

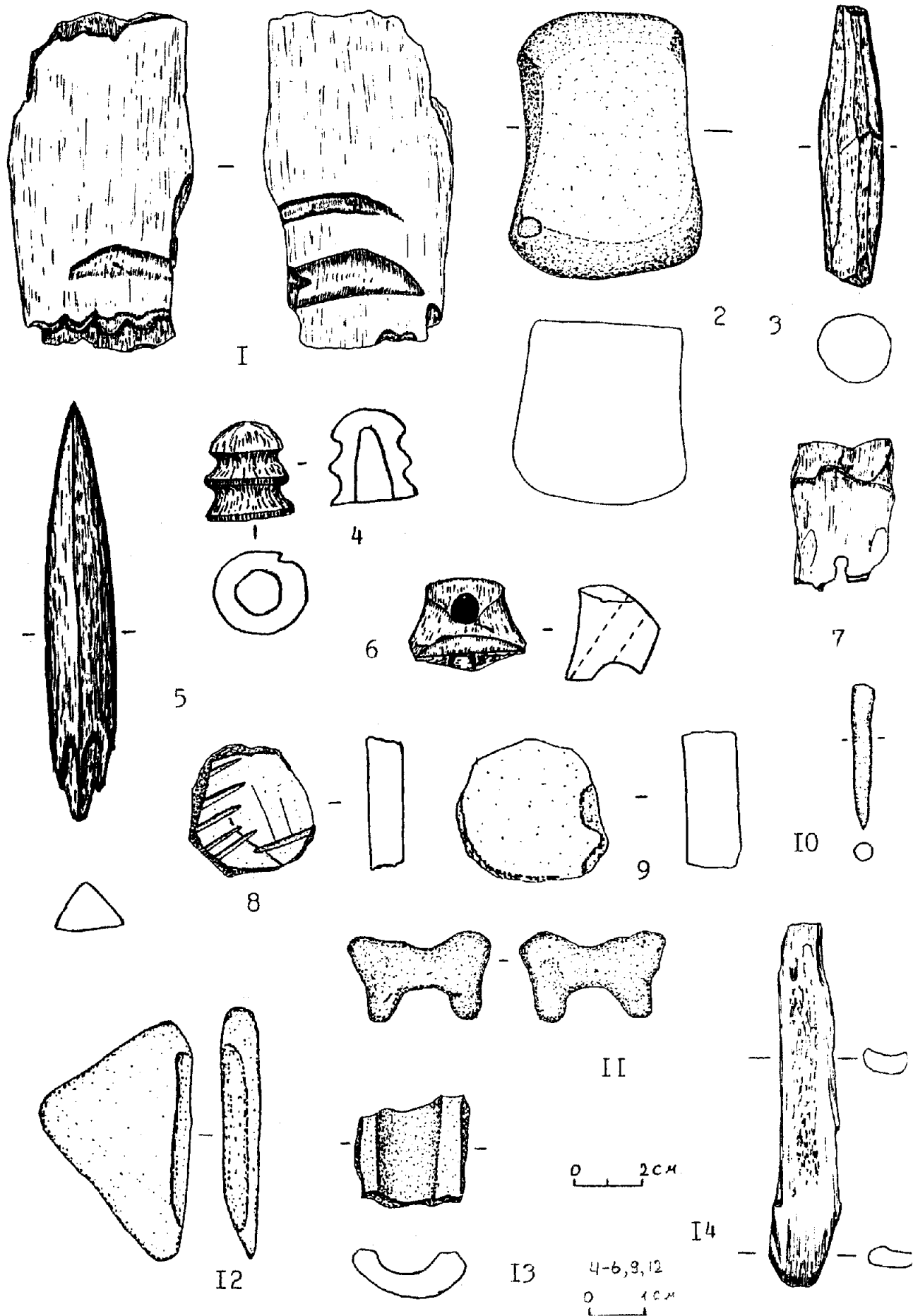

Рис. 10. Поселение Советский Путь-I: 1,3-7,14 — кость, 2,12 — камень, 8,9,11,13 — керамика, 10 — бронза

Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье

Начиная с VIII в. до н.э. в культуре населения лесостепного Алтайского Приобья происходят существенные изменения, связанные как с миграционными процессами, так и с формированием в соседних степных, лесостепных, горных регионах культур раннескифского облика. Окончательное вовлечение племен лесостепного Алтая в круг скифских культур заканчивается в VI в. до н.э. Этот период – VIII–VI вв. до н.э., также называемый в литературе переходным временем от бронзового века к железному, вызывает оживленные дискуссии по вопросам хронологии памятников и их культурной принадлежности среди специалистов [4; 9; 28; 252; 259; 275; 329; 335; 338; 367; 371 и др.].

Впервые вопрос о своеобразии памятников VII–VI вв. до н.э. был поставлен М.П. Грязновым в 1956 г. За более чем сорокалетний период изучения этой проблемы появилось больше вопросов, чем ответов. Сложилась крайне запутанная историографическая ситуация, связанная с различными оценками переходного времени в рассматриваемом регионе. Практически каждый исследователь, занимающийся этой проблематикой, имеет свой взгляд на интерпретацию одного и того же материала, а иногда и на содержание понятия «переходный период». В 1930 г. в работе «Древние культуры Алтая» М.П. Грязнов охарактеризовал этот период как последний этап бронзового века и отнес к нему находки и керамику, собранные по берегам Бии и Оби [74]. Позднее, в его лекции 1950 г., данный период получил название «большереченская культура» и наряду с бийской и березовской культурами был отнесен к раннему железному веку лесостепного Алтая [76]. В 1956 г. М.П. Грязнов отказывается от выделения трех археологических культур и относит все принадлежащие им памятники к одной большереченской культуре VII в. до н.э. – I в. н.э. Эту культуру он разделил на три этапа: 1. Большереченский (VII–VI вв. до н.э.); 2. Бийский (V–III вв. до н.э.); 3. Берёзовский (II в. до н.э. – I в. н.э.). К первому этапу им были отнесены поселения Быстрянский Кордон, Мыльниково,

Ближние Елбаны I (БЕ I), Бобровка, курганный могильник Берёзовка I, Томский могильник, могильники Елбан, БЕ VII, XII, XIV, расположенные на территории от истоков р. Обь до низовьев р. Томь [77, с. 67–85]. Позднее, анализируя материалы кургана Аржан, исследователь датировал начальный этап скифской культуры VIII–VII вв. до н.э. [78], к этому же времени он отнес большереченский этап большереченской культуры лесостепного Алтая [79].

В конце 60-х гг., по мере накопления источниковой базы, Т.Н. Троицкая пересмотрела тезис М.П. Грязнова об автохтонной линии развития верхнеобских племен и включила в керамических комплексах VII–VI вв. до н.э. Завьялово I, V группу сосудов, орнаментированную крестовым штампом, связав их с влиянием «северных лесных культур» [322], а в целом соотнесла завьяловский тип с последним этапом поздней бронзы [325]. Ею же была выделена и завьяловская культура VII–VI вв. до н.э., появившаяся в результате взаимопроникновения ирменских местных черт и северных лесных [323]. В 1985 г. Т.Н. Троицкая выделяет общность, связанную с распространением керамики, с крестовым штампом [329]. Анализируя керамику поселений БЕ I, Завьялово I, Линево I, городища Завьялово V и материалы могильников БЕ VII, XII, XIV, Томского, Т.Н. Троицкая, В.А. Зах, Е.А. Сидоров отнесли комплексы VII–VI вв. до н.э. с БЕ к завьяловской культуре [335]. При таком подходе к ближнеелбанскому комплексу закрывается большереченский этап большереченской культуры, так как все памятники, отнесенные к нему М.П. Грязновым, теперь считаются завьяловскими, хотя именно отличия керамики Завьялово I, V от ближнеелбанской не позволили Т.Н. Троицкой отнести это поселение и городище к большереченскому этапу в своих ранних работах [322; 323].

В 1981 г. М.Ф. Косарев обосновал выделение переходного периода от бронзы к раннему железному веку в особую историческую эпоху, датировав его в пределах VIII–VII или VII–VI вв. до н.э., и отнес к нему памятники гамаюнского, завьяловского, красноозерского и молчановского типов [172, с. 189], но в завьяловской культуре он увидел лишь один из вариантов раннебольшереченских памятников [172, с. 202]. По итогам работ в Барабинской лесостепи В.И. Молодин выделил позднеирменские памятники кон. VIII – нач. VII вв. до н.э., являющиеся переходными к большереченской культуре, в эволюционно-генетической линии ирмень – поздняя

ирмень — большережье [261; 263]. Позднее рассматриваемые нами поселения Мыльниково и Бобровка А.В. Матвеев отнес к этому позднеирменскому этапу [241].

Учитывая своеобразие большереженского этапа большереженской культуры и его отличие от памятников VI—I вв. до н.э. лесостепного Приобья, В.А. Могильников в 1986 г. предложил закрепить название «большереженская культура» лишь за памятниками большереженского этапа. При этом, принимая датировку кургана Аржан М.П. Грязновым VIII—VII вв. до н.э. и указывая на наличие в комплексе Ближние Елбаны вещей аржано-черногорского типа, он датировал ее так: «вторая половина VIII—первая половина VI вв. до н.э.» [249; 251].

К мнению о логичности выделения большереженской культуры в рамках второй половины VIII—VI вв. до н.э. присоединился А.Б. Шамшин, но своеобразие керамического комплекса поселения Мыльниково с сильными позднебронзовыми традициями позволило ему выделить ранний мыльниковский этап (вторая пол. VIII—VII вв. до н.э.) и поздний ближнеелбанский (VII—VI вв. до н.э.) внутри большереженской культуры переходного времени [369; 370; 371].

Интересную точку зрения высказала Н.Л. Членова. Согласно ее точке зрения, своеобразные памятники VIII—VI вв. до н.э. не следует выделять в особый хронологический этап. Это есть просто результат смешения большереженской культуры (в понимании культуры раннего железного века) и ирменской в большей или меньшей степени в ходе их сосуществования и взаимодействия [367, с. 9, 28].

Отдельно стоит проблема бийского этапа большереженской культуры. Впервые на нее обратил внимание Я.В. Фролов, отметивший разное наполнение термина, отличающееся от понимания его М.П. Грязновым [348]. Затем разработка этой темы была продолжена М.Т. Абдулганеевым. Группу памятников, на которых преобладает комплекс керамики, названной им бийской, он выделяет в особый этап развития культуры населения переходного времени Алтайского Приобья и датирует его предварительно VI — нач. V в. до н.э. [4; 9]. Т.Н. Троицкая отнесла керамику бийского типа к концу переходного периода, а название «бийский» предлагает для первого этапа раннего железного века [333]. Авторы данной работы считают обоснованным рассмотреть памятники второй половины VIII—VI вв. до н.э. лесостепного Алтайского Приобья в рамках большереженской культуры переходного времени. Учитывая своеобразие

материалов бийского этапа, мы не будем исследовать его в данной статье.

Поселения второй половины VIII—VI вв. до н.э. большереженской культуры переходного времени приурочены к обской речной системе и приобскому лесному массиву. Они идут полосой вдоль поймы Оби и ее притоков, по кромке борových террас с севера на юг. Некоторые природно-географические отличия данного региона определяются наличием здесь Приобского бора, являющегося островком лесного массива среди обширных лесостепных пространств. Видимо, наличие леса и большой реки с развитой речной системой определило особые условия ведения хозяйства населением данного региона. Так как междуречье Бии и Катунь и долины Оби в районе Бийска в древности являлись контактной зоной для населения лесостепного, лесного и горных районов Алтая, то археологические памятники данного региона целесообразно рассматривать в рамках предгорного Алтая [12].

В настоящее время в лесостепном Алтайском Приобье известно 18 поселений, материалы которых относятся к большереженской культуре переходного времени (рис. 1). Все они расположены в административных границах Алтайского края*.

1. Аллак III. Каменский район. Находится на высоком мысу, образованном левым берегом р. Аллак и правым берегом Оби. Памятник открыт М.Н. Комаровой в 1953 г. Исследовался А.Б. Шамшиным в 1989 г.

2. Киприно. Шелаболихинский район. Разновременный материал, в том числе и переходного времени. Поселение расположено на дюнах надпойменной террасы левого берега Оби. Открыто М.Н. Комаровой в 1953 г. и обследовано Ю.Ф. Кирюшиным в 1983 и 1984 гг.

3. Усть-Чумышская Пристань I. Тальменский район. Многослойное поселение. Находится на останце в Обско-Чумышской пойме. Открыто А.П. Уманским в 1959 г. Раскопки проводил А.Б. Шамшин в 1980 и 1984 гг.

4. Малый Гоньбинский Кордон 1/3 (МГК 1/3). Первомайский район. Поселение располагается на елбане в обской пойме. Памятник открыт Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 г., обследовался А.Л. Кунгуровым и Д.В. Папиным в 1997 г.

5. Казенная Заимка. Территория Барнаула. Многослойное поселение находится на высоком коренном левом берегу Оби. Раскапывалось А.Б. Шамшиным в 1983 и 1984 гг.

6. Мыльниково. Первомайский район. Находится на невысоком склоне протоки Оби.

Открыто в 1954 г. А.Д. Сергеевым. В 1983–1987 г. исследовалось А.Б. Шамшиным.

7. Елуинское культовое место (ЕКМ). Павловский район. Располагается на узком мысу, выходящем к Оби, на краю высокого (до 100 м) обрыва обского берега. Открыто в 1977 г. и раскапывалось в 1978 г. Ю.Ф. Кирюшиным.

8. Городище Староалейка IV. Топчихинский район. Открыто В.Б. Бородаевым на коренном левом берегу Оби в 1978 г. Материал представлен сборами.

9. Крестьянка. Мамонтовский район. Сборы Э.М. Медниковой 1966 г.

10. Бобровка. Первомайский район. Открыто А.Д. Сергеевым в 1957 г. Обследовалось А.Л. Кунгуровым в 1975 г.

11. Обские Плеса I. Первомайский район. Поселение на площади Бобровского грунтового могильника. Исследовалось А.Б. Шамшиным и Я.В. Фроловым.

12. Ближние Елбаны I. Топчихинский район. Открыто Н.С. Гуляевым, раскапывалось М.П. Грязновым в 1946, 1947 и 1949 гг.

13. Городище Елбанка. Усть-Пристанский район. Расположено на останце левого берега р. Чарыш, левого притока р. Обь. Исследовалось в 1969 г. Э.М. Медниковой, в 1987 г. – В.А. Могильниковым.

14. Долгая Грива. Усть-Пристанский район. Многослойное поселение. Находится на дюнах в 2 км от с. Камышенка. Открыто М.Д. Копытовым в 1928 г., М.П. Грязнов назвал это поселение Камышенка I. В 1969 г. обследовалось В.Х. Кадиковым и Н.Л. Членовой.

15. Поселение Дергач. Зональный район. Многослойное поселение на берегу оз. Иткуль. Исследовалось Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 г.

16. Костенкова Избушка. Зональный район. Многослойное поселение на оз. Иткуль. Открыто в 1956 г. В.Х. Кадиковым. Раскапывалось Ю.Ф. Кирюшиным в 1978–1981 гг.

17. Быстрянский Кордон. Быстроистокский район. Обследовалось М.П. Грязновым в 1925 г., А.П. Марковым в 1929 г.

18. Цыганкова Сопка I. Быстроистокский район. Среди материалов ирменской культуры присутствует керамика переходного времени. Открыт В.С. Баклыковой, обследовался В.Х. Кадиковым, С.В. Неверовым, А.Б. Шамшиным, Г.В. Масленниковой, раскопки проводил Ю.Ф. Кирюшин в 1986, 1990, 1991 гг.

Степень изученности поселения различна. Киприно, Долгая Грива, Староалейка IV, Крестьянка, Бобровка, Аллак III представлены сборами, небольшой материал получен из

раскопок поселений Цыганкова Сопка I, Усть-Чумышская Пристань-I, МГК 1/3, Костенкова Избушка, Дергач. Достаточно большими площадями изучены Елбанка, Елуинское культовое место, Мыльниково, Ближние Елбаны I, при этом они дали основное количество находок.

Инвентарь является важным хронологическим и культурным показателем при характеристике большепереченского населения второй половины VIII–VI вв. до н.э. Наибольшее количество артефактов получено при изучении поселений Мыльниково и БЕ I. При анализе инвентаря нами рассматриваются те предметы, которые интересны с точки зрения датировки.

Оружие. Представлено одиннадцатью бронзовыми наконечниками стрел. Семь из них найдено на поселении Мыльниково, два на Елбанском городище, один происходит из Бобровского поселения и один с поселения Ближние Елбаны I.

Черешковые бронзовые наконечники стрел. Двухлопастной листовидный наконечник стрелы. На поселении Мыльниково обнаружен один такой экземпляр (рис. 2–11). А.М. Кулемзин, рассматривая тагарские двухлопастные черешковые наконечники стрел, считает, что листовидные (три наконечника из случайных находок) близки по типу треугольным с плечиками IV–III вв. до н.э. [186, с. 49]. При этом он отмечает, что в Сибирь они попали из Средней Азии, где появились в конце II тыс. до н.э. [186, с. 49, 52]. По классификации Н.Л. Членовой, листовидные двухлопастные наконечники бывают только втульчатые [365, с. 40], из которых крупные плоские наконечники, по форме близкие находке из Мыльниково, отнесены к числу дотагарских [365, с. 46, табл. 13–1–7]. Также близок нашему публикуемый ею наконечник стрелы подтреугольной формы из д. Мичны [365, табл. 12–7], датированный VII, VII–нач. VI вв. до н.э. [365, с. 41]. Очень близкий по форме наконечник найден в могильнике Айшрак в Центральном Казахстане [232, табл. I, VI–2; 231, рис. 227–12], а также на поселении бегазы-дандыбаевской культуры X–VIII вв. до н.э. Шортанды-Булак [231, рис. 161–8, 227–11]. С периодом поздней бронзы (XIII/XII – первая половина VIII вв. до н.э.) связывает существование двухлопастных листовидных черешковых наконечников стрел Г.Е. Иванов [105, с. 13]. Таким образом, рассмотренный нами тип наконечников стрел, по-видимому, для лесостепного Алтая следует датировать VIII в. до н.э.

Черешковый наконечник стрелы, трехлопастной с трехгранной боевой головкой (рис. 2-6). Он происходит из землянки № 5 поселения Ближние Елбаны I. При анализе надо учитывать, что в этом пункте больше-реченскую землянку прорезает позднее жилище, отнесенное М.П. Грязновым к березовскому времени [77, с. 55]. Н.Л. Членова датировала подобный наконечник VI в. до н.э. [365, табл. 12-26]. По мнению А.М. Кулемзина, трехлопастные наконечники относятся к V в. до н.э. [186, с. 50]. На Алтае они происходят из могильников староалейской культуры [18]. В памятниках больше-реченской культуры переходного времени такие наконечники найдены на Бобровском грунтовом могильнике VII в. до н.э. [378, рис. 4-4, 6]. Подобные изделия широко распространены и на сопредельных с Алтаем территориях в Средней Азии и Казахстане [57, табл. XXV-36, XXV-36, XX-23-40, с. 92-93; 232, с. 378-380], в Туве [56], в Горном Алтае [38, рис. 6, 7]. Г.Е. Иванов относит подобный тип трехлопастных наконечников к VI-V вв. до н.э. [103, рис. 1-19-21]. Исходя из приведенных аналогий время бытования в лесостепном Алтае черешковых трехлопастных наконечников с трехгранной боевой головкой можно определить как VII-V вв. до н.э.

Втульчатые бронзовые наконечники стрел. Двухлопастные асимметрично- и симметрично-ромбические наконечники. Представляют собой изделия с выступающей втулкой или с пером, доходящим до ее нижнего края. Всего известно шесть наконечников: два с Елбанского городища (рис. 2-3, 9) и четыре с поселения Мыльниково (рис. 2-1, 2, 7, 8). Круг аналогий им чрезвычайно широк. Наиболее древние находки подобного типа в Сибири найдены в кургане Аржан [78, рис. 12, 11-8]. Н.Л. Членова датирует подобный тип для тагарской культуры VII-VI вв. до н.э. [365, с. 46], к этому же времени относит их А.М. Кулемзин [186, с. 52]. В районах Поволжья симметрично-ромбические наконечники были распространены в VII-V вв. до н.э., а асимметрично-ромбические в VII-VI вв. до н.э. [298, с. 110, рис. 11, Б4, Е9]. Большое количество этих наконечников известно в культурах переходного времени от бронзы к железу Западной Сибири: завьяловской - поселение Завьялово I и городище Завьялово V [335, рис. 1-14, 15], красноозерской - поселение Новотроицк I [337, рис. 7-9], Инбернь VI [367, рис. 8-9], из больше-реченского могильника Ближние Елбаны VII [77, табл. XVIII-4] и из раннескифских комплексов Горного Алтая

[163, с. 82, рис. 58-6,8,10; 60-8,9,10,14]. Г.Е. Иванов считает, что периодом наибольшего распространения наконечников подобного типа в Сибири является вторая половина VIII-VII вв. до н.э., но для Алтая, учитывая датировку комплекса Боровое III [9, с. 55, рис. 3], - вторая половина VIII-VI вв. до н.э. [103, с. 57].

Втульчатые двухлопастные листовидные наконечники с выступающей втулкой. Известно два таких изделия с поселений Мыльниково и Бобровка (рис. 2-4, 5). Так же, как и предыдущие типы, имеет широкий круг аналогий. К.Ф. Смирнов датирует этот тип в Поволжье VI - нач. V вв. до н.э. [298, с. 38-44], по А.М. Кулемзину, он известен в комплексах тагарской культуры VI-IV вв. до н.э. [186, с. 45]. Также такие наконечники зафиксированы в комплексах бегазы-дандыбаевской культуры [231, рис. 227-10, 14, 17]. Широко распространены они в памятниках культур валиковой керамики поздней бронзы Казахстана, где датируются IX-VIII вв. до н.э. [27, с. 124, рис. 1-11, 13, 15, 16, 38]. Встречаются в раннескифских памятниках Горного Алтая [163, с. 82, рис. 58-9, 59-13, 60-13]. В культурах переходного времени от бронзы к железу втульчатые двухлопастные листовидные наконечники известны в завьяловской культуре - поселение Линево I [335, с. 104, рис. 1-27], красноозерской культуре - поселение Инберень VI [367, рис. 8-9-3]. Г.Е. Иванов датирует этот тип в лесостепном Алтае VIII-VI вв. до н.э. [103, с. 57].

Бронзовый наконечник стрелы лавровой формы, ромбический в сечении с обрезанной втулкой. Был найден в составе колчанного набора вместе с 45 костяными наконечниками стрел на поселении Мыльниково (рис. 2-10). Близкий наконечник происходит из кургана 84 могильника Уйгарак в Средней Азии [57, с. 91, табл. XX-11]. С.В. Киселев отнес этот тип в Южной Сибири к VII-VI вв. до н.э. [168, табл. XXVI]. Исходя из вышеперечисленного, скорее всего, можно датировать наш наконечник VII-VI вв. до н.э.

Кельт. К следующей датирующей категории инвентаря относится кельт. Из лесостепных комплексов Алтая переходного времени известен один такой предмет, который происходит с поселения Мыльниково. Это двушпоровый кельт, крупных размеров, ушки переходят в валик, опоясывающий край втулки (рис. 2-22). С территории Алтайского края происходят также два экземпляра кельтов, хранящиеся в Бийском музее [11, рис. 1-5, 6]. По классификации М.П. Гряз-

нова подобные изделия относятся к III типу «кельты с ушками у края втулки», которые восходят к карасукским, а через них к сейминским. В 1941 г. он определил время их существования VII–VI вв. до н.э. [75, с. 248, табл. I–7, табл. V], но, учитывая корректировку взглядов М.П. Грязнова на дату начала раннего железного века после раскопок кургана Аржан, время бытования этих изделий следует определять VIII–VII вв. до н.э. Двуушковые кельты имеют широкое распространение за пределами Сибири. В.А. Городцов отнес их к числу специфических киммерийских форм, датировав XI–VIII вв. до н.э. [69, с. 54–56], Е.Е. Кузьмина считает, что происхождение двуушковых кельтов связано с предскифскими комплексами и датирует их позднебронзовым временем [183, с. 21]. Особенностью поздних кельтов (по отношению к сейминско-турбинским), по мнению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, является валик по венчику втулки [361, с. 38]. А.В. Збруевой опубликованы кельты данного типа, найденные на предананьинских памятниках [97, с. 55, рис. 19–6]. Наиболее близкая аналогия нашему изделию происходит с поселения Большой Лог, авторы раскопок датируют его X–VIII вв. до н.э. [64, с. 47]. Н.Л. Членова, рассматривая памятники переходного времени от бронзы к железу Западной Сибири, отнесла двуушковый кельт с валиком по устью втулки из Большого Лога к VIII–VII вв. до н.э. [367, с. 71]. Г.Е. Иванов датировал подобный тип VIII–VI вв. до н.э. [105, с. 21]. На наш взгляд, наиболее приемлема дата VIII–VII вв. до н.э.

Ножи. Другая датирующая категория инвентаря – это ножи. Наиболее распространенной находкой в памятниках переходного времени являются бронзовые однолезвийные пластинчатые ножи. Целая серия их происходит с поселений Ближние Елбаны I и Мыльниково. Но, как уже отмечено в литературе, бронзовые однолезвийные пластинчатые ножи без навершия широко распространены в первой половине I тыс. до н.э. на Алтае в ирменской, большереченской, староалейской культурах [54, рис. 1–3, 4; 77, табл. XVIII; 349, рис. 2–1–3; 367, рис. 1, 2, 3]. Поэтому среди данной категории инвентаря нами рассматривается нож с дугообразным навершием – «с аркой на кронштейне», происходящий с поселения Мыльниково (рис. 2–12). Эти изделия подробно рассмотрены Н.Л. Членовой и отнесены к переходному типу карасуко-тагарских ножей. Они имеют широкий круг аналогий в Сибири, Казахстане и на других территориях в VIII–VII вв. до н.э. [366, с. 124–126, табл. 57]. Це-

лая серия таких ножей происходит из Минусинской котловины, несколько экземпляров из них очень близки нашему ножу [366, табл. 57–28, 38]. Наиболее точные аналогии рассматриваемому экземпляру происходят из закрытых комплексов: ножи из Зевакинского могильника, датированного Ф.Х. Арслановой VIII–VII вв. до н.э. [26, табл. III–1–3], два ножа из Томского могильника [171, рис. 17–9, 20–7], ножи из могильника Преображенка III [261, рис. 63–1], а также с городища Чича I позднеирменского этапа [261, рис. 84–5]. Мыльниковский нож уверенно датируется VIII–VII вв. до н.э.

Трехжелобчатые бляшки-застежки являются еще одной категорией инвентаря, необходимой для выяснения хронологии памятников переходного времени лесостепного Алтая. Происходят с поселений Мыльниково и Ближние Елбаны I (рис. 2–18–21). Самые древние подобные изделия датируются VIII в. до н.э., а доживают они во всех культурах скифо-сибирского мира до V в. до н.э. [178, с. 55, 29, 36, рис. 12–2–4, 16–3; 368, с. 36]. В Верхнем Приобье такие бляшки встречены только в памятниках переходного времени от бронзы к железу: грунтовые могильники Ближние Елбаны VII, XII [77, табл. XIX–1, 10, XXI–8–11], поселение Завьялово I [322, рис. 46–с]. Следует отметить своеобразную слабоизогнутую застежку с БЕ I (рис. 2–20). Она очень близка по форме изделию из могильника Сиалк В, опубликованному Н.Л. Членовой [366, табл. 25–29]. При рассмотрении данного типа предметов Н.Л. Членова приводит им круг аналогий VIII–VI вв. до н.э. [368, с. 36].

Важным хронологическим индикатором являются элементы конского снаряжения, в частности, такая деталь конской узды, как **псалий**. На исследуемых нами памятниках известно два обломка трехдырчатых псалий с поселений Мыльниково и Ближние Елбаны I и три целых – с городища Елбанка (рис. 2–13–17). Аналогии трехдырчатым псалям широко известны как в раннескифских комплексах Алтая, так и на сопредельных территориях [57, табл. XXVI; 78; 163, с. 64–75, рис. 35–38; 238, с. 12–13]. Традиционно этот тип изделий датируется (IX) VIII–VI вв. до н.э. [80, с. 165; 163, с. 75; 240]. При рассмотрении изделий с Елбанки А.А. Тишкин обратил внимание на их конструктивные особенности, на основании чего считает, что эти псалии «вероятнее всего, изготовлены в VIII–VII вв. до н.э., а, возможно, в IX–VII вв. до н.э.» [318, с. 136]. Разрабатывая типологию конского снаряжения Саяно-Алтая, Н.А. Боковенко отмечает,

что роговые изогнутые трехдырчатые псалии появляются в конце II тыс. до н.э., а на начальном этапе культуры ранних кочевников (в VIII–VII вв. до н.э., возможно, в IX–VII вв. до н.э.) наблюдается тенденция смещения отверстий к центру псалия [33, с. 17–18], что и фиксируется на изделиях с Мыльниково и БЕ I. Таким образом, псалии с поселений Мыльниково, БЕ I и городище Елбанка хорошо датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э.

Керамика. Керамика для поселений переходного времени является наиболее массовой категорией инвентаря. Материалы поселения Мыльниково представлены серией более тысячи сосудов [371], керамический комплекс БЕ I – не менее 400 сосудов [77, с. 75], на ЕКМ зафиксированы обломки от 100 сосудов. Кроме этого, надо отметить наличие на данных памятниках развалов и целых сосудов. Разрабатывая типологию керамики для комплекса БЕ, М.П. Грязнов выделил две основные формы сосудов: плоскодонная – корчаги и горшки с яйцевидным туловом и слабоогнутым наружу краем венчика и полушарообразная – чашки и горшки с прямыми в верхней части стенками [77, с. 75]. Основное отличие двух указанных форм заключается в технологии их производства, первая группа изготовлялась налепом кольцевых лент, вторая – формована из одного кома глины [77, с. 75].

А.Б. Шамшин поддержал и развил схему М.П. Грязнова. Он выделил две группы сосудов по форме и отдельно рассматривал сосуды, не образующие серии, а основное внимание сосредоточил на орнаментальной схеме [371, с. 126].

К *первой группе* относится большая часть керамики с поселений. Это крупные плоскодонные корчаги и более мелкие слабопрофилированные сосуды горшковидной либо, чаще, баночной формы, изредка встречаются «закрытые» банки. По орнаментации сосуды делятся на три типа.

Первый тип. Характеризуется наличием сильных позднебронзовых традиций (рис. 4–5, 9, 12; 5–1, 13, 14; 6–1, 6, 13; 7–7, 10; 8–1, 3, 11, 14, 17; 12–15, 16; 13). Употребляются следующие орнаментальные мотивы: ряды сеточек и елочек, разделенных каннелюрами и рядами ямок (рис. 4–1, 8; 5–9; 6–1, 6; 7–7, 10; 8–11; 12–15; 13–1, 22), зигзаги (рис. 8–1, 3, 14, 17; 10–11; 12–13; 13–2, 5, 6, 9; 23–27), ромбы (рис. 13–26, 27), треугольники (рис. 8–1; 13–5), в том числе обращенные вершинами друг к другу, подчеркивание ямками углов геометрических

фигур, жемчужник с разделителем (рис. 9–5, 11).

В этом типе можно выделить два подтипа, связанных с разными культурными традициями: корчажкинской – ряды сеток и елочек, разделенных ямками и каннелюрами (рис. 4–1, 8), и ирменской (прослеживается слабее) – прочерченные линии, зигзаг, ромбы, подчеркивание уголков геометрических фигур ямками (рис. 13–23–27). В то же время оба эти подтипа имеют черты, характерные для переходного времени: двойной ряд жемчужника с разделителем (рис. 4, 5, 6, 7, 8), ряды насечек по краю венчика (рис. 4–13; 5–1, 4, 14) и др.

Керамика первого типа наиболее ярко представлена на поселении Мыльниково, где она составляет не менее половины всего керамического комплекса, в меньшем количестве она известна с ЕКМ, с Усть-Чумышской Пристани I, Аллака III и Бобровского поселения, отдельные фрагменты также встречены на других поселениях большереченской культуры переходного времени.

Второй тип. В нем преобладают сосуды с обедненным орнаментом, который иногда состоит лишь из двойного ряда жемчужника с разделителем, кое-где перемежающегося сеткой, елочкой, наклонными отпечатками штампа (рис. 4–2, 3, 7; 5–2, 4, 6; 6–4, 5, 17, 18; 7–3, 4, 6, 8, 12, 14, 16; 9–6; 10–3, 19–23; 11–7; 14). Этот тип встречается чаще, чем первый. На поселении Мыльниково такая керамика гораздо ближе к сосудам поселений БЕ I, ЕКМ, городища Елбанка, где она преобладает.

Третий тип. Керамика с крестовым штампом. Количественно этот тип невелик и выделяется условно, так как появление крестового штампа на керамике переходного времени Верхнего Приобья не изменяет саму орнаментальную схему, он в нее органично вписывается [274]. Отпечатки креста выступают в роли разделителя в рядах жемчужника, делят декор на зоны; замещают такие элементы, как сетка, прочерченные линии, зигзаг, образуют геометрические фигуры (рис. 14–13–20; 11–16–22). Данный вид орнаментации встречается в керамических комплексах поселений по-разному. На поселениях Мыльниково, БЕ I он образует серии, а на других найдены один-два фрагмента.

Вторая группа. Это полушарообразные чашки и небольшие горшки. Количественно вторая группа уступает первой. Большая часть чашек имеет круглое, хотя единично встречаются сосуды и с плоским дном. Украшены они геометрическими фигурами, рядами елочки (рис. 12–6), сетки (рис. 12–8,

11, 14), зигзага (рис. 8-17; 12-5, 12, 13). По орнаментальной композиции чашки ближе к первому типу первой группы. Известны практически со всех поселений.

К сосудам, не образующим серий, относится сосуд на поддоне из Мыльниково и две чашечки с зооморфным налепом с ЕКМ.

Как уже отмечалось выше, первый тип керамики отражает процесс трансформации позднебронзовых традиций и появление новых черт в орнаментации, характерных для переходного времени. Ни на одном поселении выделенный тип керамики не присутствует в чистом виде, и каждый керамический комплекс имеет яркие, только ему присущие черты, например: на городище Елбанка практически вся посуда орнаментирована гребенчатым штампом, а на Бобровском поселении — гладким.

Орнаментальные мотивы, характерные для большереченской керамики переходного времени, широко известны в памятниках VIII-VI вв. до н.э. соседних регионов. Прежде всего это поселение Завьялово I и городище Завьялово V в Новосибирской области. Их керамический комплекс характеризуется практически теми же признаками орнамента, что и поселение Мыльниково: двойной ряд жемчужника с разделителем, крестовый штамп, зигзаг, елочка, сетка и т.д. [335, с. 106]. Городище и поселение у с. Завьялово датируются VII-VI вв. до н.э., поселение Линево I-VIII в. до н.э. В чертах последнего комплекса много северных элементов: косой крест, струйчатый штамп, но присутствуют и большереченские: двойной ряд жемчужника, зигзаг [335, с. 106]. На поселении Туруновка IV и городище Чича I керамика, относимая В.И. Молодиным к позднеирменскому этапу, орнаментирована двойным рядом жемчужника, крупной резной сеткой, елочкой [261]. Подобная керамика встречена и на поселении Маякова Гора [367, с. 92]. Общей чертой, объединяющей керамику этих памятников, является двойной ряд жемчужника. Появление этого элемента В.И. Молодин сопоставляет с началом переходного времени от бронзы к железу.

Ранее А.Б. Шамшин при разработке внутренней хронологии большереченской культуры обратил внимание на наличие в керамическом комплексе поселения Мыльниково сильных позднебронзовых традиций. Им был выделен ранний мыльниковский этап (вторая половина VIII-VII вв. до н.э.), который соотносится с первым типом первой группы керамики, и поздний ближнеелбанский этап — VII-VI вв. до н.э. — второй тип первой

группы [369; 370; 371]. Не противоречит этой дате и комплекс датирующих вещей.

Наконечники стрел датируются для лесостепного Алтая:

— черешковый листовидный с Мыльниково — VIII в. до н.э.

— черешковый трехгранный с БЕ-I — VII-V вв. до н.э.

— втульчатые асимметрично- и симметрично-ромбические — два с городища Елбанка, четыре из Мыльниково — VIII-VI вв. до н.э.

— втульчатые листовидные, по одному с Мыльниково и с Бобровки — VIII-VI вв. до н.э.

— втульчатый с обрезанной втулкой с Мыльниково — VII-VI вв. до н.э.

Кельт — (IX) VIII-VII вв. до н.э.

Нож с аркой на кронштейне — VIII-VII вв. до н.э.

Трехжелобчатые бляшки-застежки — VIII-VI вв. до н.э.

Псалии — VIII-VI вв. до н.э.

Таким образом, все датирующие вещи укладываются в промежуток VIII-VI вв. до н.э., что хорошо согласуется с датой, полученной для керамики. Обращает на себя внимание то, что ряд изделий с поселения Мыльниково имеет более узкую датировку — VIII-VII вв. до н.э. Это кельт, нож, черешковый листовидный наконечник стрелы, что подтверждается позднебронзовыми особенностями керамического комплекса этого памятника.

Хозяйственная деятельность населения большереченской культуры переходного времени реконструируется нами по материалам поселений Мыльниково и ЕКМ, с привлечением данных с БЕ I (М.П. Грязнов).

Скотоводство. Мы располагаем археозоологическими определениями костных остатков из двух памятников этого периода — зимнего поселения Мыльниково и Елуинского культурного места (ЕКМ), которое можно сравнить с летними поселениями. Соотношение в целом костей домашних и диких животных из этих памятников очень близко между собой. В Мыльниково лишь слегка выше процент домашних животных (79,5%; в ЕКМ — 77,7%). Соответственно, доля костей диких животных (мясных) в Мыльниково ниже — 18,3% (в ЕКМ — 19,6%). Доля диких пушных также очень близка: 2,2% в Мыльниково и 2,8% в ЕКМ. Однако при анализе процентного соотношения отдельных видов домашних животных появляются определенные отличия. Так, если для Мыльниково характерно следующее соотношение: крупный рогатый скот (КРС) — 50,6% (от всех домашних), лошадь — 36,1%, мелкий

рогатый скот (МРС) – 5,7%, собака – 5,3%, свинья – 2,3%, то для ЕКМ оно несколько другое: лошадь – 53,2%, КРС – 35,6%, МРС – 8,7%, собака – 2,1%, свинья – 0,5%. Если для зимнего стационарного поселения, каким, безусловно, является Мыльниково, характерен высокий процент КРС, а лошадь занимает лишь второе место, то на Елунинском культовом месте, наоборот, значительно преобладает лошадь. Интересно, что мелкий рогатый скот не занимал сколько-нибудь заметного места в стаде ни в зимних, ни в летних поселениях. При сравнении полученных данных с материалами предшествующего времени ирменской и корчажкинской культур выясняется, что состав стада переходного времени в Барнаульском Приобье значительно отличается от ирменского. Так, если взять для сравнения летние поселения, то в ирменском стаде в среднем будет ниже доля лошади, выше доля КРС, а, главное, очень высок процент МРС. В то же время при сравнении по этому показателю Елунинского культового места и летнего корчажкинского поселения Фирсово XVII обнаруживается их значительная близость друг другу. Нам кажется, что это не случайно, а отражает преемственность типа хозяйства. В то же время нельзя игнорировать тот факт, что по сравнению с корчажкинским типом хозяйства в целом в хозяйственно-культурном типе переходного времени значительно возросла доля скотоводства. Видимо, это было связано с активными контактами с ирменцами, а затем и с включением части ирменского населения в состав формирующейся большебереченской культуры.

Характеризуя хозяйство населения большебереченского этапа, М.П. Грязнов отмечал, что одной из его основных отраслей было скотоводство. В то же время он писал, что это скотоводство следует представлять оседлым, пастушеским, а не яйлажным, поскольку наличие обильных луговых пастбищ, по его мнению, не вызывало необходимости в сезонном переселении со скотом на летники [77, с. 73–74]. Скорее всего, переход пастухов на летники с частью стад все же имел место, однако большебереченские пастухи, видимо, значительно уступали ирменским скотоводам как по дальности перегонов, так и по количеству перегоняемых стад. В целом, в переходное время как бы произошла нивелировка двух типов хозяйства: многоотраслевого корчажкинского и скотоводческого ирменского. Образовался смешанный хозяйственно-культурный тип, в котором развитое скотоводческое хозяйство сочеталось со значительной долей охоты и рыболовства [150, с. 142].

Земледелие. Характеризуя хозяйственные занятия жителей поселка на Ближних Елбанах, М.П. Грязнов отмечал, что наряду со скотоводством другой важнейшей отраслью было земледелие. Он аргументировал это положение находками в четырех из пяти раскопывавшихся землянок частей зернотерок и курантов [77, с. 74]. С этим следует согласиться еще и потому, что в предшествующую эпоху поздней бронзы ирменцы, видимо, достигли уже уровня пашенного земледелия. Вряд ли за столь короткий срок эти навыки были утрачены, тем более, что в состав сформировавшейся в переходное время большебереченской культуры, несомненно, вошел значительный ирменский компонент. А.Б. Шампиным при раскопках поселения Мыльниково также обнаружен почти целый нижний камень зернотерки. К сожалению, по переходному времени, как и по предшествующему периоду поздней бронзы, мы не имеем абсолютных доказательств земледелия в виде находок зерен самих злаков. Тем не менее, как нам кажется, можно достаточно уверенно отмечать значительную роль земледелия в хозяйстве населения переходного времени в Барнаульском Приобье.

Охота. М.П. Грязнов отнес охоту на крупного зверя и птиц к подсобным занятиям в большебереченском хозяйстве, основываясь на находках костяных наконечников стрел разных типов и большом количестве костяных изделий. Наряду с мясной охотой, доставлявшей значительную часть мясных продуктов, существовала и пушная охота на бобра и соболя, астрагалы и резцы которых использовались в качестве украшений. М.П. Грязнов отметил также, что удельный вес охоты в хозяйстве был, возможно, значительнее, чем рыболовства [77, с. 75]. Наши данные подтверждают его точку зрения о значительной роли, которую играла охота в большебереченском хозяйстве. В Мыльниково процент костей диких животных составил 22,4%, а на Елунинском культовом месте – 20,5%. Основным объектом охоты были мясные животные. В Мыльниково кости мясных животных составили 86,4% от костей всех диких, а в ЕКМ – 83,9%. На долю пушных пришлось, таким образом, соответственно, 13,6 и 16,1%. Основными промысловыми животными были лось, кости которого составили 48,2% от костей всех мясных животных в Мыльниково и 40,1% в ЕКМ, а также благородный олень (36 и 19,6%). Наряду с этими животными большебереченцы охотились на кулана, дзерена, косулю, медведя, волка, лису, зайца, бобра, выдру.

Важным свидетельством охотничьих занятий большебереченцев являются костяные на-

конечники стрел, в большом количестве обнаруженные на поселениях и в могильниках. Особенно много их найдено в Мыльниково (более 140). Наличие здесь наконечников стрел разных типов позволяет предположить их различное назначение. По-видимому, для охоты на тех или иных животных (крупных или мелких, пушных или мясных) применялись стрелы с соответствующими наконечниками. Интересно также присутствие в Мыльниково крупных костяных наконечников, вероятно, являющихся наконечниками стрел от самострелов. Такие самострелы могли устанавливаться, например, на водопойных тропах. В целом количество костяных наконечников стрел в памятниках переходного времени больше, чем в памятниках эпохи поздней бронзы, а на поселении Мыльниково больше в десятки раз. Поскольку большинство этих наконечников следует признать все же, скорее, охотничьим оружием, то, вероятно, доля охоты в хозяйстве населения большереченской культуры в Барнаульском Приобье действительно значительно возрастает.

Рыболовство. При раскопках на Ближних Елбанах в каждой из землянок М.П. Грязнов обнаружил чешую и кости рыб, принадлежавшие почти исключительно мелким рыбам. Это позволило ему сделать вывод, во-первых, о значительной роли рыболовства в хозяйстве жителей поселка, а, во-вторых, о том, что рыба добывалась в ближайших мелких водоемах — озерах, протоках и Большой Речке, но не в Оби [77, с. 75]. Во время раскопок Елунинского культового места и Мыльниково был получен дополнительный материал, подтверждающий, что рыболовство занимало значительное место в производственной деятельности населения. Большое количество рыбьих костей и позвонков, в том числе очень крупных, было найдено на обоих памятниках. Очень интересны обнаруженные в Мыльниково орудия лова. Во-первых, это острога и два гарпуна (рис. 3-1), один из которых найден в могиле в составе сопроводительного инвентаря. Гарпуны и острога впервые найдены в памятниках переходного времени Верхнего Приобья. Остатками другого орудия рыболовства — сети являются также обнаруженные в Мыльниково каменные грузила. Наконец, о важнейшем месте, которое занимало в хозяйстве рыболовство, свидетельствуют найденные на ЕКМ и в Мыльниково сосуды с какой-то пищей, приготовленной из рыбы, от которой в них в большом количестве остались рыбы кости. Они были обнаружены и в сосуде с налепной головкой волка (собаки) из ЕКМ [138, с. 228]. В Мыльниково в могиле 1 найдены остатки берестяного блюда, на котором в большом количестве об-

наружены рыбы кости. Все это позволяет нам считать рыболовство отраслью, также имевшей большой вес в хозяйстве большереченцев. Таким образом, хозяйство большереченского населения Барнаульского Приобья является классическим многоотраслевым с преобладанием в нем скотоводства и большой долей земледелия, охоты и рыболовства. Все эти отрасли были достаточно развиты, и в отдельные годы, видимо, могла преобладать любая из них.

В период VIII—VI вв. до н.э., называемый некоторыми исследователями раннескифским, основной вещевой комплекс становится общим для широкого круга культур. Например, асимметрично и симметрично-ромбические наконечники стрел известны от Причерноморья до Тувы. Поэтому ведущей культурнозначимой категорией инвентаря является керамика. Для определения культурной принадлежности отдельных памятников, выяснения генезиса археологических культур, установления направления культурных связей, первостепенное значение имеют орнаменты на керамике.

Как уже говорилось выше, керамический комплекс поселения Мыльниково несет в себе ярко выраженные черты синтеза поздне-бронзовых культур. Наиболее ранние его материалы датируются второй половиной VIII—VII вв. до н.э. [371, с. 117]. Следовательно, нижнюю границу переходной эпохи можно определить этим же временем. В связи с этим, авторы считают необходимым рассмотреть материалы памятника Крестьянка IX, отнесенного Г.Е. Ивановым к позднеирменскому этапу, датированного первой половиной VIII в. до н.э. [101, с. 100]. Среди материалов ирменского типа там присутствуют два сосуда с инокультурными чертами: сеткой между двойным рядом жемчужника и выгнутым наружу венчиком «молчановского» типа. Из этого же района происходят сборы керамики с крестовым штампом (рис. 11).

Керамика, орнаментированная крестовым штампом, встречена и в Мыльниково, где в большом количестве известна посуда раннего «мыльниковского» этапа большереченской культуры. Появление венчиков «молчановского» типа и керамики с крестовым штампом традиционно связывается с проникновением северных таежных элементов [174, с. 110; 329; 371, с. 123]. Судя по ранним керамическим комплексам большереченской культуры, это происходит уже в начале переходного периода.

Керамика с крестовым штампом обнаружена на девяти поселениях в лесостепном

Алтайском Приобье: Аллак III, Бобровка, Обские Плесы I, Крестьянка, Костенкова Иабушка, Усть-Чумышская Пристань-I, ЕКМ, БЕ-I, Мыльниково и на городище Солонцы III – верховья Бии. Но представлена она по-разному. Наибольшее ее количество происходит из пунктов Мыльниково и БЕ I. География распространения керамики с крестово-штампованным орнаментом связана с Обской речной системой и Приобским лесным массивом. Поселения идут полосой вдоль поймы Оби и по кромке боровых террас.

Анализ поселенческих материалов памятников переходного периода показывает, что внедрение в орнаментальную композицию большереченской керамики крестового штампа практически ее не изменяет. Так, отпечатки крестового штампа используются в качестве разделителя жемчужника, нередко «крестовые» свисающие треугольники, зигзаг, сетка, т.е. крест выступает в роли заместителя других элементов орнамента: ямок, вертикальных черточек, прочерченных линий, сетки, выполненных гладким штампом, косых отпечатков гребенчатого штампа, но не вносит в декор новых орнаментальных мотивов (рис. 7–6, 8, 12; 11–19–22; 14–13–20). Таким образом, керамические комплексы показывают культурное единство оставившего их населения, возможно, насколько позволяют судить материалы Бобровского грунтового могильника [378], пришлое и местное население находилось в определенном этнокультурном родстве (наличие на едином могильнике в одном ряду могил, сосудов различных традиций). Также отметим, что небольшое количество памятников переходного времени, где фиксируется керамика с крестовым штампом, а также малое количество этих материалов, свидетельствуют о незначительном влиянии населения – «носителя» крестовой керамики в лесостепном Алтайском Приобье, не изменившим местной большереченской линии развития.

Другое направление миграционной волны связано с появлением в керамических комплексах переходного времени керамики с валиком. Этот тип орнаментации зафиксирован в пунктах Мыльниково, БЕ I, Крестьянка, Елбанка. Надо отметить, что подобный орнамент слабо представлен в позднебронзовое время в лесостепных районах Алтайского Приобья, но широко встречается здесь в памятниках раннего железного века. Хорошо датированные комплексы эпохи поздней бронзы с валиковой орнаментацией керамики происходят из степного Алтая [102; 151]. На памятниках VIII–VI вв. до н.э.

валик встречается вместе с крестовым штампом на сосудах ближнеелбанского типа и, так же, как и крест, не нарушает традиционный декор (рис. 7–1,5; 11–19,20,22; 14–14). Исходя из датировки ближнеелбанского этапа временем появления валиковой орнаментации в лесостепном Алтайском Приобье можно считать VII–VI вв. до н.э.

Таким образом, в период VIII–VI вв. до н.э. выделяются две крупные подвижки населения в лесостепном Алтайском Приобье. Первая связана с меридианальным движением по обской речной системе с севера групп носителей «крестовой» керамики. Вторая характеризует широтное направление – это миграции из районов Восточного Казахстана и Кулунды групп населения, возможно, связанных с культурами валиковой керамики позднебронзовой эпохи.

Кроме выделенных направлений миграций, обращает на себя внимание неоднородность керамических комплексов поселений большереченской культуры. Несмотря на наличие общей орнаментальной схемы, каждый памятник имеет своеобразные черты. И дело не только в хронологическом различии. Среди орнаментов керамики Бобровского поселения преобладает елочка, выполненная гладким штампом, густо покрывающая шейку, а иногда и верхнюю часть тулова сосуда. Достаточно част на бобровской керамике кольчатый штамп (рис. 4). Сочетание елочки и ямок типично для корчажкинской керамики позднебронзового века, но в комплексе также встречаются орнаментальные мотивы, характерные для других традиций: зигзаг, крест, ромб. Здесь, на поселении Бобровка, хорошо прослеживается доживание корчажкинской линии орнаментации до большереченской эпохи в ограниченном лесном районе. В другом пункте – городище Елбанка, орнамент характеризуется теми же мотивами, что и другие комплексы переходного времени: двойной ряд жемчужника, сетка, зигзаг и т.д. Но в технике орнаментации господствует гребенчатый штамп. Налицо своеобразное отличие двух памятников, существовавших в одно время, т.е. внутри единой большереченской культуры сосуществуют памятники, отражающие локальные особенности оставившего их населения.

Процесс генезиса большереченской культуры хорошо фиксируется в лесостепном Алтайском Приобье. В других районах Алтайского края памятники VIII–VI вв. до н.э., материалы которых характеризовали бы зарождение традиции переходного времени, пока не известны. Обращает на себя внимание большое количество инвентаря, встре-

ченного на раскопанных поселениях: целые сосуды, наконечники стрел, орудия труда, костяные изделия и т.д. Еще в 1956 г. М.П. Грязновым была высказана мысль, что жизнь на таких поселениях не затухла сама собой, а прекратилась в результате военного набега [77, с. 85].

Историко-культурная ситуация в переходное время от бронзы к железу в Верхнем Приобье реконструируется во многом гипотетически. Видимо, во второй половине VIII–VII вв. до н.э. на территории Барнаульского Приобья начинается процесс трансформации позднебронзовых культур в культуру переходного времени, причем доминирующей была корчажкинская традиция (поселение Мыльниково). Вероятно, это было связано с оттоком части ирменского населения из-за ухудшения экологической ситуации в районах Приобского бора и возникшими в связи с этим затруднениями в ведении традиционного хозяйства. Примерно с рубежа VIII в. до н.э. материалы памятников Барнаульского Приобья фиксируют появление на этой территории северных таежных групп. Их быстрое проникновение свидетельствует, что местное население находилось в культурном родстве с мигрантами. Как показывают источники, процесс инфильтрации в

аборигенную среду пришлых групп – носителей крестовой керамики – носил эпизодический характер и уже к концу VI в. до н.э. не фиксируется. Вместе с крестовым компонентом определенную роль в сложении большереченской культуры сыграло население эпохи финальной бронзы с валиковой орнаментацией керамики из районов Кулунды. Валик довольно часто встречается на керамике ближнеелбанского этапа (поселения БЕ I). С VI в. до н.э. в Верхнее Приобье начинается массовое проникновение носителей культурных традиций скифского мира. Местное население переходного времени было частично ассимилировано и вошло в состав староалейской культуры раннего железного века, а частично было вытеснено в более южные районы (район Бийска), сформировав памятники своеобразного бийского типа [9]. В конце VI в. до н.э. большереченская линия развития, возникшая как результат синтеза позднебронзовых ирменской и корчажкинской культур, была прервана.

* В данной статье мы не учитываем поселение переходного времени из Сузунского района Новосибирской области, географически относящееся к Барнаульскому Приобью (Кротово XVI, XVII, Мереть II).

Хозяйство. Данные анализа остеологического материала из поселений переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку (Алтай) (определения А.В. Гальченко)

Название памятника	ЕКМ		МЫЛЬНИКОВО	
	I/II	Ia/IIa	I/II	Ia/IIa
Домашние				
Крупный рогатый скот	69/9	27,6/19,5	621/31	40,2/23,7
Лошадь	103/14	41,2/29,79	443/23	28,7/17,6
Овца	17/4	6,8/8,51	44/9	2,9/6,9
Коза	–	–	26/5	1,7/3,8
Собака	4/1	1,6/2,13	65/13	4,2/9,9
Дикие мясные				
Лось	27/7	10,8/14,89	127/14	8,2/10,7
Кулан	–	–	22/4	1,4/3,1
Благородный олень	11/3	4,4/6,38	114/11	7,4/8,4
Сайга (?) (дзерен)	–	–	11/3	0,7/2,3
Кабан (?) (свинья)	1/1	0,4/2,13	28/4	1,8/3,1
Дикие пушные (мясные)				
Медведь	2/1	0,8/2,13	9/3	0,6/2,3
Волк	–	–	6/2	0,4/1,5
Лиса	2/1	0,8/2,13	6/2	0,4/1,5
Бобр	2/1	0,8/2,13	13/3	0,8/2,3
Выдра	1/1	0,4/2,13	–	–
Заяц	4/2	1,6/4,25	9/4	0,6/3,1

* I – количество костных остатков

II – минимальное количество особей

Ia – % от общего количества костных остатков

IIa – % от общего количества особей

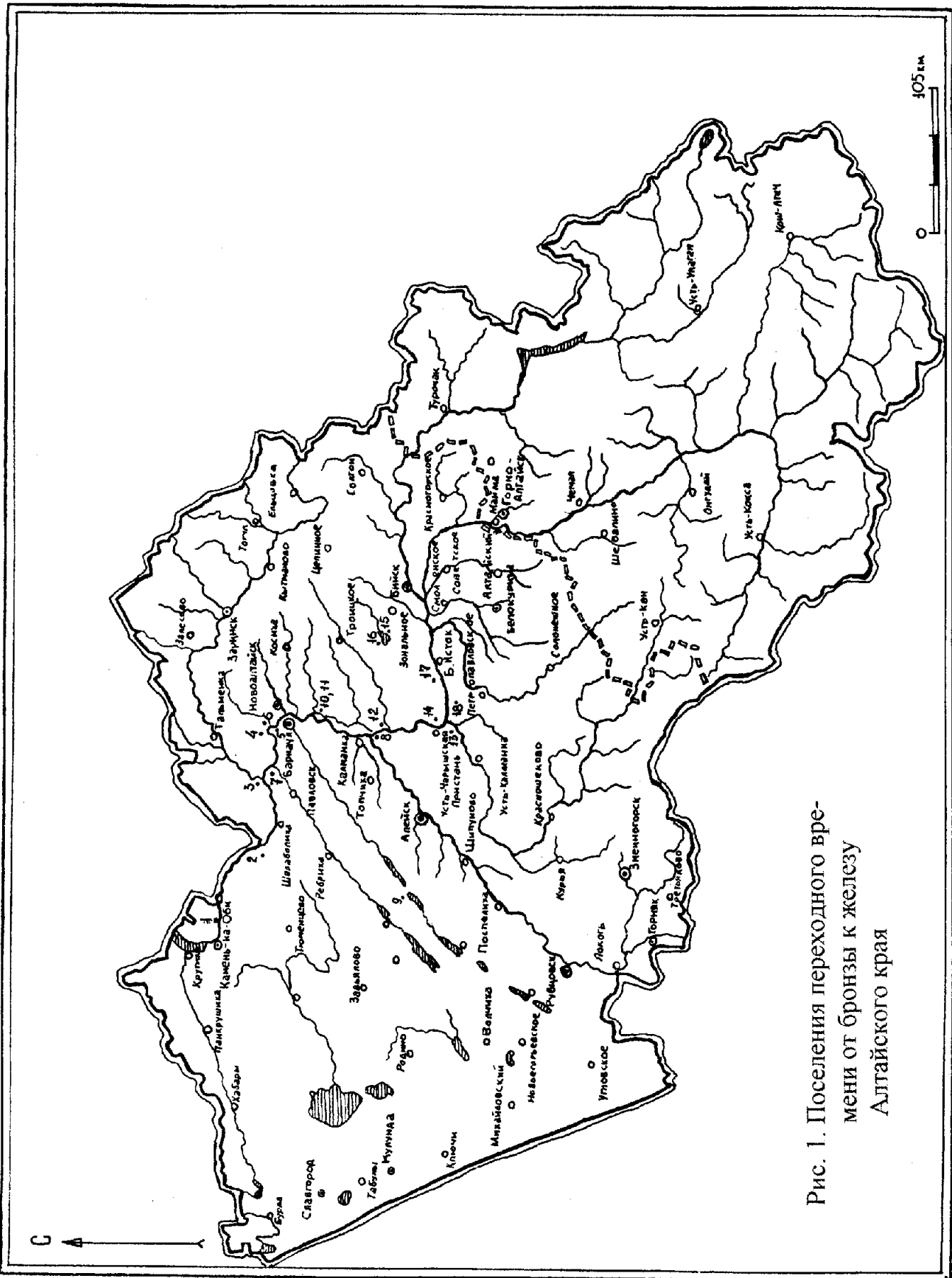

Рис. 1. Поселения переходного времени от бронзы к железу Алтайского края

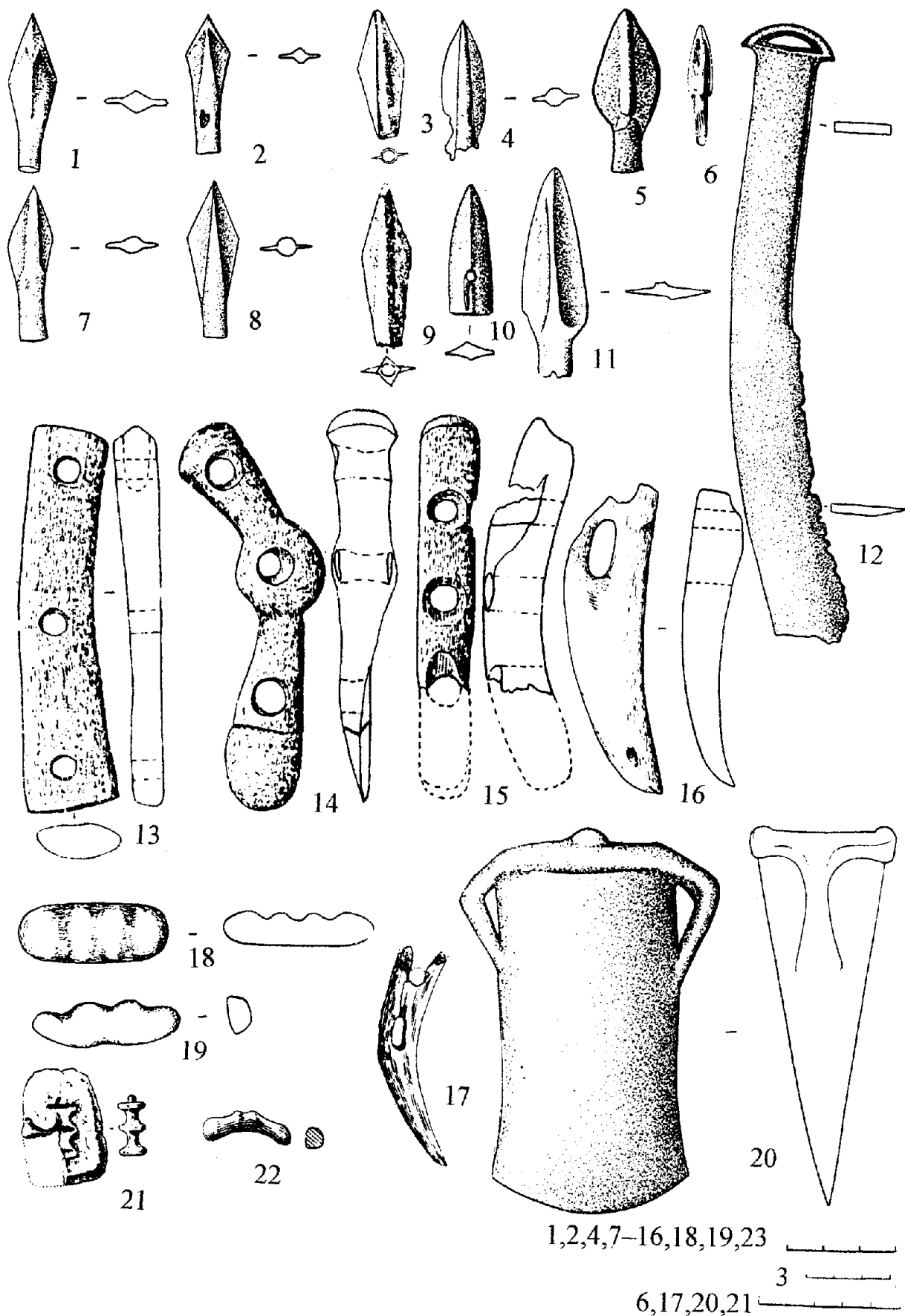

Рис. 2. Инвентарь поселений большереченской культуры:
 1, 2, 4, 7, 8, 10, 11, 12, 16, 18, 19, 22 — Мыльниково; 3 —
 Елбанка (по Г.Е. Иванову); 9, 13, 14, 15 — Елбанка (по
 А.А. Тишкину, Э.М. Медниковой); 5 — Бобровка (по
 А.Л. Кунгурову); 6, 17, 20, 21 — Ближние Елбаны I (по
 М.П. Грязнову)

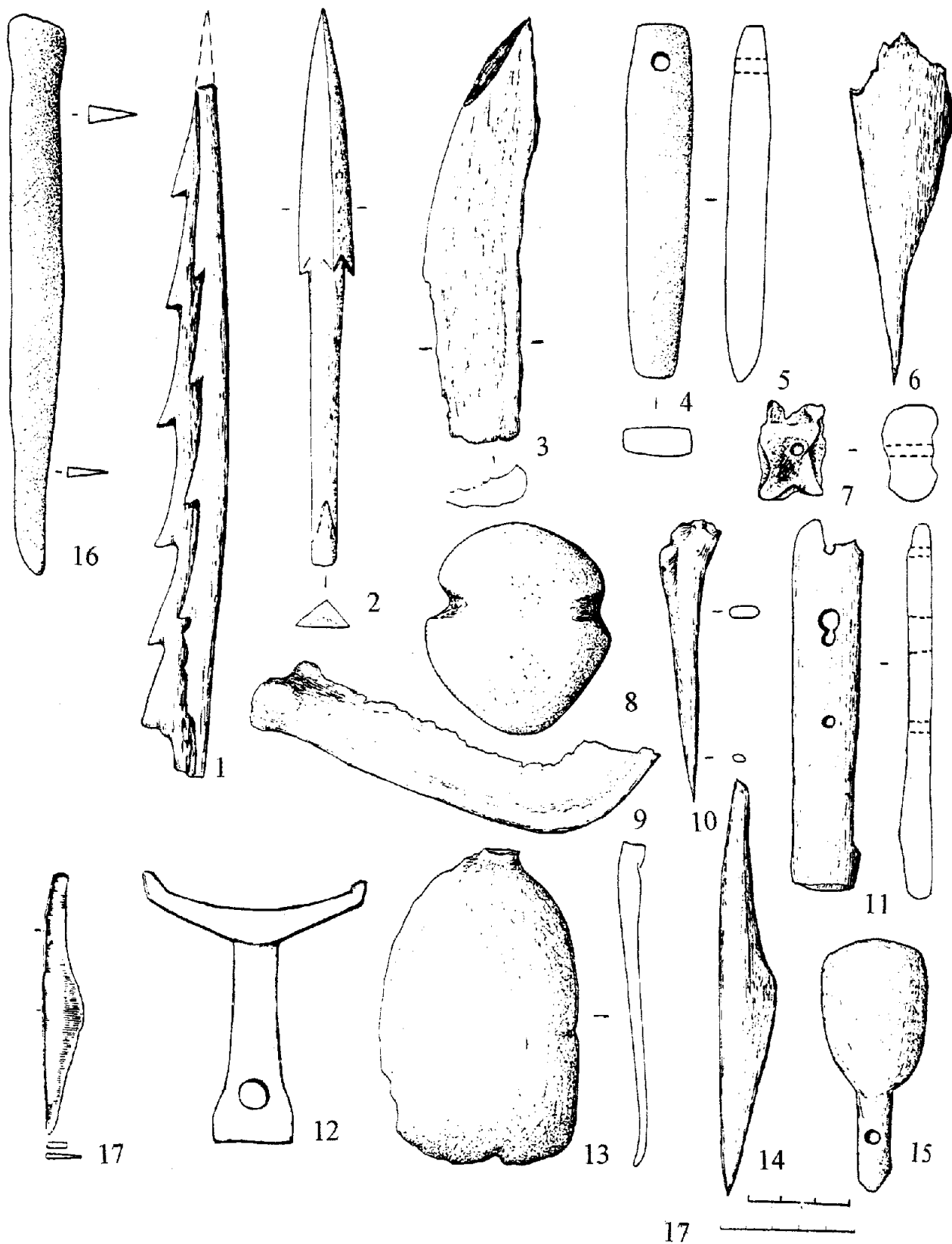

Рис. 3. Инвентарь поселений Мыльниково (1-16) и Ближние Елбаны I (17; по М.П. Грязнову)

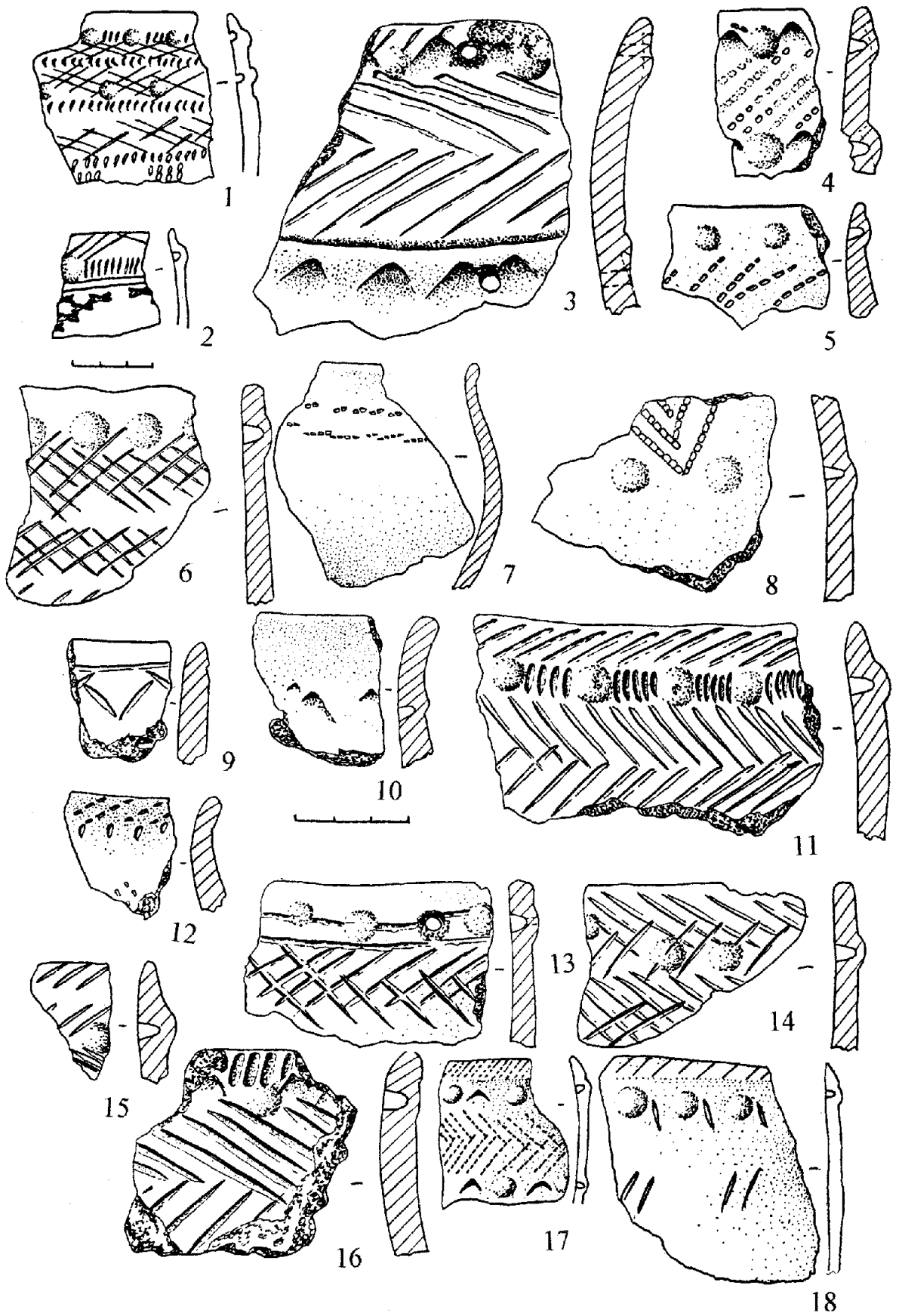

Рис. 6. Керамика с поселений Аллак III (1–16) и Костенкова Избушка (17,18)

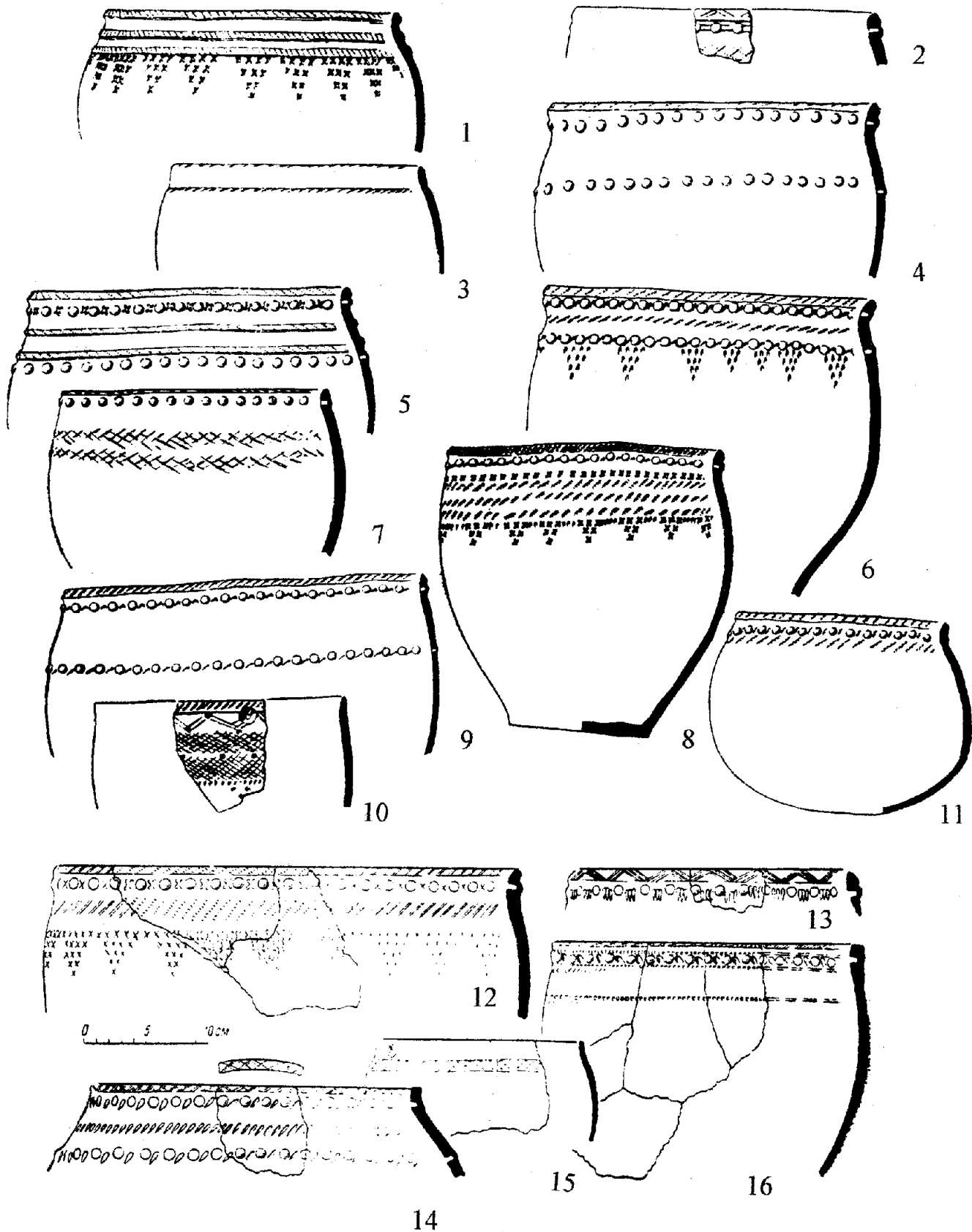

Рис. 7. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны I (по М.П. Грязнову)

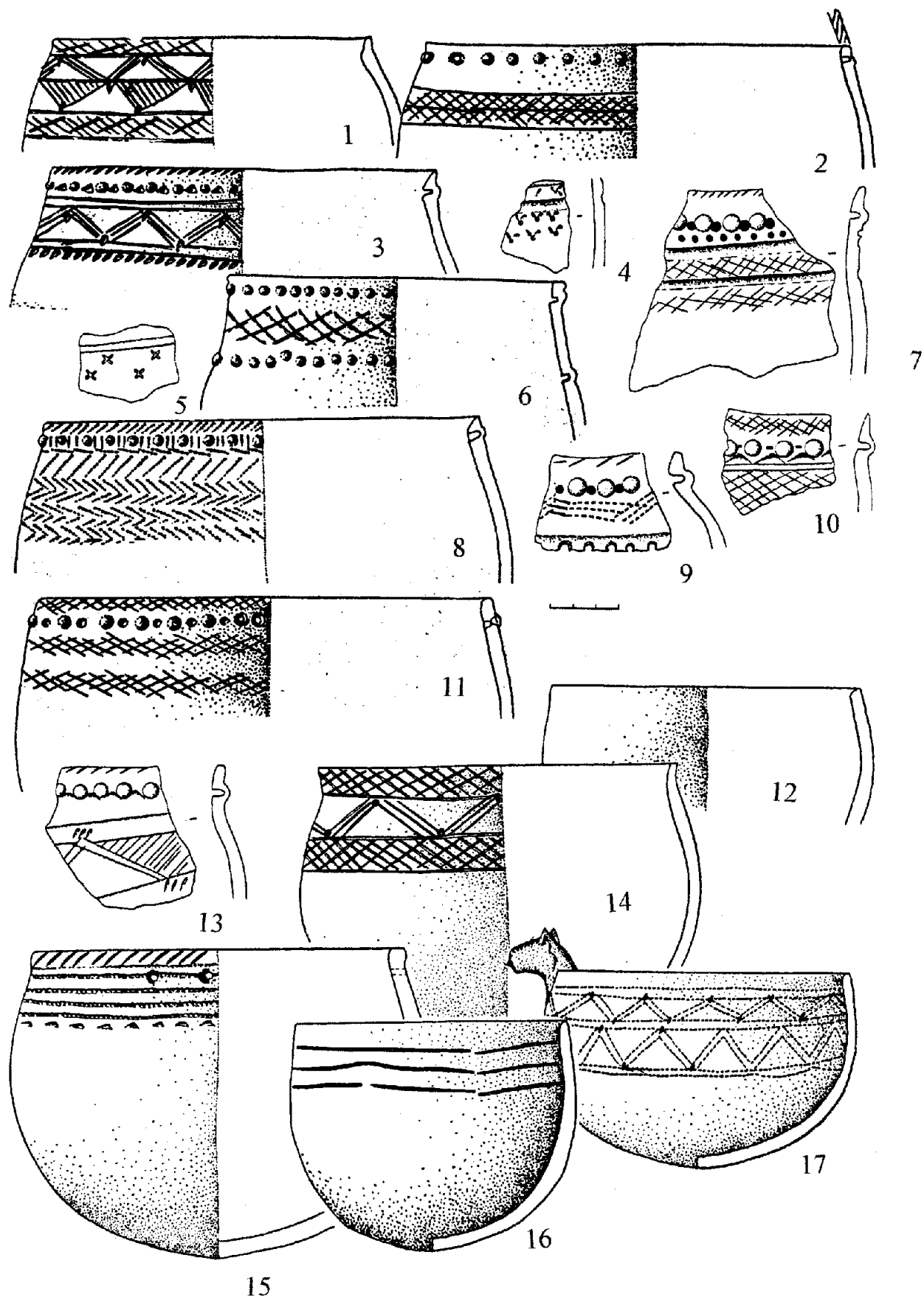

Рис. 8. Керамический комплекс Елунинского Культурного Места (по Ю.Ф. Кирюшину, А.Б. Шамшину)

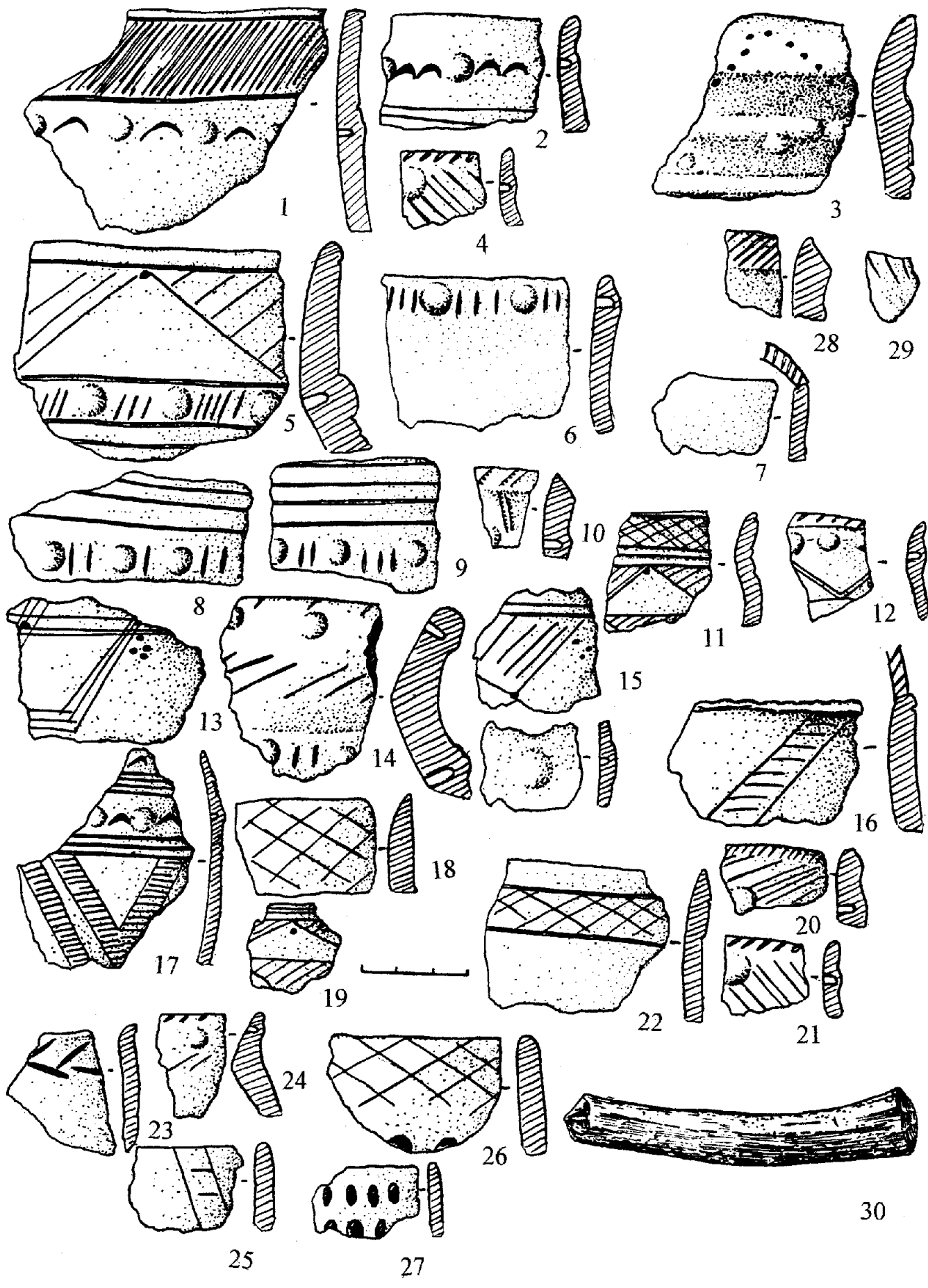

Рис. 9. Керамика с поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/2

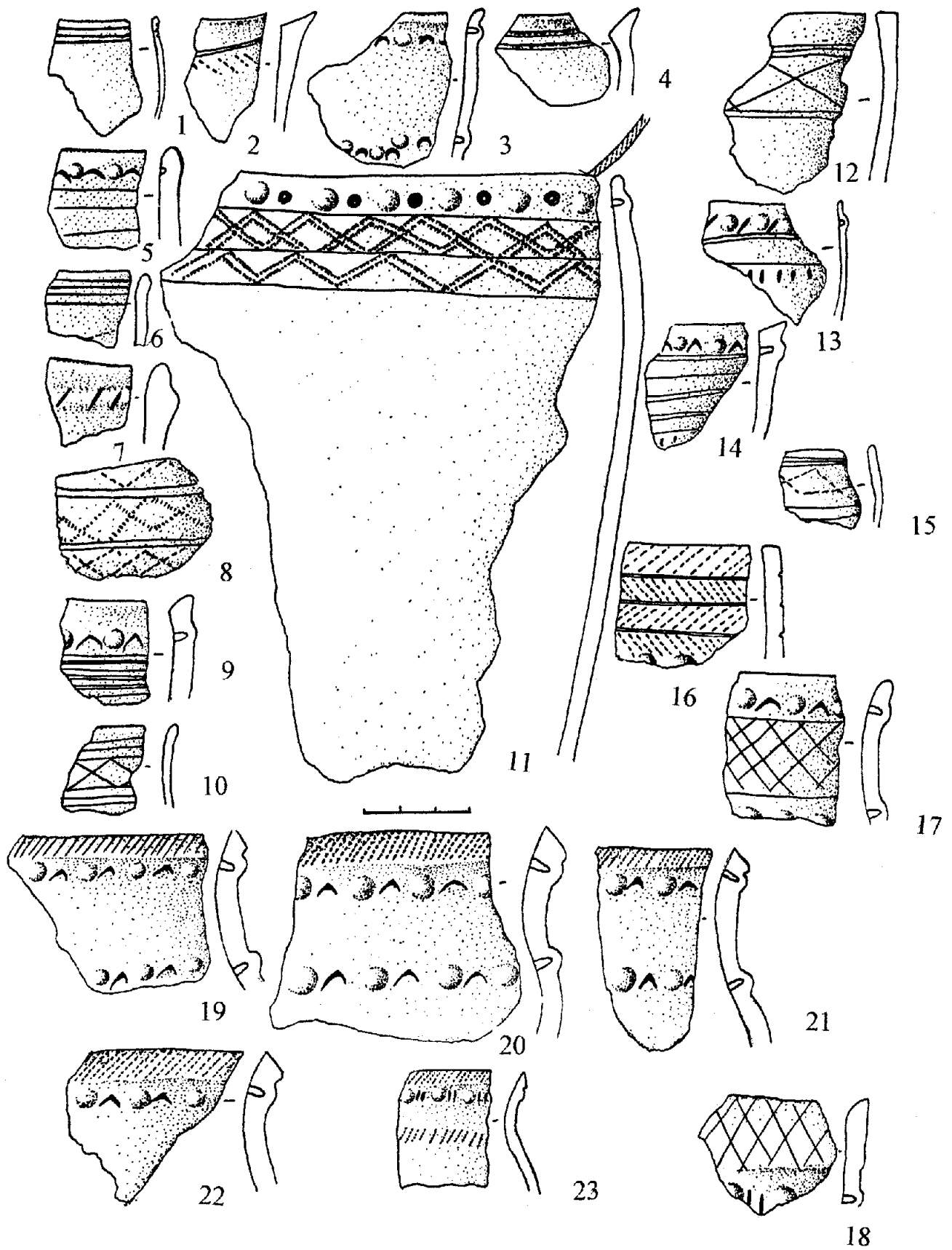

Рис. 10. Керамика с поселений Долгая Грива (1–18) и Быстрианский Кордон (19–23)

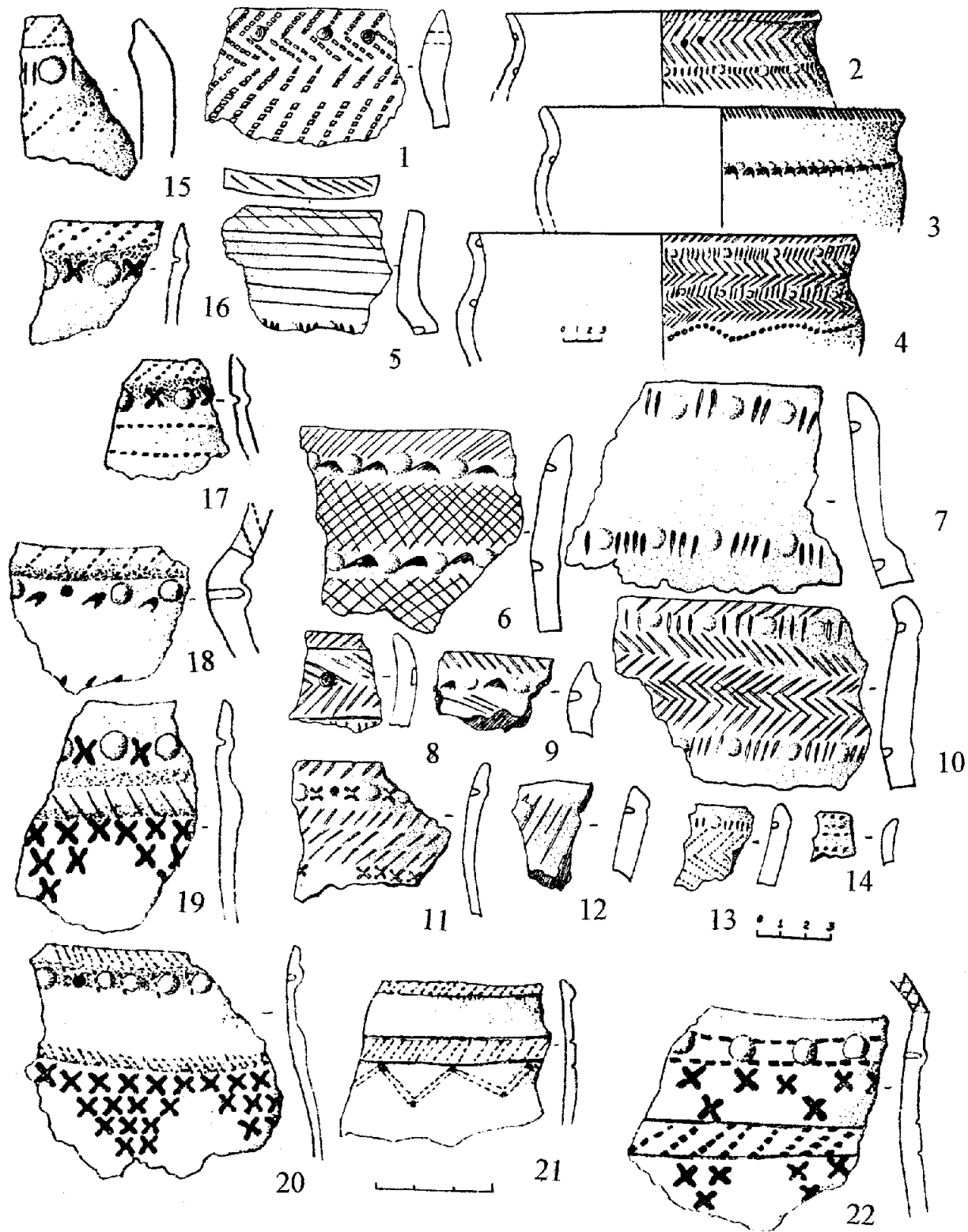

Рис. 11. Керамика с поселений Усть-Чумышская Пристань I (1-14; по А.П. Уманскому и А.Б. Шамшину) и Крестьянка (15-22)

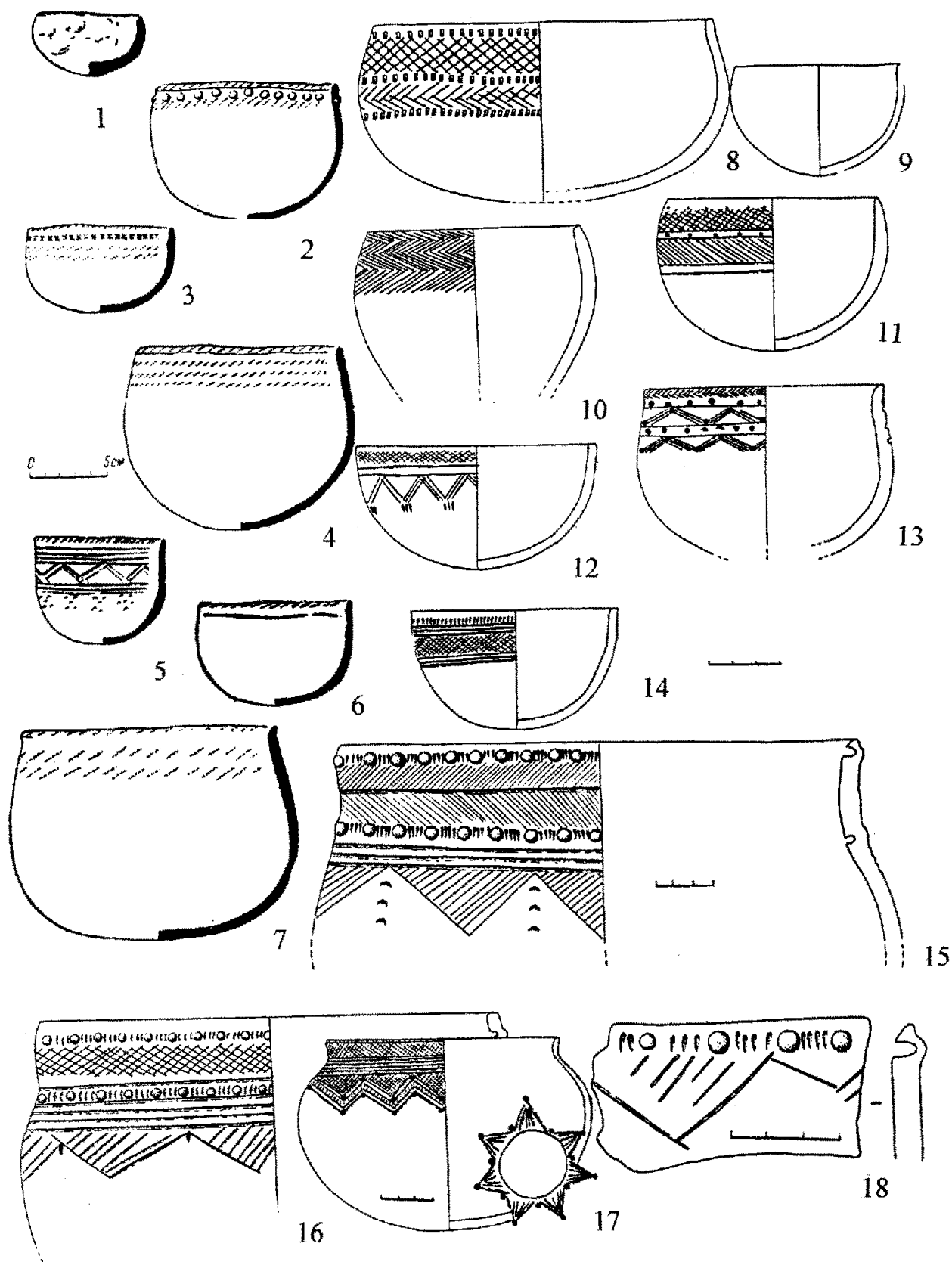

Рис. 12. Керамика поселений: Ближние Елбаны I (1-7; по М.П. Грязнову); Мыльниково (8-14); Киприно (15); Крестьянка IX (16,17; по Г.Е. Иванову); Дергач (18; по Ю.Ф. Кирюшину)

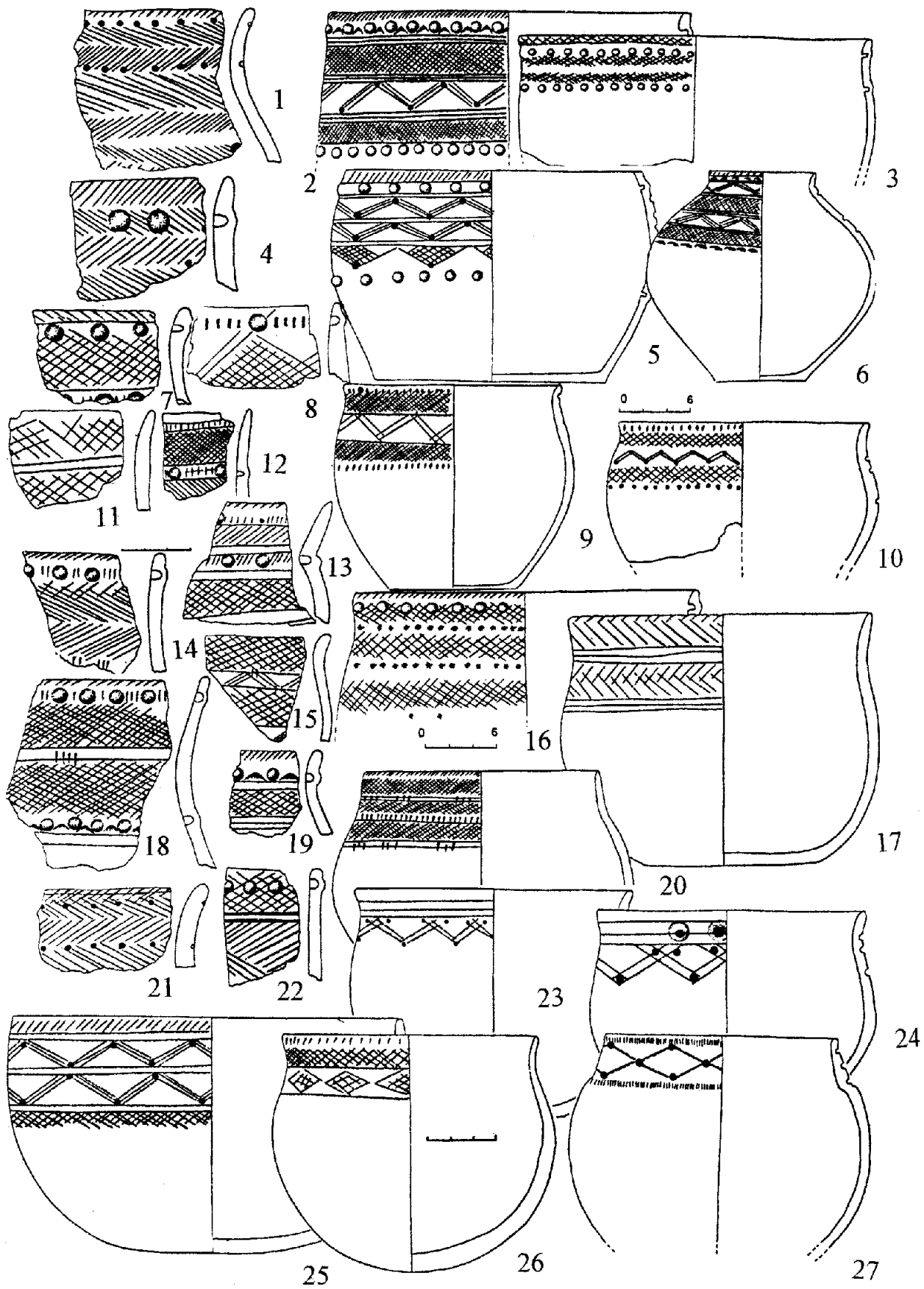

Рис. 13. Керамический комплекс поселения Мельниково

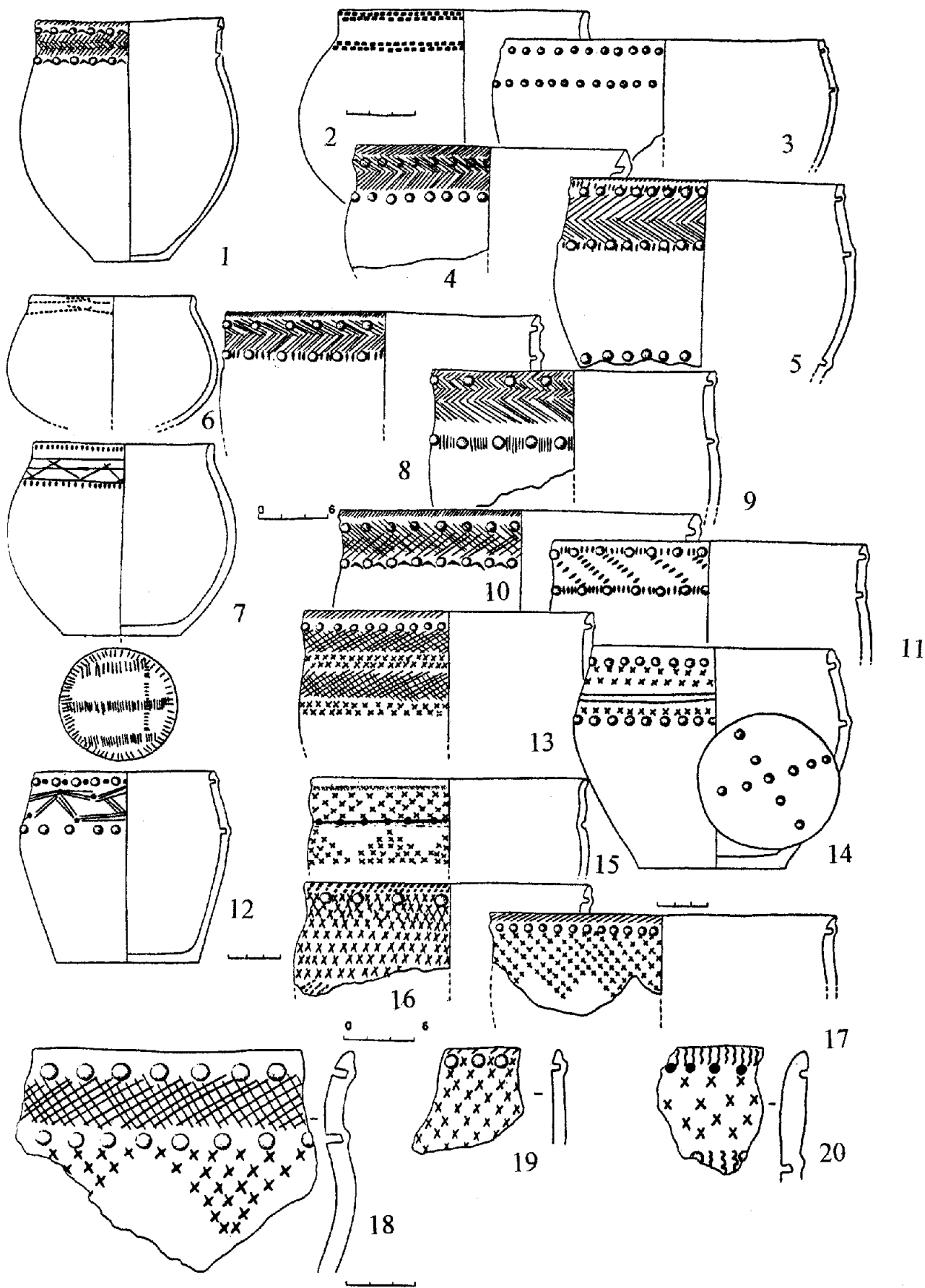

Рис. 14. Керамический комплекс поселения Мыльниково

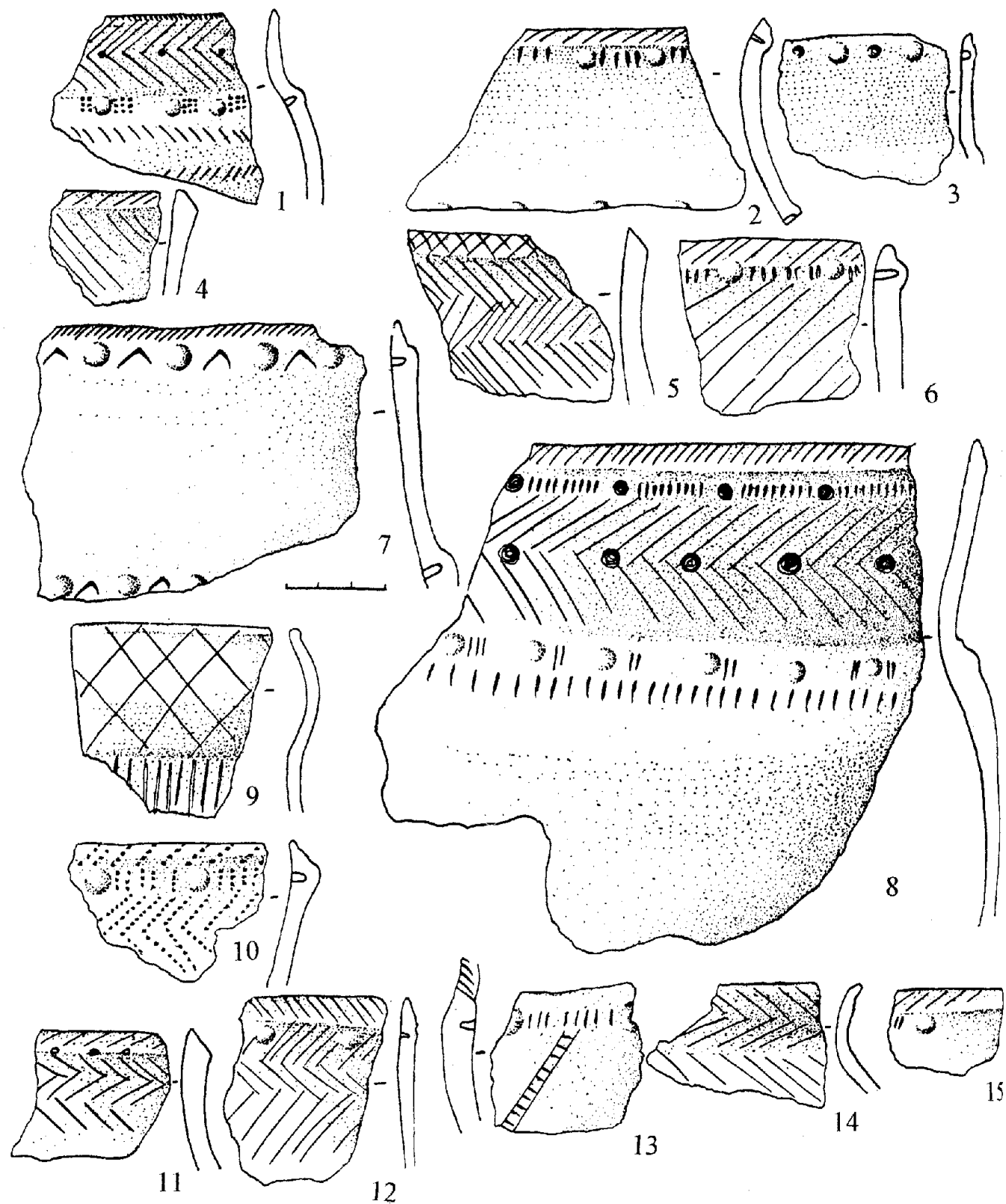

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Бобровка

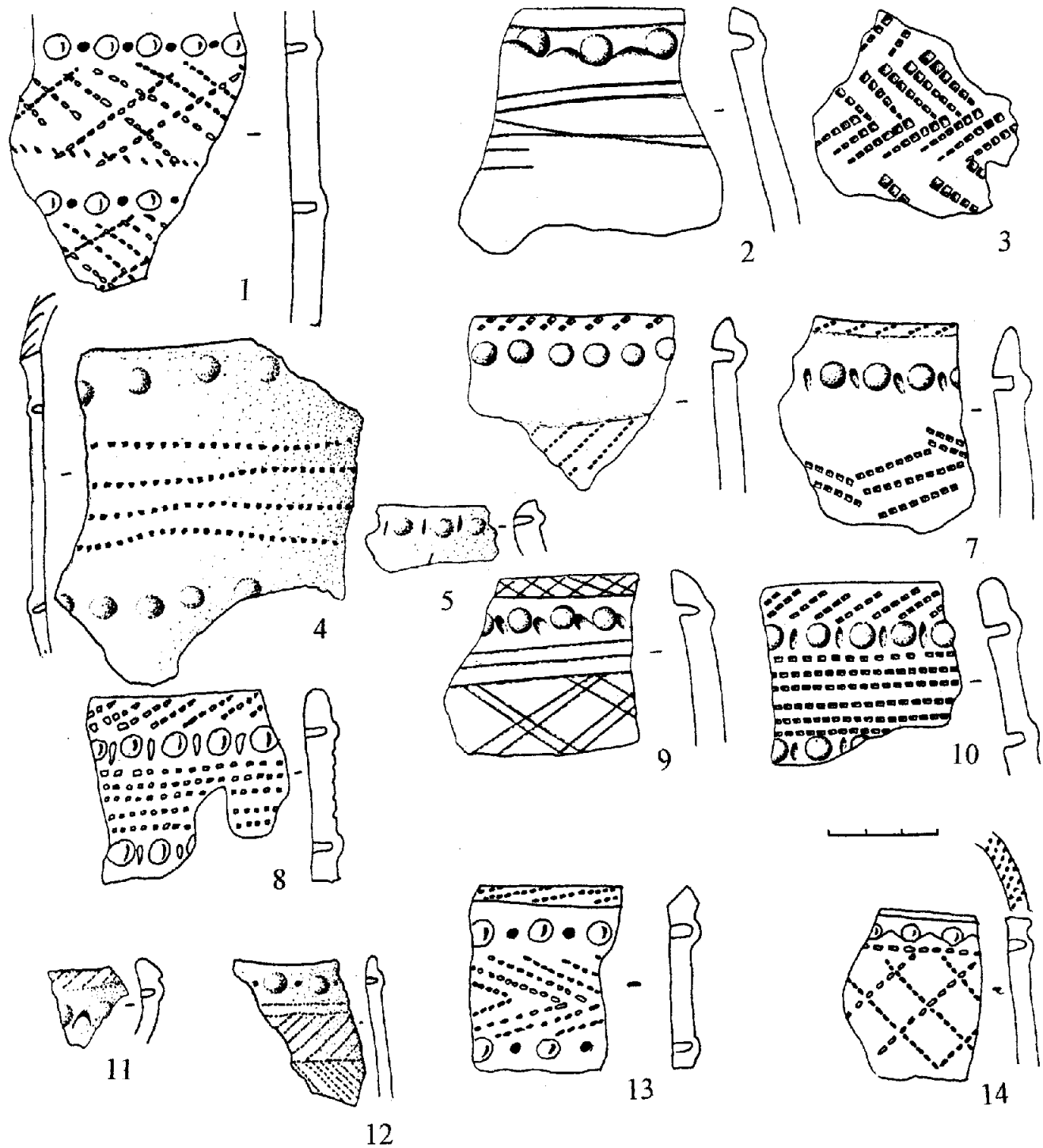

Рис. 5. Керамический комплекс городища Елбанка